

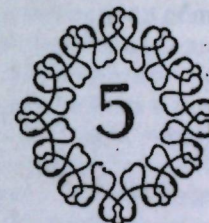
СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1955

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ 1955

17-12087
1957. | АН СССР.
№ 5 | ин-т востоков.
сов. востоков.

12р.

17-12087

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОСТОК

В. Я. АВАРИН

Образование первого в мире советского государства в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в России определило наступление новой эры мировой истории — эры победы социализма и крушения капитализма. Это был коренной поворот во всемирной истории человечества.

Победа социалистической революции в России отразилась на историческом развитии всех народов мира, нанеся мощный удар по устоям всей системы капитализма. Наступил период общего кризиса капитализма. Освобожденные Октябрьской революцией народы России приступили к созданию нового социалистического общественного строя. Блестящие успехи советских людей в строительстве социализма и коммунизма побуждали и побуждают прогрессивных людей всего мира, возмущенных социальной несправедливостью, существующей в капиталистическом мире, стремиться к созданию такого же общественного строя, бороться за него, преодолевая все препятствия. Октябрьская социалистическая революция вдохновила угнетенные народы Востока к борьбе за национальное и социальное освобождение.

Ко времени победы Великого Октября в ряде стран Востока уже появилась современная фабрично-заводская промышленность и сложился рабочий класс, хотя он и был сравнительно малочисленен, ввиду того, что эти страны сильно отстали в своем промышленном развитии, находясь в колониальном или полуколониальном положении.

В результате завоевания или в результате экономической и политической экспансии капиталистических держав большинство народов Востока было лишено национальной независимости и возможности нормального самостоятельного экономического и культурного развития. Эти страны оказались включенными в колониальную систему империализма. Такое положение не могло без конца продолжаться, и, действительно, после Октябрьской революции начался кризис колониальной системы, являющийся составной частью общего кризиса капитализма.

В основе кризиса колониальной системы лежит обострение одного из важнейших противоречий империализма — противоречия между небольшой кучкой господствующих наций, с одной стороны, и огромной массой колониальных и зависимых народов, насчитывающих сотни миллионов человек — с другой. Эти народы не могли мириться и не мирятся с тем состоянием зависимости, жестокой эксплуатацией и нищетой, в которые они были ввергнуты монополистическим капиталом.

П12087
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. Киргизской ССР

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России принесла свободу десяткам миллионов людей, населяющих обширные территории колониальных владений царской России. Такие народы, как узбеки, казахи, таджики, туркмены, грузины, армяне, азербайджанцы и другие, стали равноправными членами великой семьи народов — Союза Советских Социалистических Республик. Пример, показанный угнетенным народам всего мира, обладал огромной вдохновляющей силой.

В обществе, где существует классовое угнетение, неизбежно также и национальное угнетение. Это зло было присуще и царской России, недаром ее называли тюрьмой народов. Социалистическая революция в России навсегда уничтожила как классовое, так и национальное угнетение. Своим существованием Советская Россия показывала путь к освобождению всем угнетенным народам.

В основе марксистско-ленинского учения по национальному вопросу находится тезис Ленина о признании полного равноправия всех наций вплоть до их права на государственное отделение. Ленин многократно подчеркивал, что пролетариат может победить лишь тогда, когда большинство населения вступит на путь самостоятельного исторического творчества. Путь к социализму, указывал Ленин, не является абсолютно одинаковым для всех наций. Линии исторического развития не являются совершенно единообразными для всех стран. Нации, заявлял Ленин, придут к социализму «...не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»¹.

Практически решая национальный вопрос, Коммунистическая партия Советского Союза исходила из положений, выдвинутых Лениным. Она проводила в жизнь принцип полного равноправия наций, следуя учению Ленина о том, что угнетенной при капитализме нации должно быть предоставлено «...равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство»².

Коммунистическая партия создала стройную и всеобъемлющую программу разрешения столь важной для восточных стран национальной проблемы. Эта программа легла в основу деятельности членов партии. Она явилась в их руках остро отточенным оружием, сыгравшим великую роль в победоносной освободительной борьбе трудящихся масс России.

Марксизм-ленинизм учит, что непременным условием разрешения национального вопроса является действительное уравнивание национальностей. Это означает, что отсталым национальностям должна быть оказана систематическая помощь для того, чтобы они могли быстро преодолеть свою отсталость и достигнуть культурного и хозяйственного уровня передовых наций.

Политика братской дружбы и взаимной помощи народов, проводимая Коммунистической партией и Советским правительством, способствовала быстрому продвижению всех народов Советской страны по пути экономического и культурного прогресса. Экономическую базу политики национальной дружбы составило утверждение социалистической собственности и уничтожение частной собственности на средства производства, так как эта частная собственность является основой для эксплуатации, приводит к разобщению людей и порождает между ними вражду.

Право на самоопределение и государственное отделение было провозглашено советским законом. Оно было предоставлено всем нациям, насе-

ляющим Россию. В. И. Ленин в 1919 г. писал: «Мы хотим добровольного союза наций... такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии»³.

Вовлечение всех народов советского Востока в государственное строительство, полное уничтожение национальной вражды, объединение всех наций и национальностей в дружную семью строителей нового социалистического общества представляло гигантскую задачу, которая имела исключительно важное значение для всего дела социалистического строительства. Коммунистическая партия блестяще разрешила эту задачу.

В результате осуществления политики равноправия наций в Советском Союзе не стало ни угнетенных, ни господствующих наций. Была ликвидирована межнациональная рознь; были образованы союзные и автономные советские республики. Благодаря тому, что национальности советского Востока получили возможность развернуть во всю ширь свои творческие силы и пользовались при этом систематической помощью русского народа, во всех советских восточных республиках невиданно быстрыми темпами выросла мощная социалистическая промышленность. Сельское хозяйство этих республик перешло на рельсы социализма. Просвещение, блага культуры стали достоянием народных масс. Народы советского Востока перешли в ряды передовых народов мира, минуя мучительную стадию капитализма. Нации советского Востока превратились в социалистические нации.

Перед Великой Октябрьской социалистической революцией в среднеазиатских областях России промышленность почти отсутствовала. Например, во всей промышленности Туркмении в 1914 г. было занято лишь 2 029 рабочих.

В результате политики индустриализации прежде отсталых окраин России удельный вес промышленности в народном хозяйстве республик советского Востока увеличился во много раз. Так, например, в Киргизской ССР валовая продукция крупной промышленности уже в 1940 г. увеличилась в 153 раза по сравнению с 1913 г., в Таджикской ССР — в 308 раз, тогда как в целом по Советскому Союзу продукция крупной промышленности возросла в 12 раз. В послевоенный период в республиках советского Востока промышленность продолжает неуклонно развиваться, причем темпы роста промышленности, как и в предыдущие годы, превышают общесоюзные.

Грандиозные перемены произошли также в сельском хозяйстве республик советского Востока. Как и во всем Советском Союзе, в этих республиках крестьяне повсюду объединились в коллективные хозяйства. Проводится широкая механизация сельскохозяйственного производства. В 1953 г. сельское хозяйство среднеазиатских республик обслуживали 121 тыс. тракторов, 23 тыс. комбайнов и десятки тысяч других машин. Во всех этих республиках намного увеличилась орошаемая площадь. Поразительные перемены произошли в Казахстане в 1954—1955 г. в результате освоения огромных массивов целинных земель. За два года поднято более 16 млн. га целинных и залежных земель. Уже в 1955 г. посевная площадь Казахстана увеличилась по сравнению с 1953 г. на 10,5 млн. га. Разве это не изумительные цифры?

Растет благосостояние и расцветает национальная культура народов советского Востока. Так, в Таджикистане число учащихся увеличилось втрое по сравнению с 1940 г. За первую послевоенную пятилетку там по-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 58.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 324.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 269.

строено 548 новых школьных зданий. Разве не говорит о многом и тот факт, что в Советском Азербайджане на каждые 10 тыс. жителей в 30 с лишним раз больше студентов, чем в Иране, почти в 8 раз больше, чем в Турции!

Социалистические нации в СССР свободны от классовых противоречий. Великое содружество народов СССР — подлинное воплощение идей ленинизма.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала глубочайшее влияние на общественное развитие во всех странах зарубежного Востока. Социалистическая революция непосредственно воздействовала на судьбы Внешней Монголии. Антиимпериалистическая и антифеодальная революция, развернувшаяся во Внешней Монголии в 1921 г., завершилась победой народа и привела к образованию Монгольской Народной Республики. Монгольский народ с первых дней своей революционной борьбы и существования республики имел верного друга в лице Советской России. Получая братскую помощь от народов Советской страны, Монгольская Народная Республика вступила на путь некапиталистического развития и в своем экономическом и культурном развитии достигла замечательных успехов.

Советское государство проводит принципы подлинного равноправия во взаимоотношениях со всеми народами, живущими за его пределами. Отказ от царских неравноправных договоров и соглашений явился одним из первых актов советской внешней политики.

Прогрессивная общественность всех стран Востока высоко оценила советскую политику дружественной помощи и поддержки угнетенных народов. Вождь китайских революционеров-республиканцев Сунь Ят-сен в своем политическом завещании выразил уверенность в том, что Советский Союз — оплот всех угнетенных — будет продолжать и впредь политику поддержки китайского народа. Сунь Ят-сен завещал китайскому народу жить и бороться рука об руку с народами СССР.

Для характеристики мыслей и чувств, которые вызывали у передовых людей Востока победа социализма в России, показательны слова из предсмертного письма Рабиндраната Тагора, которые цитирует Джавахарлал Неру в своей книге «Открытие Индии». Тагор пишет о Советской стране: «Ее цивилизация свободна от порождающих вражду различий между классами и сектами. Быстрые, поразительные успехи, достигнутые ею, вызывают у меня чувство радости и одновременно — зависти... Когда я вижу, что в другой стране около 200 национальностей, еще несколько лет назад находившихся на совершенно различных ступенях развития, двигаются вперед в мирном прогрессе и в дружбе и когда я смотрю на свою собственную страну и вижу, как высокоразвитые и мыслящие люди скатываются к хаосу варварства, я не могу не сопоставить эти две системы управления, из которых одна основана на сотрудничестве, а другая — на эксплуатации, что сделало возможным столь различные условия».

Джавахарлал Неру отмечал, что он «...не сомневался, что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она, — пишет Неру, — заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

Рост после Октябрьской социалистической революции национально-освободительного движения в Китае, Индии, в странах Ближнего Востока, в Северной Африке и других угнетенных странах явился выражением кризиса колониальной системы. Уже в первое десятилетие после Октябрьской революции Китай, Корея, Индонезия, Афганистан, Иран, Марокко, Египет, Ирак, Сирия, Турция и ряд других стран стали ареной антиим-

периалистических восстаний или национально-освободительных войн. Во многих странах Востока образовались коммунистические партии, пролетариат этих стран вступил в борьбу с буржуазией за руководство освободительным движением.

Революционная освободительная борьба достигла особенного размаха в Китае. Влияние победоносной Октябрьской социалистической революции на судьбы Китая было колоссально. Широко известны слова товарища Мао Цзэ-дуна, в которых он дает оценку значения Октябрьской революции для освободительного движения в Китае: «Орудийные залпы Октябрьской революции довели до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла прогрессивным элементам мира и Китая применить пролетарское мировоззрение для определения судьбы страны и пересмотра своих собственных проблем. Идти по пути русских — таков был вывод»⁴.

Антиимпериалистическое «движение 4 мая» 1919 г. в Китае возникло под влиянием Октябрьской революции. Со времени «движения 4 мая» национально-освободительная борьба китайского народа становилась частью международной пролетарской революции. В июне 1919 г. в городах Китая уже развернулось первое значительное забастовочное движение, охватившее десятки тысяч рабочих.

Под прямым воздействием Октябрьской революции китайский пролетариат создал свою коммунистическую партию, первый съезд которой состоялся в 1921 г. В то время в Китае насчитывалось около 2,5 млн. рабочих на промышленных и транспортных предприятиях современного типа. Рабочий класс Китая создал также свои революционные профсоюзы. В приветствии Коммунистической партии Китая XIX съезду КПСС говорилось: «Коммунистическая партия Китая была создана под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и по примеру Коммунистической партии Советского Союза»⁵.

Антиимпериалистическая, антифеодальная революция, охватившая Китай в 20-х годах, потерпела временное поражение вследствие измены буржуазии и недостаточности в то время сил рабочего класса, но пролетариат и его партия не сложили оружия. Китайский рабочий класс в процессе революции 1924—1927 гг. занял руководящую роль. Он укреплял союз с крестьянством, поднимал широкие народные массы против угнетателей и продолжал решительную революционную вооруженную борьбу против империализма и его агентуры в Китае.

Со времени революционной войны 1924—1927 гг. вооруженная революция в Китае противостояла вооруженной реакции. Народно-революционные армии вели успешную войну Сопротивления против японских оккупантов и победоносно завершили борьбу против американской интервенции и гоминьдановской реакции.

Победа Китайской революции означала новый великий триумф марксизма-ленинизма. Она явилась величайшей победой дела мира, могучим ударом по силам агрессии. Превращение Китая из полуколонии империализма в страну народной демократии, в могучую мировую державу, в которой народ под руководством коммунистической партии начал осуществлять коренные социалистические преобразования, было всемирно-историческим событием. Вступление огромной восточной страны на путь социалистического строительства явилось ярким торжеством идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Победа пролетарской революции в России оказала воздействие и на другие страны Востока. Советское правительство весной 1919 г.

⁴ Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. М., 1949, стр. 5—6.

⁵ «Правда», 9 октября 1952 г.

объявило в своей декларации, что оно признает суверенные права Афганистана. В феврале 1921 г. Советская Россия заключила с Афганистаном равноправный договор. Это способствовало укреплению государственной самостоятельности Афганистана. Советское правительство вывело войска из Ирана, а в 1921 г. ликвидировало все неравноправные договоры, заключенные царским правительством с Ираном, вернуло Ирану концессии и т. д.

Правительство Советской России осудило режим капитуляций, существовавший в Турции. По договору, заключенному в марте 1921 г., оно отказалось от всяких прав и привилегий, предоставленных на основе этого режима иностранным державам.

Воодушевленный победой революции в России и справедливой национальной политикой советской страны, турецкий народ поднялся на национально-освободительную борьбу против империалистического гнета и султанского режима. Турецкий народ в 20-х годах добился успехов в борьбе против колонизаторов, но слабость рабочего класса в Турции явилась причиной того, что турецкое освободительное движение закончилось верхушечной революцией торговой буржуазии. Государственным аппаратом овладели помещики и крупная буржуазия. Революция почти не затронула пережитков феодализма в сельском хозяйстве. Это не могло не привести к последующему восстановлению позиций империализма в Турции.

Антиимпериалистические восстания вспыхивали в Иране и в других угнетенных странах Востока. Кризис колониальной системы все более обострялся. На первом этапе общего кризиса капитализма угнетенным народам зарубежного Востока, за исключением монгольского народа, не удалось завоевать свободу и независимость; однако позиции колониализма во многих поработанных странах серьезно ослабели.

В борьбе за свободу и национальную независимость в первый период общего кризиса капитализма народы Востока приобрели серьезный революционный опыт. Эта борьба явилась важным этапом их освободительного движения, развивавшегося в условиях соревнования двух систем, двух миров. Коммунистическая идеология равноправия и дружбы народов, победившая в Советском Союзе, открыла новые перспективы развития человечества.

Сужение мировой сферы капиталистической эксплуатации, происшедшее в результате победы Октябрьской революции, обострило борьбу между империалистическими державами за передел мира, за захват колоний.

В развязанной германскими, японскими и итальянскими империалистами захватнической войне с целью передела мира в свою пользу, многие страны Востока стали ареной военных действий. Милитаристская Япония стремилась захватить колониальные и полуколониальные страны Азии. Военные действия и оккупация территорий ряда стран Азии привели к разорению их хозяйства, гибели массы людей и материальных ценностей, к дальнейшему ухудшению положения трудящихся, к усилению колониального поработения. Но война затронула и те страны Востока, на территории которых не было военных действий. Производство на войну и война оказали пагубное влияние на экономику этих стран; подрывались производительные силы; текущая продукция, создаваемая сотнями миллионов людей, расходовалась непроизводительно. Еще Маркс отметил, что война «...в непосредственном экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала»⁶.

⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV, стр. 29.

Естественно, все это вызывало возмущение народов против империализма, вело к росту национально-освободительной борьбы.

Вторая мировая война сильно ослабила империалистическую систему и тем самым облегчила прорыв слабых звеньев цепи колониализма. Кризис колониальной системы на втором этапе общего кризиса капитализма достиг такой степени обострения, что после войны начался распад этой системы.

Распад колониальной системы характеризовался распространением мощного национально-освободительного движения, охватившего одновременно многие страны на различных континентах; усилением роли рабочего класса в борьбе угнетенных народов за свободу и национальную независимость, возглавившего во многих странах освободительное движение; укреплением коммунистических партий, выросших численно, приобретших опыт борьбы, способных творчески претворять в жизнь марксизм-ленинизм применительно к конкретным особенностям своей страны и данного исторического этапа; укреплением союза рабочего класса и крестьянства в качестве основы единого национального антиимпериалистического фронта под руководством рабочего класса; переходом во многих странах национально-освободительной борьбы в стадию вооруженных восстаний и организованной вооруженной освободительной войны против колонизаторов и их социальной и политической опоры.

Необычайно упорная освободительная борьба, продолжавшаяся многие годы против превосходящих по численности и вооружению сил, в ряде стран Азии завершилась полной победой. Изменилось соотношение сил на международной арене. Лагерь мира, демократии и социализма, возглавляемый Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, усилился, а лагерь империализма серьезно ослабел. Между народами Советского Союза, Народного Китая, народно-демократической Кореи, Монгольской Народной Республики и демократического Вьетнама установились отношения братской дружбы и самого тесного политического, экономического и культурного сотрудничества и взаимной помощи.

Могучий лагерь стран, вступивших на путь социалистического развития, насчитывающих 900 миллионов населения, оказывает огромное благотворное влияние на ход мировой истории. Сотрудничество, отвечающее коренным интересам народных масс, стремление к достижению общих великих целей показывает всему миру, на каких благородных принципах зиждятся взаимные отношения между нациями социалистического мира. «Общие цели в борьбе за социализм и коммунизм, общие задачи в борьбе за мир между народами, свободное и независимое развитие всех народов, идеология дружбы между народами — все это гигантски ускоряет сближение наций, делает нерасторжимым единство свободных народов»⁷, — говорил Н. С. Хрущев в речи, произнесенной в Пекине 30 сентября 1954 г.

В результате освободительной борьбы ряд колониальных стран Востока встал на путь суверенного развития. Народы Индии, Индонезии, Бирмы, Египта, Сирии и других государств стремятся к проведению независимой национальной политики. Хотя в этих странах иностранные монополии еще сохраняют значительные экономические позиции, однако в целом позиции колонизаторов здесь серьезно подорваны. Все это показывает широту и глубину тех изменений, которые произошли на Востоке, широту и глубину кризиса колониальной системы и общего кризиса капитализма.

Среди важнейших лозунгов, начертанных на знамени Великой Октябрь-

⁷ «Правда», 1 октября 1954 г.

ской социалистической революции, был лозунг: «Мир между народами!». Первый декрет, который был издан Советским правительством, был декрет о мире, ясно выразивший идею мирного сосуществования. Основатель советского государства, великий Ленин неоднократно заявлял о возможности и желательности мирного сосуществования социалистической страны с капиталистическими странами. В наше время, когда перед человечеством встала во весь рост угроза атомной войны, борьба за мир приобрела исключительно важное значение. Страны Востока принимают в этой борьбе самое активное участие. Народы этих стран стремятся улучшить свое экономическое положение, развивать свою культуру, они решительно против войны, несущей разрушение и смерть.

В результате усилий миролюбивых народов были прекращены военные действия в Корее и в Индо-Китае, грозившие перебросить огонь войны за пределы этих стран.

В 1954 г. правительства двух великих восточных стран — Китая и Индии заявили, что они будут основывать свои отношения на следующих принципах: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) взаимное ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимные выгоды; 5) мирное сосуществование. Эти пять принципов сотрудничества и мирного сосуществования стран с различными общественными системами получают все более широкое признание не только в Азии, но и на других континентах.

Могучее стремление народов азиатских и африканских стран к национальной независимости и самостоятельности получило свое выражение на Бандунгской конференции стран Азии и Африки в апреле 1955 г. Представители 29 восточных стран на этой конференции высказались за экономическое и культурное сотрудничество между всеми странами, они подали свой голос за разоружение и запрещение термоядерного оружия. Бандунгская конференция продемонстрировала готовность народов Востока к борьбе за полное освобождение от империалистического гнета.

Вся прогрессивная общественность Востока в настоящее время понимает, что экономическая отсталость стран Азии и Африки, населенных сотнями миллионов людей, являлась великим несчастьем не только для народов этих стран, но и для народов всего мира. Она знает, что причиной этой отсталости было колониальное господство империалистических держав и сохранение полуфеодального общественного строя внутри этих стран.

В наше время, когда народы экономически и культурно тесно связаны между собой, состояние одних оказывает большое влияние на судьбы других, на всеобщий прогресс. Те страны Востока, которые уже освободились от иностранной зависимости, не только резко изменили к лучшему условия своей жизни, но и получили возможность с каждым годом вносить все больший вклад в дело всего прогрессивного человечества.

После Женевского совещания Глав правительств четырех держав, когда наметился определенный благоприятный поворот в отношениях между четырьмя великими державами и наступил новый этап в деле смягчения международной напряженности, нельзя оставить в стороне международные проблемы, относящиеся к Востоку. Вся прогрессивная общественность мира признает, что предложение правительства Китая об организации коллективной безопасности на Дальнем Востоке вместо существующих военных блоков и группировок стран заслуживает самого серьезного внимания. В интересах всех народов необходимо принятие действенных мер для ослабления напряженности и улучшения отношений между народами на Ближнем и Среднем Востоке. Это может быть достигну-

то, конечно, не путем вовлечения стран в военные блоки, направленные против мирных государств, а созданием системы подлинной безопасности и мира для всех стран, больших и малых.

Прогрессивные силы всего мира сознают, что для успешного и быстрого подъема благосостояния и счастья народов Европы и Америки, Азии и Африки необходимо дальнейшее укрепление мира и дальнейшее ослабление международной напряженности. Весьма важным шагом в достижении этих целей может и должно явиться урегулирование международных проблем, связанных с Востоком, на основе справедливости и исполнения воли заинтересованных народов. Среди этих проблем — окончательное урегулирование корейского вопроса и выполнение решений Женевского совещания по Индо-Китаю, нормализация экономических отношений между странами и другие.

Самого срочного разрешения требует вопрос о восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. Тот факт, что такая великая страна, как Китай, насчитывающая 600 миллионов населения, лишена возможности занимать принадлежащее ей место в ООН, является не только величайшей, несправедливостью по отношению к китайскому народу, но и наносит ущерб престижу и деятельности самой Организации Объединенных Наций, которая теряет значение подлинно всеобщей международной организации. Восстановление прав Китайской Народной Республики в ООН необходимо как в интересах укрепления международного мира и безопасности, так и в интересах обеспечения международного авторитета ООН. Китайская Народная Республика, как известно, целиком и полностью поддерживает цели и принципы ООН. Китайский народ, как и другие миролюбивые народы Востока и всего мира, полагает, что пора создать нормальные условия для работы ООН путем восстановления неоспоримых прав Китая в этой международной организации.

Народы требуют справедливого решения других международных вопросов, связанных с актуальными проблемами стран Востока. Должны быть устранены такие барьеры, как эмбарго на торговлю с Китаем и многие другие препятствия, мешающие развитию мирного политического, экономического и культурного сотрудничества между народами.

* * *

Высоко поднимая знамя Великой Октябрьской социалистической революции, советский народ горячо поддерживает все справедливые требования народов Востока. Советский Союз, рожденный великой пролетарской революцией, является верным другом народов Азии и Африки, верным другом всех эксплуатируемых и угнетенных. Он поддерживает всякое движение к прогрессу, всякий шаг в защиту мира и безопасности народов.

Советские люди убеждены в том, что все свободные народы, независимо от цвета кожи, независимо от того, живут ли они в Европе или Азии, в Африке или Америке, способны двигать вперед культуру и цивилизацию, способны вносить важный вклад в дело прогресса человечества.

Политика Советского государства, вдохновляемая идеями Октябрьской революции, проникнута глубочайшим сочувствием к национально-освободительному движению народов Востока, чувством глубокой дружбы и сердечного доброжелательства ко всем странам, ведущим политику мира, международного сотрудничества и социальной справедливости. Народы

Востока все больше и больше убеждаются в том, что Октябрьская революция помогла их собственной освободительной борьбе подняться на новую, более высокую ступень, обогатила их движение за свои законные права новым содержанием и дала в руки им новое оружие. И они знают: как силы реакции не в состоянии были преградить путь Октябрьской революции, как эти силы не в состоянии были помешать движению народов Советского Союза по пути прогресса, так же они не смогут остановить движение народов Востока к новой жизни, к светлему будущему.

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ АЗИИ

Е. Ф. КОВАЛЕВ

До победы народной революции Китай, Корея, Вьетнам и Монголия являлись колониальными и полуколониальными странами. При всех специфических особенностях экономического и политического развития этих стран в прошлом им, как и другим странам угнетенного Востока, были присущи общие черты.

Для экономики этих стран был характерен низкий уровень производительных сил. В промышленном отношении Монголия была совершенно неразвитой страной. Промышленность в ней была представлена всего лишь несколькими мелкими ремесленными предприятиями. Корея, несмотря на сравнительно большой удельный вес в ее экономике продукции металлургических и химических предприятий, построенных японскими оккупантами в военно-стратегических целях, в целом оставалась малоразвитой. Незначительное место занимала промышленность в хозяйстве Вьетнама. В Китае продукция современной промышленности составляла менее 10% общего (промышленного и сельскохозяйственного) производства страны. Основой хозяйства этих стран было земледелие (Китай, Корея, Вьетнам) или отсталое кочевое скотоводство (Монголия). Преобладающую (до 90% и выше) массу населения здесь составляли крестьяне.

Империализм и поддерживаемые им феодальные пережитки мешали развитию производительных сил. Характерной особенностью Китая, Вьетнама, Кореи и Монголии в прошлом была зависимость этих стран от империализма. Крайнюю отсталость Монголии усугубляло более чем двухвековое господство маньчжурских феодалов, а с конца XIX в. и господство иностранного капитала. Экономика Кореи целиком зависела от японского капитала. Более одного миллиона чонбо¹, или 25% лучшей обрабатываемой земли в Корее принадлежало японцам. Во Вьетнаме распоряжался французский капитал, который захватил здесь 25% годной для обработки земли. В Китае решающие отрасли хозяйства (крупная промышленность, современный транспорт, внешняя торговля и т. п.) почти полностью находились в руках японских, английских и американских монополий.

Империализм, опираясь на помещиков и торгово-ростовщический капитал, усиливал хищнические формы эксплуатации китайских, корейских,

¹ 1 чонбо равен 0,99 га.

вьетнамских и монгольских крестьян. Основной формой гнета в деревне являлись господствовавшие в ней феодальные пережитки. В Монголии земля — основное средство производства, а также подавляющее количество скота почти целиком принадлежали феодалам. По данным 1918 г., из 9,6 млн. голов скота более двух пятых было сосредоточено в руках светских и церковных феодалов. Около 100 тыс. корейских помещиков имели почти 2 млн. чонбо земли, или около 44% всей обрабатываемой площади Кореи. В Китае помещики и кулаки (менее 10% сельского населения) владели 70—80% пахотной земли, а трудовые массы крестьянства, составлявшие более 90% сельского населения, имели 20—30% обрабатываемой земли. Вьетнамские помещики, общее число которых не превышало 5% населения, владели 50% всей пригодной для обработки земли. Более половины вьетнамских крестьян было полностью лишено земли.

Феодалы, как правило, сами свою землю не обрабатывали, а сдавали ее крестьянам на кабальных условиях. В Китае, Корее, Вьетнаме и Монголии существовали все три формы докапиталистической земельной ренты: отработочная, продуктовая (натуральная) и денежная. В Монголии, где крепостные араты составляли 80—90% взрослого мужского населения страны, была распространена отработочная рента. В Китае, Корее и Вьетнаме наибольшее распространение получила продуктовая рента, отчуждавшая от крестьян в пользу помещика половину и более урожая.

Крестьяне испытывали на себе также гнет торгово-ростовщического капитала и бюрократической власти. Нужда заставляла крестьян брать у торговцев и ростовщиков натуральные и денежные ссуды под огромные проценты. Власти облагали крестьян многочисленными налогами и поборами.

Китай, Корея, Вьетнам и Монголия были аграрно-сырьевыми придатками капиталистических стран. Иностранный капитал вовлекал сельское хозяйство Китая, Кореи, Вьетнама и Монголии в сферу мировых рыночных отношений, что сопровождалось усилением зависимости этих стран от империализма, усилением эксплуатации иностранными компаниями сельских производителей. Закупая у сельских производителей только определенные, нужные для метрополии, продовольственные культуры (рис в Корее и Вьетнаме, соевые бобы в Китае) или отдельные виды военностратегического сырья, иностранные монополии придавали сельскому хозяйству этих стран односторонний, монокультурный характер.

Империализм грабил аратов путем неэквивалентного обмена. Иностранные торговцы-ростовщики вели с аратами преимущественно меновую торговлю, обменивая залежавшиеся в капиталистических странах товары на скот, ценные меха и т. д. Неэквивалентный обмен был характерен и для торговых отношений капиталистических стран с Китаем, Кореей и Вьетнамом.

Массовое обнищание крестьян являлось наиболее характерной особенностью Китая, Кореи, Вьетнама и Монголии. Подавляющее большинство крестьян было безземельным или, как это имело место в Монголии, владело незначительным количеством скота.

Бедственное положение крестьян является одной из причин крайне примитивной техники и низкой производительности сельского хозяйства в колониях и полуколониях. Хроническая деградация сельского хозяйства суживает сырьевую базу национальной промышленности, а обнищание крестьянства сокращает платежеспособный спрос деревни.

Острота противоречий в деревне выдвинула аграрный вопрос на передний план, а крестьянство — в качестве одной из главных движущих сил революции в Китае, Вьетнаме, Корее и Монголии.

Сущность аграрного вопроса в этих странах, как и в других колониальных и полуколониальных странах, заключалась в том, что крестьянство, составляющее здесь основную массу населения, в подавляющем своем большинстве было безземельным или малоземельным. Больше половины пахотной земли находилось в руках помещиков или иностранных капиталистов. Пастбищами распоряжались светские и духовные феодалы. Естественно, что стержнем революции в этих странах стала борьба земледельцев и скотоводов за революционное разрешение аграрного вопроса, т. е. за уничтожение феодального землевладения и наделение безземельных и малоземельных крестьян землей.

На революционный путь разрешения аграрного вопроса крестьян подталкивали империалистический гнет, феодальная эксплуатация, безземелье, кабальная аренда. Эти факторы составляли и составляют не только экономическую и социальную основу аграрного вопроса, но и источник революционности крестьянства как массы в угнетенных странах Востока.

* * *

Поддерживаемые империализмом феодальные пережитки создавали почву для угнетения народных масс в Китае, Корее, Вьетнаме и Монголии, как и в других странах зависимого Востока. В этих странах гнет иностранного капитала и феодальной эксплуатации обусловил ярко выраженный антиимпериалистический и антифеодальный характер буржуазно-демократической революции, сутью которой стал аграрный вопрос. Однако буржуазно-демократическая революция с ее аграрной основой, развернувшаяся в колониях и полуколониях после Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях, когда можно было опереться на опыт борьбы и на поддержку трудящихся Советского Союза, уже не могла быть копией старых буржуазно-демократических революций.

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила весь ход мировой истории, открыла эпоху пролетарских революций в странах империализма и колониальных революций в угнетенных странах.

Колониальная революция приобрела черты буржуазно-демократической революции нового типа — народной революции, особенность которой состоит в том, что она проходит под руководством пролетариата, действующего в союзе с крестьянством и объединяющего демократические элементы страны в антиимпериалистический и антифеодальный фронт. Движущими силами этого фронта являются рабочие и крестьяне. «Хотя такая революция в колонии или полуколонии на своем первом этапе, в первой своей фазе, — говорит Мао Цзэ-дун, — по своему социальному содержанию в основном все еще остается буржуазно-демократической и ее требования объективно ведут к расчистке пути для развития капитализма, однако эта революция уже не является революцией старой, руководимой буржуазией и ставящей своей целью образование капиталистического общества и государства буржуазной диктатуры. Теперь она является революцией новой, руководимой пролетариатом и ставящей своей целью на первом этапе создание общества новой демократии и государства диктатуры союза всех революционных классов. Именно поэтому такая революция расчищает путь и для развития социализма, и притом путь еще более широкий»².

До победы народной революции основное назначение союза рабочих и крестьян заключалось в том, чтобы посредством этого союза направить широкие массы, в первую очередь крестьянство, на решение первоочередной задачи революции — свержение империалистического и феодального гнета в стране.

² Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 209—210.

В колониальной деревне главным противоречием является противоречие между всем крестьянством, с одной стороны, и феодалами и поддерживающим их иностранным капиталом, с другой. Все крестьянство заинтересовано в уничтожении феодального землевладения и чужеземного гнета. Но одно крестьянство не в состоянии последовательно реализовать свою революционную энергию. Только с помощью пролетариата, в союзе с ним и под его руководством крестьянство может одержать победу над феодалами и силами, которые их поддерживают, и получить землю. Поэтому рабочий класс, стремясь до конца использовать революционные возможности деревни против средневековья и угнетения извне, идет со всем крестьянством в борьбе за победу народной революции.

История освободительного движения в Китае, Вьетнаме и Корее свидетельствует о постоянной борьбе коммунистических и рабочих партий этих стран против недооценки революционных сил крестьянства. Эти партии, опираясь на опыт русской революции, постоянно призывали поддерживать революционное движение в деревне, укреплять союз рабочего класса и крестьянства под руководством пролетариата и его авангарда.

На различных этапах революции партии трудящихся выдвигали такую аграрную политику, которая способствовала укреплению союза рабочих и крестьян, усилению в нем руководящей роли пролетариата и его партии и достижению стратегической цели революции на данном этапе.

Политика этих партий в аграрном вопросе вырабатывалась с учетом особенностей экономического и политического развития данной страны Востока. Специфические особенности аграрных отношений в Китае, Корее, Вьетнаме и Монголии наложили отпечаток на аграрную политику Коммунистической партии Китая, Трудовой партии Кореи, Партии трудящихся Вьетнама, Монгольской народно-революционной партии. Аграрная политика этих партий, являясь составной частью общей программы каждой партии, исходит из характера революции и ее движущих сил, подчинена главной задаче партии — борьбе за торжество народной революции, и, в соответствии с этим, намечает основные принципы отношения партии к различным классам, слоям и группам сельского населения в данной стране Востока.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России разбудила монгольский народ и подняла его на борьбу с империалистическим гнетом. Монгольские трудящиеся под руководством Монгольской народно-революционной партии, организационно оформившейся в марте 1921 г., при бескорыстной помощи Советской России сбросили оковы чужеземного ига, изгнали со своей территории китайских милитаристов и белогвардейские банды и взяли власть в свои руки. В ноябре 1924 г. была принята Конституция Монгольской Народной Республики. С этого момента МНРП вела кропотливую и настойчивую работу по созданию необходимых условий для постепенного перехода аратского хозяйства на некапиталистический путь развития.

Как об этом свидетельствует опыт колониальных революций, в частности в Китае, Корее и Вьетнаме, в период демократического этапа революции, цель аграрной политики партии состоит в том, чтобы вовлечь в революцию широкие массы крестьянства, выковать из него прочного союзника рабочего класса в антиимпериалистическом и антифеодальном движении. Для этого этапа характерна борьба рабочего класса и его партии как с феодалами — агентурой иностранного капитала, так и с национальной буржуазией за политическое влияние на крестьянство. В каждой стране эта борьба проходила и проходит по-разному, в зависимости от внутренней и международной обстановки, от соотношения классовых сил.

В период демократического этапа китайской революции Коммунистическая партия Китая, образовавшаяся в июле 1921 г., выдвинула лозунг об активном втягивании всего китайского крестьянства в борьбу против империалистического и феодального гнета, за уничтожение пережитков феодализма в землевладении и землепользовании.

Аграрная политика китайских коммунистов в рассматриваемый период — это образец трезвого учета внутреннего и внешнего положения страны, подчинения этой политики главной задаче партии — задаче освобождения страны от империалистического и феодального гнета. До нападения японских империалистов на китайский народ аграрная политика партии предусматривала конфискацию помещичьей земли и раздел ее между безземельными и малоземельными крестьянами. В период борьбы против японского империализма (1937—1945), требовавшей объединения всех национальных сил страны, Коммунистическая партия Китая в интересах создания и упрочения единого антияпонского фронта временно не осуществляла свою программу конфискации помещичьей земли. В освобожденных районах Китая партия проводила политику снижения арендной платы и ссудного процента. В послевоенный период (1945—1949) в гражданской войне, которую буржуазно-помещичья гоминьдановская клика, подстрекаемая иностранным капиталом, вела против китайского народа, помещики являлись главной опорой гоминьдановского режима. Учитывая эту расстановку классовых сил, Коммунистическая партия Китая 4 мая 1946 г. приняла решение о возврате к политике конфискации помещичьей земли и раздела ее между безземельными и малоземельными крестьянами. Земельный закон, принятый в сентябре 1947 г. на Всекитайской земельной конференции, созданной по инициативе КПК, отвечал сложившемуся в то время соотношению классовых сил в стране. Закон провозгласил ликвидацию феодального землевладения в Китае и передачу земли в собственность крестьянам.

В Корее с момента образования в 1925 г. коммунистической партии усиления коммунистов были направлены на то, чтобы возглавить антияпонское крестьянское движение.

Созданная в 1930 г. Коммунистическая партия Индо-Китая выступила за консолидацию всех антиимпериалистических и антифеодальных сил страны. В своей борьбе партия особое внимание уделяла организации крестьянского движения.

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии вооруженными силами Советского Союза совместно с союзниками, освобождение советскими войсками ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы и образование там государств народной демократии показали угнетенным народам Востока вдохновляющий пример борьбы за свободу, независимость и мир. Национально-освободительное движение поднялось на новую ступень.

В упорной борьбе за свою свободу вьетнамский народ 2 сентября 1945 г. образовал Демократическую Республику Вьетнам.

Вступление советских войск на территорию Северной Кореи и пребывание там армии-освободительницы активизировало внутренние революционные силы корейского народа, облегчило его борьбу против междонародной и внутренней реакции за установление народно-демократического строя в Северной Корее, начало которому было положено Совещанием представителей народных комитетов Северной Кореи, состоявшимся 8—10 октября 1945 г. в Пхеньяне.

Опираясь на свои собственные силы и на поддержку международных сил мира и демократии, китайский народ разбил оковы империалистического и феодального рабства и образовал в октябре 1949 г. Китайскую

Народную Республику. Образование этого величайшего государства Азии явилось крупнейшим событием не только в истории китайского народа, но и в истории всего человечества.

Отпадение Монголии, Вьетнама, Северной Кореи и, особенно, Китая от империализма нанесло ему непоправимый удар, оно ознаменовало начало распада колониальной системы империализма.

* * *

Свергнув господство империалистических и феодальных сил и образовав государства народной демократии в бывших колониях и полуколониях, народы этих стран в основном завершили демократический этап революции. Провозглашение народно-демократического строя в отдельных странах Азии еще не снимало противоречий между феодалами, в руках которых находилась земля и после торжества народной революции, и безземельным и малоземельным крестьянством.

Борьба за крестьянские массы не кончилась с победой народа, она продолжалась и в новых условиях. С установлением народной власти в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и Монголии трудящиеся этих стран стали господствующей политической и экономической силой в решении различных задач народно-демократического строительства. Среди этих задач на первое место выдвинулось завершение незавершенных задач буржуазно-демократической революции, доведение до конца антифеодальной революции.

С другой стороны, возникла новая проблема: по какому пути пойдет деревня после завершения аграрной революции? Пойдет ли крестьянство по расчищенному от средневекового хлама пути к капитализму или — по некапиталистическому пути развития? Завершение антифеодальной революции и постепенный переход к социалистическим преобразованиям в сельском хозяйстве и составляют содержание борьбы партий трудящихся за крестьянство после победы народной революции в странах Азии.

Завершение антифеодальной революции в странах народной демократии Азии проходило и проходит неравномерно, по-разному, но суть этого процесса всюду остается одной: ликвидация феодальных пережитков и их опор — помещичьего землевладения, наделение безземельных и малоземельных крестьян землей.

Специфические особенности Монгольской Народной Республики требовали осторожности в проведении мероприятий по подрыву и ликвидации феодальной структуры страны. Поэтому здесь завершение аграрной революции растянулось на довольно длительное время. В январе 1922 г. в республике был принят закон об отмене крепостного права. Затем народная власть отменила феодальную собственность на землю, леса, воды и недра, отменила ростовщический процент, ввела государственное кредитование и государственную торговлю в стране, а к 1940 г. ликвидировала светских и духовных феодалов как класс. Принадлежавшие им скот и имущество были конфискованы и переданы аратам и госхозам.

По закону об аграрной реформе, принятому Временным народным комитетом Северной Кореи 5 марта 1946 г., были конфискованы и переданы в собственность крестьянам земли, принадлежавшие японскому государству, частным японским лицам и изменникам родины, земли помещиков, церквей, монастырей и других религиозных организаций, имевших участки свыше 5 чонбо, а также участки землевладельцев, которые сами хозяйства не вели, а землю систематически сдавали в аренду. Закон аннулировал все долги и долговые обязательства крестьян, запретил куплю, одажу и залог полученной по реформе земли. Помещики, пожелав-

шие жить своим трудом, получили землю не по месту постоянного жительства, а в других уездах. В результате аграрной реформы около 1 млн. га земли (62% всей обрабатываемой площади Северной Кореи) было передано 725 тыс. безземельных и малоземельных крестьянских семейств.

На основе богатейшего опыта земельных преобразований в ранее освобожденных районах Центральный народный правительственный совет Китайской Народной Республики 28 июля 1950 г. принял закон о земельной реформе, в котором говорится: «Помещичья собственность на землю, основанная на феодальной эксплуатации, отменяется и устанавливается крестьянская собственность на землю, чтобы освободить производительные силы в сельском хозяйстве, развивать сельскохозяйственное производство и проложить путь к индустриализации Китая». По этому закону земли помещиков были конфискованы и переданы крестьянам в собственность, землевладельцам было предоставлено право свободного распоряжения землей — покупки, продажи и сдачи ее в аренду.

Закон четко определил политику по отношению к помещикам, кулакам, середнякам и батракам: опора на бедняков и батраков, союз с середняком, нейтрализация кулаков, постепенная ликвидация помещичьего землевладения и передача помещичьей земли в собственность безземельным и малоземельным крестьянам. Закон укрепил союз с середняком, оставив его землю и имущество в неприкосновенности. Земля кулаков, обрабатываемая ими самими или при помощи наемной рабочей силы, не затрагивалась, что отвечало и отвечает курсу партии на использование дополнительных источников развития производительных сил сельского хозяйства.

Коммунистическая партия Китая рассматривала реформу как подлинную аграрную революцию, требовавшую всестороннего учета обстановки и исключавшую ненужную торопливость. Реформа проводилась ступенчато: сначала осуществлялись подготовительные мероприятия — снижение арендной платы и ссудного процента, а затем — конфискация помещичьей земли и распределение ее по едокам среди безземельных и малоземельных крестьян.

Весной 1953 г. аграрная реформа в основном закончилась по всей стране, охватив территорию (включая и ранее освобожденные районы) с населением около 450 млн. человек. Около 47 млн. га земли было распределено между 300 млн. безземельных и малоземельных крестьян. Кроме того, крестьяне получили сельскохозяйственный инвентарь, скот, постройки. Осуществление аграрной реформы в Китае — это творческое применение марксизма-ленинизма к сложным условиям китайской деревни. Проведение реформы в КНР стало источником ценного опыта для других стран народной демократии Азии.

В Демократической Республике Вьетнам до конца 1953 г. аграрные преобразования были направлены лишь на ограничение феодальной эксплуатации путем снижения арендной платы за землю и ссудного процента, передачи крестьянам земель колонизаторов и предателей и т. д. 4 декабря 1953 г. Национальное собрание Демократической Республики Вьетнам утвердило закон об аграрной реформе, предусматривающий ликвидацию помещичьего землевладения и замену его крестьянским землевладением, распределение помещичьей земли среди безземельных и малоземельных крестьян. Закон разрешил куплю и продажу земли. Чтобы не оттолкнуть от единого фронта патристически настроенных помещиков, их земля, скот и сельскохозяйственный инвентарь выкупаются государством, а у помещиков-предателей конфискуются полностью или частично. С целью развития производительных сил республики земельные участки поме-

щиков и кулаков, занятые под промышленные и торговые предприятия, остаются в неприкосновенности.

Аграрные преобразования в ДРВ проводятся двумя стадиями. Первая стадия — мобилизация крестьянских масс на снижение арендной платы — осуществлена в 1352 деревнях 19 провинций с населением в 5670 тыс. человек. Вторая стадия аграрной реформы — ликвидация помещичьего землевладения — уже проведена в 735 деревнях 7 провинций, насчитывающих 1 586 тыс. жителей. У помещиков изъято и распределено среди крестьян свыше 300 тыс. мау³ земли, большое количество рабочего скота, инвентаря, построек и продовольствия. Аграрная реформа в ДРВ еще продолжается.

Своеобразие Кореи и Вьетнама по сравнению с Китаем и Монголией заключается в том, что корейский и вьетнамский народы еще борются за освобождение всей своей территории от интервентов и добиваются полной национальной независимости своих стран. В Монголии и Китае задачи антиимпериалистической революции доведены до конца, народы этих стран навсегда освободились от ига чужеземного капитала.

В условиях, когда главной задачей все еще остается борьба за полное освобождение и национальное объединение народов Кореи и Вьетнама, незавершенность задач освободительной борьбы подчеркивает значение единого фронта, сказывается на тактических средствах укрепления союза рабочих и крестьян и на подходе к аграрным преобразованиям в этих странах.

* * *

Аграрные преобразования вызвали большие общественно-экономические изменения в странах народной демократии Азии.

Основным экономическим завоеванием крестьян в Монгольской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике, Китайской Народной Республике и Демократической Республике Вьетнам (на территории, где проведена аграрная реформа) является уничтожение феодального землевладения и передача земли крестьянам. Формы и темпы этой передачи в каждой стране были неодинаковыми, но все они направлены к одному: опираясь на союз рабочих с крестьянством, сначала подорвать, а затем ликвидировать феодальное землевладение.

Основным политическим завоеванием крестьян в странах народной демократии Азии явилось приобщение деревни к строительству народно-демократического государства. Народные хуралы в МНР, народные собрания в КНДР, собрания народных представителей в КНР, народные комитеты ДРВ обеспечивают постоянное участие крестьянских масс в органах власти.

В результате аграрных преобразований изменились земельные отношения и классовая структура деревни. В Монголии вся земля была национализирована и стала общенародным достоянием; в Северной Корее, Вьетнаме и Китае земля, конфискованная у феодалов, была передана в частную собственность крестьянам. Феодалы в МНР не получили ни пастибищ, ни имущества, в Северной Корее собственность землевладельцев, имевших менее 5 чонбо и не сдававших их в аренду, реформой не затрагивалась, в Китае после конфискации земли помещики наделялись землей и имуществом на равных с крестьянами основаниях, во Вьетнаме земля помещиков частично выкупается, частично конфисковывается. Лишенные их экономической базы — земли, феодалы либо полностью (МНР, КНДР, КНР), либо частично (ДРВ) ликвидированы как класс.

³ 1 мау равен 0,36 га.

Аграрные преобразования в Монголии, Северной Корее, Вьетнаме и Китае вызвали резкое сокращение батрацко-бедняцких слоев, при одновременном росте числа середняков. Середняк стал основной фигурой в пореформенной деревне стран народной демократии Азии. В 1949 г. в Монгольской Народной Республике количество середняцких хозяйств составило более 55% всех хозяйств, а вместе с бедняцкими и малоимущими хозяйствами — 93,8%; эти хозяйства владели 81,3% всего аратского скота, причем на долю середняков приходился 71% поголовья скота. Крупные и зажиточные хозяйства, составлявшие 3,9% всех аратских хозяйств, имели 18,7% поголовья скота. В Китае после аграрной реформы прослойка середняков достигает в различных районах более 50—80% сельского населения.

После победы народной революции со всей остротой встала задача восстановления хозяйства стран народной демократии Азии. Чистка деревни от полуфеодальных пережитков, ликвидация помещичьего землевладения и самих помещиков как класса, наделение безземельных и малоземельных крестьян землей, скотом и имуществом благотворно повлияли на развитие производительных сил сельского хозяйства этих стран.

Главной отраслью народного хозяйства МНР является животноводство. Партия и правительство МНР всегда уделяли большое внимание развитию животноводства. Были приняты меры к увеличению поголовья скота в аратских хозяйствах, производственных объединениях и госхозах. В течение первой пятилетки (1947—1952) поголовье скота в республике увеличилось на 8,7%.

В течение пяти предвоенных лет среднее годовое производство зерна в Китае составляло 140 млн. тонн, в частности в 1936 г. — 150 млн. тонн, в 1953 г. производство зерна достигло 165 млн. тонн. Валовый сбор сельскохозяйственных культур в Китае в 1954 г. увеличился примерно на 3% по сравнению с 1953 г.

Ликвидация землевладения светских и духовных феодалов в Монголии, помещичьего землевладения в Северной Корее и Китае, продолжающееся очищение вьетнамской деревни от средневековых пережитков, развитие производительных сил сельского хозяйства этих стран — все это яркие свидетельства исторических изменений, происшедших в положении народов Азии, навсегда сбросивших гнет внутренних и внешних реакционных сил.

В Китае, Вьетнаме, Северной Корее и Монголии народная революция не только освободила миллионы сельских тружеников от феодальной кабалы, вывела их на дорогу, ведущую к зажиточной и культурной жизни, но и открыла им путь к социализму. Темпы и формы перехода этих стран на некапиталистический путь развития установились и устанавливаются по-разному, в зависимости от особенностей развития этих стран в прошлом и настоящем, но есть и общие черты. Общее состоит в том, что народная власть, опираясь на союз рабочих и крестьян под руководством рабочего класса и его партии, на опыт и поддержку Советского Союза, всех стран демократического лагеря, окончательно сметает полуфеодальные пережитки в деревне и затем переходит к постепенным социалистическим преобразованиям в сельском хозяйстве. Одним из решающих условий перехода этих стран на некапиталистический, социалистический путь является всемерное развитие социалистической индустрии, государственных и кооперативных хозяйств. Из этих форм хозяйства, вначале еще мало-мощных, постепенно складывается экономическая структура стран народной демократии, основой которой является социалистический сектор.

Ликвидация экономической базы феодалов и их самих как класса

изменила экономический строй монгольского общества; теперь он определяется следующими формами собственности: 1) государственной, т. е. общенародной; 2) общественной (собственность кооперативных организаций и производственных объединений аратов); 3) личной собственностью граждан на скот, сельскохозяйственные орудия, сырье, продукцию и т. д. В связи с переходом Монголии на путь строительства социализма огромное значение приобрело усиление работы Народно-революционной партии и правительства по укреплению государственного и кооперативного секторов хозяйства МНР.

В настоящее время, как это явствует из решений XII съезда Монгольской народно-революционной партии, состоявшегося в ноябре 1954 г., аграрная политика партии и правительства МНР, как и раньше, направлена на поддержку трудовых аратских хозяйств при одновременном развитии и укреплении социалистического сектора сельского хозяйства, на ограничение и вытеснение капиталистических элементов. В проведении своей политики партия опирается на беднейшее аратство, укрепляя союз с середняками, составляющими подавляющее большинство сельского населения. В результате этой политики социалистический сектор сельского хозяйства МНР, представленный аратскими производственными объединениями, государственными хозяйствами и конно-сенокосными станциями, достиг значительного развития. Число аратских производственных объединений возросло в 1954 г. по сравнению с 1948 г. в два раза.

В Корейской Народно-Демократической Республике широкое распространение получили производственные сельскохозяйственные кооперативы. В 1955 г. в Северной Корее насчитывалось свыше одиннадцати тысяч кооперативов, которые объединяли около 44% всех крестьянских хозяйств страны. В настоящее время Трудовая партия и правительство КНДР главное внимание обращают на экономическое и организационное укрепление существующих кооперативов. В большинстве этих кооперативов обобществлены земли и инвентарь и распределение доходов производится по трудодням. Значительно укрепились государственные хозяйства.

Большую роль в дальнейшем развитии сельского хозяйства КНДР играют машинопрокатные и коннопрокатные станции. Только весной 1955 г. правительство КНДР организовало для помощи крестьянам дополнительно 20 машино-прокатных станций.

Победа китайской революции и установление демократической диктатуры народа означали, что революция в основном завершила первый демократический этап и перешла ко второму этапу — социалистическому. Страна вступила в переходный период. «От создания Китайской Народной Республики до завершения в основном социалистических преобразований — это переходный период, — говорит Мао Цзэ-дун. — Генеральная линия и центральные задачи партии в этот переходный период состоят в том, чтобы в течение довольно продолжительного времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны, постепенно осуществить социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и частной торговли и промышленности»⁴.

Осуществление социалистических преобразований не могло быть начато во всех областях жизни страны немедленно после образования народной республики. Необходимо было время, чтобы создать экономические и социальные условия для широких социалистических преобразований. В течение первых трех лет (1949—1952) переходного периода Коммунистическая партия Китая решала задачи укрепления политического и эко-

номического строя страны в плане завершения незавершенных задач буржуазно-демократической революции (аграрные преобразования в деревне), наращивания и укрепления социалистических элементов хозяйства в Китае.

В 1952 г. в основном закончился восстановительный период Китайской Народной Республики, экономика в целом достигла, а по отдельным отраслям превзошла наивысший уровень довоенных лет, значительно возрос государственный, социалистический по своему характеру, сектор народного хозяйства, поднялся материальный и культурный уровень населения. Успешное завершение аграрной реформы и экономические достижения в соединении с укрепившимся народно-демократическим строем, политическим и производственным подъемом города и деревни, а также дальнейшее расширение сотрудничества Китая с другими странами лагеря мира, демократии и социализма, создали необходимые условия для более широкого планового экономического строительства и постепенного перехода к социалистическому обществу в КНР. В 1953 г. китайский народ приступил к осуществлению первого пятилетнего плана, основной задачей которого является создание в стране прочной базы для развития мощной социалистической промышленности, а выполнение этой задачи даст возможность обеспечить развитие остальных отраслей хозяйства Китая.

Пятилетний план, прокладывающий дорогу строительству социализма в стране, вплотную поставил вопрос о путях развития сельского хозяйства Китая. Крупная промышленность не может развиваться успешно, если бок о бок с ней в стране существует крайне раздробленное и отсталое мелкотоварное сельское хозяйство. Поэтому пятилетний план предусматривает в качестве важнейшей экономической и политической задачи постепенное осуществление социалистических преобразований в сельском хозяйстве путем объединения крестьянских дворов в различные формы производственной кооперации. На июнь 1955 г. в Китае насчитывалось около 650 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов, охвативших на добровольных началах примерно одну седьмую часть всех крестьянских дворов.

Коммунистическая партия борется против авантюризма и самотека в кооперировании деревни, призывает учитывать подготовленность крестьян к вступлению в кооперативы, не перепрыгивать через непройденные этапы кооперирования. В кооперативах допускается частная собственность на землю и другие средства производства. Как указывалось в постановлении ЦК КПК от 15 февраля 1953 г., «взаимопомощь и кооперирование в настоящее время представляют собой такие формы коллективного труда, которые основаны на базе индивидуальных хозяйств (на базе частной собственности крестьян). Перспективой их развития является коллективизация сельского хозяйства, то есть объединение крестьян в коллективные хозяйства социалистического типа».

В связи с новым этапом экономического строительства перед союзом рабочих и крестьян Китая встали новые задачи. В переходный период, который сейчас переживает Китай, решающее значение для перспектив социалистических преобразований имеют правильные взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством. В восстановительный период на передний план экономической смычки между рабочими и крестьянами, между городской промышленностью и сельским хозяйством закономерно выдвинулся товарообмен между городом и деревней. С восстановлением народного хозяйства и переходом к плановому экономическому строительству, основой которого является социалистическая индустриализация страны, форма экономической связи, ограниченная сферой обращения,

становится недостаточной. На передний план выдвигается производственная связь между рабочими и крестьянами, осуществляемая путем постепенного подведения социалистической промышленности под сельское хозяйство и производственного кооперирования деревни. Индустриализация страны и производственное кооперирование деревни порождают более высокие и совершенные формы экономического союза рабочих и крестьян, обеспечивающие переход Китая на социалистический путь развития. Социалистическая индустриализация страны и производственное кооперирование деревни не только усиливают политику ограничения, но и создают условия для постепенной ликвидации кулацких хозяйств в соответствии с Конституцией Китайской Народной Республики.

* * *

Неоспоримы великие успехи аграрных преобразований в странах народной демократии Азии. В Китае, Северной Корее, Вьетнаме и Монголии полностью или частично ликвидировано феодальное землевладение и феодалы как класс, исчезла или исчезает прослойка безземельных крестьян, середняк стал центральной фигурой в пореформенной деревне, производительные силы сельского хозяйства получили свободу развития, стал постепенно подниматься материальный и культурный уровень основных масс крестьянства.

Революционная ломка деревни досталась трудящимся нелегко: она проходила и проходит в условиях жесточайшей классовой борьбы. Укрепление союза рабочих и крестьян в условиях народно-демократического режима встретило яростное сопротивление классовых врагов, цепляющихся за каждую возможность, чтобы помешать укреплению народной демократии. Феодальные элементы в Монголии, бывшие помещики в Корее, Вьетнаме и Китае оказали и продолжают оказывать упорное противодействие мероприятиям народной власти. Опираясь на растущую экономическую мощь и прочность народно-демократического строя, политический и производственный подъем трудящихся города и деревни, Коммунистическая партия Китая, Монгольская народно-революционная партия, Трудовая партия Кореи и Партия трудящихся Вьетнама уверенно ведут народы своих стран к новым высотам общественного устройства. В этом движении вперед страны народной демократии опираются на помощь и поддержку Советского Союза, на дружбу и взаимопомощь стран народной демократии Европы и Азии.

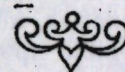
23 декабря 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил: «Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики. Мы эту задачу решим и союз рабочих и крестьян создадим настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут»⁵.

Аграрные преобразования в странах народной демократии Азии имеют огромное международное значение. Исключительное значение имеют аграрные преобразования в Китайской Народной Республике. Аграрная революция в Китае — это новая страница в истории борьбы трудящихся Востока за свой социальный и экономический прогресс.

Выступив 31 июля 1955 г. на совещании секретарей провинциальных, городских и районных комитетов КПК по вопросам кооперирования в сельском хозяйстве Китая, Мао Цзэ-дун отметил, что в настоящее время в ряде сельских районов страны уже началось массовое движение по социалистическому преобразованию деревни. Это мощное социалистическое революционное движение более чем 500-миллионного сельского населения, подчеркивает Мао Цзэ-дун, имеет огромное международное значение. «Мы, — указывает Мао Цзэ-дун, — должны активно, энергично и планомерно руководить этим движением...»

Мао Цзэ-дун подчеркнул, что КПК «безусловно, сможет, руководя народом всей страны, осуществить в основном в течение примерно трех пятилеток социалистическую индустриализацию и социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговле». Именно на этой основе, как говорит Мао Цзэ-дун, будет укрепляться союз рабочего класса и крестьянства, имеющий решающее значение для укрепления всего народно-демократического строя нового Китая.

Ликвидация многовекового гнета феодалов в Китае, Вьетнаме, Корее и Монголии — это неопровержимое доказательство огромной революционной силы союза рабочих и крестьян, решающей роли народных масс в развитии общества. Руководствуясь марксизмом-ленинизмом, творчески применяя опыт Советского Союза, коммунистические партии и партии трудящихся стран народной демократии Азии одержали великую историческую победу над средневековьем и империализмом. Воодушевленные их успехами, народы угнетенного Востока еще выше поднимают знамя борьбы за национальную независимость, демократию и мир.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 151—152.

ПЛАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г. В. АСТАФЬЕВ

В июле 1955 г. Вторая сессия Всекитайского собрания народных представителей рассмотрела и приняла проект первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР на 1953—1957 гг.

Работа над проектом первого пятилетнего плана началась в 1951 г., т. е. еще в восстановительный период. По ряду причин (недостаточность сведений о ресурсах страны и состоянии отдельных отраслей народного хозяйства, отсутствие опыта долгосрочного планирования и капитального строительства, многоукладность экономики страны, а также в связи с войной в Корее) составление плана было закончено только в феврале 1955 г., т. е. в начале третьего года пятилетки.

Окончательный проект первого пятилетнего плана был в марте 1955 г. передан на обсуждение Всекитайской конференции Коммунистической партии Китая. Конференция одобрила проект первого пятилетнего плана и указала, что он является важным шагом в деле осуществления генеральной линии партии в переходный период. В соответствии с замечаниями, сделанными при обсуждении плана, конференция предложила ЦК КПК внести поправки в проект плана и после этого передать его на рассмотрение и утверждение Второй сессии Всекитайского собрания народных представителей, которая 30 июля 1955 г. утвердила план, придав ему силу государственного закона.

* * *

Содержание первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР определяется главными задачами переживаемого сейчас китайским народом исторического периода. Создав народно-демократическое государство, китайский народ в основном завершил демократический этап революции и приступил к осуществлению задач социалистического этапа — построению социалистического общества путем постепенной ликвидации всякой эксплуатации и связанных с нею форм собственности и превращению социалистического уклада в единственный тип производственных отношений. Завоевание политической власти народом, создание и укрепление его демократической диктатуры является главным условием осуществления этих задач. В условиях экономической отсталости, полученной Народным Китаем в наследство от реакционного гоминьдановского режима, для построения социалистического общества требуется значительный переходный период.

Исходя из учения марксизма-ленинизма о переходном периоде, Коммунистическая партия Китая определила генеральную линию партии в переходный период. Генеральная линия в полной мере учитывает политические и экономические особенности Китая, связанные с его полуфеодальным и полуколониальным положением и экономической отсталостью в прошлом и с расстановкой классовых сил в стране после победы народной революции. В качестве единственно возможного и наиболее эффективного средства осуществления основных экономических задач переходного периода Коммунистическая партия Китая, руководствуясь опытом Советского Союза, выдвинула политику социалистической индустриализации страны. Общие положения политики индустриализации страны были сформулированы задолго до победы народной революции в работах Мао Цзэдуна — «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» (1939 г.) и «О новой демократии» (1940 г.). В решениях 2-го пленума ЦК КПК, проходившего в марте 1949 г., партия непосредственно связала задачу индустриализации страны с перспективами построения социализма в Китае. В решениях пленума было указано, что после победы революции основная задача партии будет заключаться в том, чтобы «быстро восстановить и развить производство, создав тем самым условия для быстрого превращения Китая из аграрной страны в страну индустриальную, из государства новодемократического в государство социалистическое»¹.

Образование народной республики и переход революции из демократического этапа в этап социалистический еще не означали немедленного создания условий для широкого развертывания социалистических преобразований всего народного хозяйства. Китайскому народу необходимо было предварительно укрепить демократическую диктатуру народа, отразить попытки империализма и феодальной реакции восстановить свое господство, разрешить до конца экономические задачи демократической революции, т. е. ликвидировать помещичье землевладение и передать землю крестьянам, национализировать собственность бюрократического капитала и японских захватчиков, а также ликвидировать пережитки феодализма в сознании людей. Необходимо было также восстановить народное хозяйство, разрушенное в результате господства реакции и многолетних войн, объединить страну экономически, централизовать и укрепить финансы, развить государственный, социалистический сектор.

Содержанием восстановительного периода (1950—1952) было осуществление этих задач. В восстановительный период китайский народ под руководством коммунистической партии добился крупных политических и экономических успехов.

Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства в 1952 г., последнем году восстановительного периода, выросла по сравнению с 1949 г. на 77,5%. При этом продукция современной промышленности увеличилась на 178,6%, а продукция сельского хозяйства — на 48,5%. По большинству основных видов промышленной продукции довоенный максимальный уровень был не только достигнут, но и превышен². Например, уровень производства в 1952 г. составлял по отношению к наивысшему уровню, достигнутому в прошлом: по электроэнергии — 114%, нефти — 136%, чугуна — 105%, стали — 170%, цементу — 153%, авторезине —

¹ «Дунбайжибао», 26 марта 1949 г.

² Ли Фу-чунь. О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНР. Доклад на Второй сессии Всекитайского собрания народных представителей. «Жэньминьжибао», 8 июля 1955 г. В дальнейшем цифровые данные в основном заимствуются из этого доклада.

541%, хлопчатобумажным тканям — 165%, бумаге — 212%, табаку и сигаретам — 145%³.

В результате более быстрого восстановления и развития современной промышленности доля ее продукции в общей валовой продукции промышленности и сельского хозяйства увеличилась с 17% в 1949 г. до 26,7% в 1952 г.

Уже в период восстановления промышленность социалистического и полусоциалистического типа (государственная, кооперативная и смешанная — государственно-частная) развивалась гораздо более быстрыми темпами, чем частнокапиталистическая. Удельный вес ее в общей валовой продукции промышленности (без учета продукции кустарно-ремесленной и домашней промышленности) увеличился с 36,7% в 1949 г. до 61% в 1952 г. В промышленно развитых районах страны доля социалистического и полусоциалистического секторов в промышленности выросла к 1952 г. еще более: в Северо-Восточном Китае — до 81,5%, в Северном Китае — до 64%⁴.

Успехи в восстановлении народного хозяйства, рост удельного веса промышленности и, особенно, развитие социалистического и полусоциалистического секторов в промышленности создали условия для перехода от этапа восстановления к этапу плановой реконструкции всего народного хозяйства на социалистических началах. Коммунистическая партия в связи с этим в 1953 г. окончательно определила генеральную линию партии в переходный период и развернула широкую пропаганду ее основных положений. Генеральная линия получила всеобщее одобрение и поддержку китайского народа. В 1954 г. на Первой сессии Всекитайского Собрания народных представителей важнейшие положения генеральной линии были включены в Конституцию Китайской Народной Республики и получили силу закона, определившего содержание государственной политики на весь переходный период.

Конституция установила, что «период от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического общества есть переходный период. Основными задачами государства в переходный период являются постепенное осуществление социалистической индустриализации страны, постепенное завершение социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, а также в капиталистической промышленности и торговле»⁵. Статья 4-ая Конституции уточняет цели этих преобразований, указывая, что «Китайская Народная Республика, опираясь на государственные органы и общественные силы, путем социалистической индустриализации и социалистических преобразований обеспечивает постепенное уничтожение системы эксплуатации и построение социалистического общества»⁶.

Заместитель премьера Государственного Совета и председатель Государственного планового комитета Ли Фу-чунь в докладе о первом пятилетнем плане заявил: «В нашем социалистическом строительстве основным является социалистическая индустриализация, а преобразование сельского хозяйства и кустарной промышленности и преобразование капиталистической промышленности и торговли. — его двумя необходимыми составными частями, неотделимыми от социалистической индустриализации»⁷.

³ «Народный Китай», 1953, № 1, стр. 4.

⁴ Лу Ци. КПК руководит борьбой китайского народа за осуществление социалистической индустриализации страны. «Цзинцзюбао», июль 1954 г., № 26, стр. 6.

⁵ Материалы Первой сессии Всекитайского Собрания народных представителей. М., Изд-во «Правда», 1954, стр. 75—76.

⁶ Там же, стр. 78—79.

⁷ Ли Фу-чунь. Указ. доклад. «Жэньминьжибао», 8 июля 1955 г.

Социалистическая индустриализация рассматривается Коммунистической партией Китая как материальная основа социалистической реконструкции всей экономики Китая. Только строительство мощной социалистической промышленности при преимущественном развитии тяжелой промышленности может обеспечить техническое перевооружение и социалистическое преобразование всего народного хозяйства и, в частности, сельского хозяйства, нужды обороны страны, развертывание социалистической торговли, дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Лишь этим путем можно обеспечить значительный рост производительности труда и непрерывное повышение материального и культурного уровня народа, доказывающие преимущества социализма и обеспечивающие его окончательную победу в стране. Поэтому, как указывает Ли Фу-чунь в своем докладе, социалистическая индустриализация страны является центральной задачей народно-демократического государства в переходный период, а центральным звеном ее является преимущественное развитие тяжелой промышленности.

Коммунистическая партия Китая в своей генеральной линии выдвинула перед китайским народом грандиозную программу социалистической индустриализации страны. Эта программа, рассчитанная на три пятилетки, предусматривает увеличение удельного веса промышленности в общей продукции народного хозяйства с 26,7% в 1952 г. до 70% в 1967 г. Удельный вес тяжелой промышленности в продукции современной, т. е. фабрично-заводской, промышленности за этот же период возрастет с 44% в 1954 г. до 60% в 1967 г. Вся современная промышленность станет социалистической. К концу пятнадцатилетнего периода Китай будет сам производить в большом количестве не только чугуны, сталь и прокат, но и наладит массовое производство автомобилей, самолетов, паровозов, пароходов, тракторов, сельскохозяйственных машин, всевозможных станков и оборудования. На этой основе широкое развитие получат легкая промышленность и транспорт, будет развернута и завершена коллективизация сельского хозяйства и значительно повысится материальный и культурный уровень народа⁸. Коммунистическая партия указывает, что китайский народ к концу пятнадцатилетнего периода завершит социалистические преобразования во всех секторах экономики и в основном построит социалистическое общество. Но для того, чтобы окончательно превратить Китай в высокоразвитую социалистическую индустриальную державу и догнать во всех отношениях передовые промышленные страны, потребуется 40—50 лет.

Важным шагом в осуществлении этой грандиозной программы является первый пятилетний план развития народного хозяйства страны, закладывающий основу развития тяжелой промышленности, а следовательно, и базу социалистической индустриализации и социалистических преобразований всей экономики.

Задачами первого пятилетнего плана в области промышленности является создание первичной базы индустриализации путем строительства 694 номенклатурных промышленных предприятий, в первую очередь — металлургических, машиностроительных, электроэнергетических, топливных и химических, основу которых составят 156 предприятий, строящихся с помощью СССР. Помимо этих предприятий будет построено 2300 более мелких предприятий. Из номенклатурных объектов 455 крупных промышленных предприятий подлежат вводу в строй уже в этой пятилетке⁹.

В области частнокапиталистической промышленности и торговли пятилетний план преследует цель — заложить основу их социалистического

⁸ Цзян Вэнь-цзин. Социалистическая индустриализация нового Китая. «Народный Китай», 1954, № 5, стр. 3.

⁹ «Жэньминьжибао», 8 и 13 июля 1955 г.

преобразования путем перевода частнокапиталистических предприятий на рельсы госкапитализма. В области сельского хозяйства и кустарной промышленности план ставит задачу — создать базу их социалистического преобразования путем развития сельскохозяйственных производственных кооперативов полусоциалистического характера и кустарных производственных кооперативов.

* * *

Предусматриваемые первым пятилетним планом масштабы строительства являются грандиозными. Достаточно отметить, что за пять лет на экономическое и культурное строительство будет израсходовано 76 640 млн. юаней. Из них 42 740 млн. юаней будут вложены в капитальное строительство. В расходах на капитальное строительство первое место займут промышленные капиталовложения, которые составят 24 850 млн. юаней, или 58,2% всех вложений. Остальные 17 890 млн. юаней распределяются между транспортом, сельским хозяйством, расходами на культуру, коммунальное хозяйство, торговлю и прочее.

Свыше 88% промышленных капиталовложений направляется в отрасли, производящие средства производства, и 11% — в отрасли, производящие предметы потребления. В соответствии с общей установкой генеральной линии партии на всемерное развитие тяжелой промышленности в течение первой пятилетки будет развернуто строительство ряда крупных предприятий, оснащенных самой современной техникой, в таких отраслях тяжелой промышленности, как черная и цветная металлургия, машиностроение, электроэнергетическая, топливная и основная химическая промышленность.

В области черной металлургии будет осуществлена генеральная реконструкция крупнейшего в Китае Аньшанского металлургического комбината. В число реконструируемых и новых предприятий только на одном этом комбинате войдут 3 рудника, 8 обогатительных и агломерационных фабрик, 6 автоматизированных домен, 3 мартеновских цеха, 16 прокатных цехов, 10 коксовых печей и 2 цеха огнеупоров. В результате этого общая производственная мощность комбината увеличится к 1957 г. более чем втрое по сравнению с 1952 г. и составит 2,5 млн. тонн чугуна, 3,22 млн. тонн стали и 2,48 млн. тонн проката. Сравнение ее с общим производством стали в Китае в 1952 г., составлявшим 1,35 млн. тонн, показывает, что один только Аньшанский комбинат в 1957 г. будет давать стали в 2,5 раза больше, чем ее производилось во всем Китае в 1952 г.

Помимо реконструкции Аньшаня в годы первой пятилетки будет развернута реконструкция и расширение других существующих металлургических заводов: завода в Дае и строительство новых крупных комбинатов в Ухани и в Баотоу. Общий прирост производственной мощности в черной металлургии после окончания строительства новых комбинатов, которое предполагается завершить во второй пятилетке, составит по чугуну 5,75 млн. тонн, по стали — 6,1 млн. тонн. В период первой пятилетки предполагается ввод в действие лишь первой очереди этих предприятий с общей производственной мощностью: по чугуну 2,8 млн. тонн и по стали — 2,53 млн. тонн. Вместе с существовавшей к началу первой пятилетки производственной мощностью черной металлургии и с учетом роста производства на старых предприятиях общее производство черных металлов в 1957 г. составит: по чугуну 5 млн. тонн, по стали — 4,12 млн. тонн, что будет превышать производство чугуна и стали в 1952 г. более чем в три раза.

В области машиностроения наиболее крупными объектами первой пятилетки являются два автомобильных завода с годовым выпуском один —

в 30 тыс. и другой — 60 тыс. автомашин, тракторный завод, способный производить 15 тыс. тракторов в год, два завода тяжелого машиностроения с производством металлургического оборудования, достаточного для оснащения металлургических заводов общей мощностью в 1,6 млн. тонн, и ряд станкостроительных заводов.

Некоторые из этих предприятий будут введены в эксплуатацию уже в годы первой пятилетки. Мощность автомобильной промышленности к концу пятилетки составит 30 тыс. автомашин, а объем производства — 4 тыс. автомашин. Мощность предприятий тяжелого машиностроения достигнет 70 тыс. тонн оборудования для металлургической и горнодобывающей промышленности. В первой пятилетке будут также выстроены или реконструированы крупные электромашиностроительные предприятия, способные производить электрогенераторы мощностью в 12 тыс., 25 тыс. и 50 тыс. квт.

Объем производства 1957 г. в электромашиностроительной промышленности составит: по электрогенераторам — 227 тыс. квт (рост против 1952 г. в 7,7 раза), по электромоторам — 1050 тыс. квт (рост в 1,6 раза).

В годы первой пятилетки будут построены 15 тепловых электростанций мощностью свыше 50 тыс. квт каждая и развернуто гидроэнергетическое строительство, в частности реконструкция Фынманьской гидроэлектростанции на Северо-Востоке, мощность которой превысит 560 тыс. квт. После окончания строительства всех этих электростанций общий прирост электроэнергетических мощностей в стране составит свыше 4 млн. квт. Из них мощности свыше 2 млн. квт будут введены в строй еще в годы первой пятилетки. Производство электроэнергии в 1957 г. составит 15,9 млрд. квт-часов, т. е. в 2,2 раза превысит уровень 1952 г.

В области топливной промышленности в годы первой пятилетки будет строиться 31 шахта с годовой мощностью более 1 млн. тонн каменного угля каждая. Новое строительство позволит довести добычу каменного угля в стране в 1957 г. до 113 млн. тонн против 63,5 млн. тонн в 1952 г., т. е. увеличить ее почти в два раза. Значительно возрастет также мощность нефтяной промышленности.

В области основной химической промышленности будут выстроены заводы химических удобрений, кислот и другие. Общий прирост мощности заводов по производству химических удобрений составит 910 тыс. тонн, причем мощности в 280 тыс. тонн будут введены в строй в первой пятилетке.

Значительное развитие получит промышленность строительных материалов. Производство цемента увеличится за пятилетку до 6 млн. тонн, или в 2,1 раза против 1952 г.

Развитие машиностроительной промышленности позволит уже в годы первой пятилетки развернуть производство машин для легкой промышленности. Общий прирост мощности текстильной промышленности составит 1,89 млн. веретен, из которых 1,65 млн. будут введены в действие уже до конца первой пятилетки. Это обеспечит отечественными машинами строительство 39 крупных текстильных фабрик, которое будет развернуто в первой пятилетке и позволит увеличить производство хлопчатобумажных тканей с 112 млн. кусков до 164 млн. кусков, или в 1,5 раза.

Производство сахара, вырабатываемого фабричным способом, возрастет до 686 тыс. тонн, или в 2,8 раза, благодаря вводу в строй новых сахарных заводов общей производственной мощностью свыше 500 тыс. тонн сахара в год.

Сильно увеличится производство бумаги. Общая мощность предприятий бумажной промышленности, строительство которых будет развернуто в годы первой пятилетки, составит 186 тыс. тонн. Фабричное производ-

ство бумаги в стране возрастет с 370 тыс. тонн в 1952 г. до 650 тыс. тонн в 1957 г.

Наряду со значительным приростом промышленных мощностей за счет ввода в строй новых и реконструируемых предприятий, в годы пятилетки произойдет существенное увеличение производства на действующих предприятиях. До ввода в строй всех строящихся предприятий и их полного освоения увеличение производства на старых предприятиях будет являться основным источником расширения объема производства. 70% общего прироста продукции дадут существующие предприятия.

За 1952—1957 гг. валовая продукция китайской промышленности увеличится в стоимостном выражении на 98,3%, что будет означать ежегодный прирост продукции на 14,7%. Продукция же фабрично-заводской промышленности увеличится за это же время на 104,1%, а ежегодный прирост ее составит 15,3%.

Одним из основных условий, обеспечивающих индустриализацию Китая и выполнение всего народнохозяйственного плана, является развитие сельского хозяйства. Согласно первому пятилетнему плану, общая стоимость продукции сельского хозяйства за пять лет должна возрасти на 23,3%, причем сбор зерна должен увеличиться на 17,6%, а хлопка — на 25,4%.

* * *

Увеличение промышленной продукции вдвое и особенно значительный рост производственных мощностей и продукции тяжелой промышленности будут означать существенное изменение в составе и размещении производительных сил страны, свидетельствующее о постепенной ликвидации диспропорций и неравномерностей, характерных для полуколониального прошлого Китая.

Наиболее важное проявление этих изменений — дальнейший неуклонный рост удельного веса современной промышленности в общей продукции промышленности и сельского хозяйства — с 26,7% в 1952 г. до 36% в 1957 г. Такое значительное увеличение удельного веса фабрично-заводской промышленности явится важным шагом на пути превращения Китая из отсталой аграрной страны в передовую, индустриальную. База для этого преобразования закладывается именно в период первой пятилетки путем усиленного развития тяжелой промышленности. Пятилетний план предусматривает увеличение производства средств производства на 126,5%, в то время как производство предметов потребления увеличится на 79,7%. Удельный вес продукции промышленности средств производства в общей продукции промышленности повысится с 39,7% в 1952 г. до 45,4% в 1957 г.

В ходе выполнения пятилетнего плана произойдут коренные изменения в размещении производительных сил. Еще в 1952 г. более 70% всей промышленной продукции страны, как следствие ее прошлой полуколониальной зависимости, производилось на предприятиях, находящихся в приморских провинциях, отдаленных от источников сырья и рынков сбыта. Это не только приводило к излишним транспортным расходам и нерациональным перевозкам, но и было связано с постоянной угрозой промышленному потенциалу страны в случае нападения на нее извне. Поэтому одной из основных задач социалистической индустриализации страны и первого пятилетнего плана является обеспечение рационального размещения новых производительных сил.

Наряду с широким использованием возможностей старых промышленных районов — Северо-Восточного, Шанхайско-Нанкинского и других, в первом пятилетнем плане главное внимание уделяется развертыванию промышленного строительства в провинциях Северного, Северо-

Западного, Центрального и отчасти Юго-Западного Китая. Из 694 крупных промышленных объектов первой пятилетки — 472 объекта будут размещены в этих внутренних провинциях страны и только 222 объекта — в приморских провинциях.

В соответствии с этим планируется и городское строительство в стране. Основные усилия сосредоточиваются на строительстве мелких и средних городов во внутренних провинциях Китая. На географической карте Китая появляются десятки новых промышленных центров, заново создаваемых или в небольших городах или совсем на пустом месте. К числу первых принадлежат, например, города Шицзячжуан в провинции Хэбэй, Сянтан в провинции Хунань, к числу вторых — город Хуанши в провинции Хубэй.

В качестве примера быстрого экономического развития можно указать город Шицзячжуан в провинции Хэбэй. В этом городе до освобождения была лишь одна текстильная фабрика на 10 тыс. веретен и 300 станков, электростанция мощностью в 10 тыс. квт, небольшой коксохимический завод, несколько предприятий пищевой промышленности. Остальные предприятия города имели кустарно-ремесленный характер. В период восстановления и в первые годы пятилетки город Шицзячжуан превратился в крупный промышленный центр Северного Китая. В городе выстроены и введены в строй четыре больших текстильных фабрики с 210 тыс. веретен и 6 тыс. станков и строятся еще две фабрики на 130 тыс. веретен и 3 тыс. станков. Число рабочих только на действующих текстильных предприятиях составляет 12 тыс. человек. Помимо текстильных предприятий в городе работают: вагоноремонтный завод (1500 рабочих), завод сельскохозяйственных и дорожных машин (1300 рабочих), два авторемонтных завода. Коксовый завод, на котором занято 500 рабочих, ранее вливший жалкое существование, расширен и ныне работает на полную мощность, снабжая коксом металлургические заводы Шаньси. В городе действует фармацевтическое предприятие и строится крупный фармацевтический завод со стекольным заводом при нем. На полную мощность работают предприятия пищевой промышленности: три мельницы, маслобойный, винокуренный и соевый заводы, табачная фабрика. Для снабжения промышленности города электроэнергией в нем выстроены в дополнение к старой еще две электростанции мощностью в 10 тыс. квт и строится третья — мощностью в 24 тыс. квт. Всего за 1949—1953 гг. только по линии государственного и госкапиталистического секторов восстановлено, расширено и вновь введено в строй 24 предприятия. Объем производства на них увеличен в 6 раз. Кроме государственных и смешанных предприятий, в городе функционирует большое число частных предприятий, преимущественно мелких. Общее число рабочих и служащих составляет 110 тыс. человек из 330 тыс. жителей Шицзячжуана.

Промышленность города продолжает быстро расширяться. Объем промышленной продукции государственной и смешанной промышленности до конца пятилетки возрастет еще в 5 раз. В городе осуществляется крупное капитальное строительство, охватывающее большую территорию на городской окраине. Строятся заводские корпуса, жилые дома для рабочих, клубы и ясли. Строительство ведется индустриальными методами. Развитие промышленности в значительной степени повысило роль Шицзячжуана в экономике провинции. Сейчас уже поставлен вопрос о переносе в Шицзячжуан из города Баодин административного центра провинции Хэбэй.

Большие перспективы промышленного развития имеют и такие старые крупные города внутреннего Китая, как Ухань, где кроме крупнейшего металлургического комбината будет сооружен ряд других предприятий; Сянь, уже превратившийся в крупный центр текстильной промышлен-

ности и машиностроения; Тайюань — центр металлургии и машиностроения. Новое размещение промышленности даст возможность более широко и рационально использовать природные ресурсы страны, без дальних и дорогостоящих перевозок снабжать промышленными товарами хозяйство и население.

В первом пятилетнем плане поставлена задача добиваться ликвидации диспропорций между различными отраслями промышленности и внутри отдельных отраслей, например диспропорций между добывающими и обрабатывающими отраслями промышленности, между добычей железной руды, выплавкой чугуна и производством стали и проката. Уже в ходе восстановления и в первые годы выполнения пятилетнего плана эти диспропорции несколько сгладились, а к концу пятилетки, по мере развития обрабатывающих отраслей, они будут ликвидированы.

Важнейшей задачей первого пятилетнего плана является обеспечение преимущественного развития социалистического и полусоциалистических секторов экономики. При указанном выше росте валовой продукции промышленности за пятилетие на 98,3% продукция государственного сектора промышленности увеличится на 130%, что в огромной степени укрепит позиции государственного, социалистического сектора и позволит более быстрыми темпами развернуть социалистические преобразования кустарно-ремесленной и капиталистической промышленности. Преобразование мелкотоварной кустарно-ремесленной промышленности в КНР осуществляется путем кооперирования кустарей на основе строгого соблюдения принципа добровольности и при широкой помощи государства. Социалистические преобразования частнокапиталистической промышленности должны осуществляться в период первой пятилетки путем перевода капиталистической промышленности и торговли на рельсы государственного капитализма. За эти пять лет свыше половины всей частнокапиталистической промышленности (считая по стоимости валовой продукции) будет реорганизовано в смешанные государственно-капиталистические предприятия. В результате ускоренного развития государственного, социалистического сектора и социалистических преобразований кустарно-ремесленной и частнокапиталистической промышленности удельный вес социалистического и полусоциалистических (кооперативного и государственно-капиталистического) секторов в промышленности к концу 1957 г. в общей промышленной продукции страны возрастет до 87,8% (против 61% в 1952 г.). Из остающихся на долю частнокапиталистической промышленности 12,2% продукции преобладающая часть товаров будет производится по государственным заказам, следовательно, большинство оставшихся частных предприятий будет охвачено низшей формой госкапитализма.

Таким образом, основным социально-экономическим итогом выполнения первого пятилетнего плана будет полное преобладание новых производственных отношений — социалистических и полусоциалистических — в области современной промышленности. Это создает реальные условия для превращения социалистических отношений в ходе осуществления последующих пятилеток в единственный тип производственных отношений.

* * *

Социалистическая индустриализация выдвинула перед китайским народом ряд сложных экономических проблем, без разрешения которых задача индустриализации страны не может быть осуществлена. Важнейшими из них являются тесно связанные между собой проблемы темпов индустриализации, накопления средств и подготовки кадров.

При установлении темпов индустриализации страны коммунистическая партия и народное правительство не могут отвлекаться от экономического положения Китая и тех условий, в которых разворачивается индустриализация. И хотя потребности страны, переживающей сейчас бурный процесс роста во всех отраслях экономики, требуют все большего и большего расширения производства и увеличения масштабов строительства, коммунистическая партия и правительство, руководствуясь марксистско-ленинским учением, исходят из объективной обстановки и реальных возможностей. Тем самым гарантируются реальность намеченных планов индустриализации, с одной стороны, и непрерывный подъем экономической мощи народного государства и постепенное нарастание темпов социалистических преобразований во всех отраслях хозяйства, с другой.

Отвечая сторонникам нереального ускорения или, напротив, необоснованного замедления темпов индустриализации, Ли Фу-чунь указывает, что «вопрос об увеличении масштабов строительства должен решаться не только исходя из потребностей, — он должен базироваться на реальных возможностях. Мы не фантазеры-мечтатели, мы последователи великого учения марксизма-ленинизма. Мы поэтому и считаем, что размеры строительства, определенные пятилетним планом, наиболее соответствуют нашим возможностям, сокращать их не следует, ибо они соответствуют объективным условиям нашего государства в настоящий момент. Однако, не значит ли это, что мы можем своевольно, безгранично расширять все виды строительства, не учитывая при этом всех объективных возможностей — финансовой мощи, технических сил и снабжения оборудованием. Конечно, так поступать нельзя»¹⁰.

Важнейшим фактором, определяющим темпы индустриализации, является проблема накопления средств, необходимых для финансирования долгосрочных капиталовложений. Победа народной революции, ликвидация полукolonиальной зависимости страны и господства бюрократического капитала, переход в руки народного государства основных экономических рычагов в виде крупной промышленности, транспорта, финансов, кредита и оптовой торговли, и, наконец, ликвидация помещичьей собственности на землю и освобождение крестьян от помещичьей кабалы и налогового гнета, — все это создало благоприятные условия для мобилизации в руках народного государства крупных финансовых средств и направления их на нужды восстановления и развития хозяйства. Значительная часть этих финансовых ресурсов была использована для повышения заработной платы рабочих и увеличения покупательной способности крестьян. За период восстановления и в первые годы пятилетки заработная плата рабочих и служащих увеличилась более чем вдвое¹¹. Покупательная способность крестьян в 1953 г. повысилась по сравнению с 1950 г. на 76%¹². В то же время народное государство в период 1950—1954 гг. израсходовало огромные средства (11 триллионов юаней в старом исчислении, до выпуска новых денег) на оказание помощи населению, пострадавшему от стихийных бедствий¹³. По мере улучшения положения народа, восстановления промышленности и сельского хозяйства и роста производительности труда финансовые ресурсы народного государства все в больших размерах стали направляться на финансирование нового капитального строительства. Первым основным источником накопления

¹⁰ Ли Фу-чунь. Указ. доклад. «Жэньминьжибао», 8 июля 1955 г.

¹¹ «Цзинцзицюбао», 28 октября 1954 г.

¹² Чжоу Эн-лай. О работе правительства Китайской Народной Республики. «Материалы Первой сессии Всекитайского собрания народных представителей». М., 1954, стр. 137.

¹³ Там же, стр. 138.

средств для финансирования социалистической индустриализации в настоящее время являются доходы промышленности, транспорта, внешней торговли, банков, прежде присваивавшиеся иностранными капиталистами и кликой четырех семейств, монополизировавшими соответствующие отрасли народного хозяйства.

Вторым важным источником финансирования индустриализации являются доходы и накопления от сельского хозяйства. Китайское крестьянство, получившее от народного государства 47 млн. га земли и освободившееся от взносов помещикам 50 млн. тонн зерна в виде арендной платы, сейчас имеет возможность выделить часть своих доходов на оказание помощи государству в виде средств, поступающих по сельскохозяйственному налогу, а также в виде плановых поставок зерна и других сельскохозяйственных продуктов для снабжения сырьем промышленности и продовольствием населения городов.

Третий источник финансирования промышленного строительства — налоги на частных капиталистов, которые, согласно законам КНР, обязаны значительную часть своих прибылей вносить на нужды государственного строительства в виде подоходного налога.

Кроме того, в финансировании индустриализации страны в форме займов, взносов в сберкассы и страхования участвуют все без исключения слои китайского народа.

Соотношение этих основных источников финансирования государственного строительства видно из следующих данных:

Таблица 1

Исполнение государственного бюджета 1954 г. и бюджет на 1955 г.*
(доходная часть)

Источники поступления	Фактическое исполнение бюджета 1954 г.		Бюджет на 1955 г.	
	в млн. юаней	%	в млн. юаней	%
Поступления от государственных предприятий	9 961	37,97	11 116	39,63
Налоги	13 218	50,38	13 780	49,13
в том числе:				
с промышленности и торговли;	8 971	37,89	10 000	35,65
сельхозналог	3 277	12,49	2 800	9,98
Поступления от кредитных операций, займов и страхования	3 057	11,65	3 153	11,24
Общая сумма доходов	26 236	100	28 049	100

* Источник: Ли Сянь-пэн. Доклад об исполнении государственного бюджета за 1954 г. и о госбюджете на 1955 г. «Жэньминьжибао», 10 июля 1955 г.

Основным источником доходов бюджета, а следовательно, и финансирования нового капитального строительства является социалистический, государственный сектор и полусоциалистические — кооперативный и госкапиталистический секторы, вместе обеспечивающие 70—75% всех доходов. На втором месте стоят доходы от сельского хозяйства — 12—14% и на третьем — от частнокапиталистической промышленности и торговли — 12—13% (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение доходной части бюджета по секторам*

Сектора	Фактическое исполнение бюджета на 1954 г. (%)	Бюджет на 1955 г. (%)
Государственный	65,24	69,47
Кооперативный	3,65	4,77
Государственно-капиталистический	1,66	1,98
Мелотоварное крестьянское хозяйство	14,23	11,76
Частнокапиталистический	13,34	10,70
Нераспределенная по секторам часть доходов	1,88	1,32

* Источник: Ли Сянь-пэн. Указ. доклад. «Жэньминьжибао», 10 июля 1955 г.

Поступление основной массы доходов, необходимых для развертывания социалистической индустриализации, от социалистического и полусоциалистических секторов хозяйства, удельный вес и экономическая роль которых непрерывно возрастают и усиливаются, означает, что финансирование капитального строительства имеет под собою надежную, прочную базу.

Рост расходов на капитальное строительство вместе с тем требует строжайшей экономии средств, сокращения всех непроизводительных расходов и изыскания новых источников доходов. Китайский народ, благодаря широкой разъяснительной работе, проведенной коммунистической партией, полностью осознал значение режима экономии как средства мобилизации средств на дело индустриализации страны. Широкая масса трудящихся — рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенция — в своей производственной работе и в быту, следуя призывам партии, соблюдают всемерную экономию и проявляют величайшую скромность и умеренность в одежде, пище, развлечениях. Пример скромности и умеренности показывают китайскому народу руководящие работники и все китайские коммунисты.

Единодушная поддержка народом мероприятий народного правительства по экономии средств и направлению их на нужды индустриализации уже дала крупные результаты. Сейчас трудящиеся Китая продолжают развертывать борьбу за расширение режима экономии по линии сокращения непроизводительных капиталовложений, ликвидации всяких излишеств в капитальном строительстве и сокращения себестоимости строительства объектов производственного назначения, укрепления системы хозрасчета, борьбы со всевозможными потерями в производстве и обращении и, наконец, путем сокращения административно-управленческих расходов. Ли Фу-чунь в своем докладе о проекте пятилетнего плана показал, какие резервы в этом отношении еще имеются. Использование их позволит сэкономить крупные средства и направить их на ускорение промышленного строительства и повышение жизненного уровня народа. С этой целью правительство КНР вынесло решение о снижении себестоимости строительных-монтажных работ и строительства непроизводительных объектов, как минимум, на 10% против плановой себестоимости. Одно это мероприятие позволит сэкономить не менее 2 млрд. юаней.

Важнейшей проблемой социалистической индустриализации Китая является проблема кадров. В силу своего полуколониального положения и экономической отсталости Китай в прошлом не обладал достаточным количеством технических кадров. По целому ряду отраслей промышленности, особенно тяжелой (разведка и добыча ископаемых, металлургия, машиностроение, химическая промышленность) в Китае не было своих научных и инженерно-технических работников, не хватало квалифицированных рабочих. В период восстановления Народное правительство приняло ряд срочных мер для подготовки специалистов как путем командирования студентов, инженерно-технических работников и рабочих на учебу в СССР и в европейские страны народной демократии, так и путем развертывания подготовки их в Китае через высшие и средние технические учебные заведения и сеть технических курсов. Особенно широкие размеры эта подготовка приняла с началом пятилетки.

Число студентов в высших учебных заведениях увеличилось с 117 тыс. человек в 1949/50 учебном году до 258 тыс. человек в 1954/55 учебном году. Число учащихся в технических вузах составляет 95 тыс. человек, или 37% общего числа учащихся. За это время создан ряд новых технических вузов, кафедр и специализаций, ранее не существовавших в Китае. Однако число подготовляемых в высших и средних технических учебных заведениях специалистов далеко не удовлетворяет потребностей промышленного строительства.

Ощущается также недостаток в квалифицированных рабочих. Проблема подготовки достаточного числа инженерно-технических работников, преданных своей родине и обладающих современными научными знаниями, а также необходимого числа квалифицированных рабочих продолжает оставаться одной из важнейших задач пятилетнего плана. Она будет разрешаться по двум линиям — по линии упорядочения, расширения и создания новых высших и средних технических и других учебных заведений и по линии развертывания сети вечерних школ и курсов на предприятиях и в учреждениях. В 1957 г. число высших учебных заведений будет увеличено до 208 (против 181 в 1953 г.), а число учащихся в них возрастет до 434 тыс. человек. В пятилетнем плане поставлена также задача повышения качества подготовки специалистов для народного хозяйства. С этой целью в технических вузах в ближайшие два-три года будет введен пятилетний курс обучения, краткосрочные двух- и трехлетние курсы будут постепенно ликвидированы. Широкое развитие получит сеть средних технических учебных заведений, а также вечерних институтов и заочных учебных заведений.

Помимо трех указанных проблем — темпов, накопления средств и подготовки кадров — социалистическая индустриализация выдвигает ряд других экономических проблем, требующих разрешения. К ним относятся: проблема промышленного сырья — ископаемого и сельскохозяйственного, обостряющаяся по мере ввода в эксплуатацию новых производственных мощностей; кооперирование отдельных отраслей промышленности и отдельных предприятий внутри отраслей; развитие транспорта; обеспечение продовольствием растущего городского населения и подтягивание темпов развития сельского хозяйства к темпам развития промышленности, наконец, проблема удовлетворения растущего спроса городского и сельского населения на товары широкого потребления и вызванного им подъема материального уровня жизни трудящихся.

Не менее важное значение приобретает непосредственно связанный с развитием народнохозяйственного строительства рост культурных запросов трудящихся, для удовлетворения которых необходимо соответствующее развитие полиграфической промышленности, всевозможных

культурно-просветительных учреждений — клубов, театров, кинотеатров, библиотек и т. п. Вопросы здравоохранения — развертывание сети медицинских учреждений, санаториев, домов отдыха для обслуживания рабочих — также потребуют особого внимания в процессе развертывания индустриализации. Все эти проблемы учитываются и в той или иной степени находят разрешение в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНР.

* * *

Хозяйственные итоги 1953—1954 гг. и ход выполнения плана на 1955 г. показывают, что первый пятилетний план как по вложениям, так и по вводу предприятий и росту производства осуществляется успешно. Из года в год государственные вложения в народнохозяйственное строительство увеличиваются. С 10 млрд. юаней в 1953 г. они возросли до 12,3 млрд. юаней в 1954 г., а в 1955 г., согласно плану, должны составить уже 14,2 млрд. юаней. Почти половина всех вложений направляется в капитальное строительство промышленности.

В результате непрерывного роста капиталовложений объем капитального строительства в первые три года пятилетки все время расширялся. В 1955 г. строилось уже 1079 номенклатурных объектов из 1600, намеченных пятилетним планом, или 67%.

За первые два года пятилетки только на Аньшанском комбинате введены в строй три автоматизированные домы, три прокатных завода — рельсобалочный, цельнотянутых труб и тонкого стального листа и четыре коксовых батареи. В результате этого производственная мощность Аньшанского комбината к 1954 г. возросла: по чугуну — на 80%, по прокату — на 88%, по коксу — на 73%. Завершена первая очередь реконструкции ряда старых металлургических заводов (Шицзиншаньского, Тайюаньского, Ханьбинского, Чунцинского, Мааньшаньского, Тяньцзиньского и других). Реконструкция позволила использовать эти заводы на полную мощность и значительно увеличить производство металла и проката. Производство стали, например, с 1350 тыс. тонн в 1952 г. увеличилось в 1954 г. до 2170 тыс. тонн, или на 60%¹⁴. В результате реконструкции и строительства новых заводов постепенно изменяется соотношение между производством чугуна, стали и проката, в прошлом являвшееся совершенно ненормальным. Объем выплавки стали и производства проката постепенно приближается к объему выплавки чугуна.

В 1953—1954 гг. начата подготовка к строительству двух новых мощных металлургических комбинатов — Баотоуского и Уханьского, каждый из которых по окончании строительства будет давать по несколько миллионов тонн металла в год. Сейчас в Советском Союзе и Китае ведется проектирование этих металлургических гигантов, развертывается подготовка строительных площадок и строительство подсобных предприятий.

В топливной промышленности помимо 180 шахт, восстановленных и реконструированных и вновь сооруженных в период восстановления, в 1953 и 1954 гг. построен ряд новых современных шахт и разрезов, среди которых — мощный Хайчжоуский карьер в Фусине, введенный в эксплуатацию в 1953 г. Этот построенный с помощью Советского Союза карьер полностью механизирован. Развернута реконструкция крупнейших в Китае Фушуньских и Кайланьских копей. Усиленно развивается богатейшее Датунское месторождение. Добыча угля с 63,5 млн. тонн в 1952 г. увеличилась до 82 млн. тонн в 1954 г. и продолжает неуклонно возрастать.

¹⁴ См. указ. доклады Чжоу Энь-лая и Ли Фу-чуня.

Большие усилия китайский народ прилагает к развитию нефтяной промышленности, в прошлом всячески тормозившемуся империалистами, стремившимися сохранить Китай как рынок сбыта для своих нефтепродуктов.

Электроэнергетическая промышленность также развивается бурными темпами. В 1953—1954 гг. введен в строй ряд крупных тепловых электростанций, среди них — Фусинская, Чунцинская, Сианьская. Приступлено к строительству гидроэнергетических станций на недавно сооруженных водохранилищах — Фоцзылинском, Гуантинском и других. Производство электроэнергии за два первых года пятилетки увеличилось с 7,3 млрд. квт-часов в 1952 г. до 10,8 млрд. квт-часов в 1954 г.¹⁵

Машиностроительная промышленность, являющаяся ключевой отраслью промышленности, в ходе осуществления первого пятилетнего плана и социалистической индустриализации строится особенно быстрыми темпами. Помимо коренной реконструкции ряда старых предприятий, в 1953—1954 гг. приступлено к строительству большого числа крупных машиностроительных предприятий. Среди них — завод тяжелого машиностроения в Тайюани, электромашиностроительный и инструментальный заводы и завод электроизмерительной аппаратуры в Харбине, станкостроительный завод, заводы пневматического инструмента и электрокабельный в Шэньяне, первый автомобильный завод в Чанчуне, тракторный завод и ряд других крупных предприятий. Многие из этих предприятий — полностью или частично — уже пущены в ход и снабжают промышленность Китая инструментом, генераторами, электромоторами, двигателями и станками. В Китае налажено производство отечественных паровозов и судов. Быстро увеличивается производство металлорежущих станков. Выпуск их в 1954 г. составил 13,5 тыс. или в 8,5 раза больше, чем в 1949 г. Все больше выпускается сложных, высокопроизводительных станков, ранее не изготовлявшихся в Китае.

В области легкой промышленности в первые годы пятилетки также было начато строительство многих крупных предприятий. Только в хлопчатобумажной промышленности в дополнение к 11 предприятиям, выстроенным в 1951—1952 гг., в последующие два года было развернуто строительство 10 новых крупных прядильно-ткацких фабрик в Пекине, Чжэнчжоу, Шичзянжуани, Сиани и других городах. Строится ряд сахарных заводов, бумажных фабрик и других предприятий.

Все большее число новостроек вводится в эксплуатацию. Из года в год вступает в строй все больше крупных промышленных объектов: 33 объекта в 1953 г., 51 — в 1954 г. В 1955 г. будет закончено (полностью или частично) строительство 67 крупных объектов. Среди них — автоматизированная домна № 5 и две коксовые батареи Аньшанского металлургического комбината, электростанции в Фушуне и Тайюани, Харбинский инструментальный завод, Гиринский электродный завод и ряд предприятий легкой промышленности. За исключением текстиля и табачных изделий, производство которых в связи с недостатком сырья, вызванного наводнением в 1954 г., не может быть увеличено в текущем году, в 1955 г. значительно возрастет производство всех остальных видов промышленной продукции: электроэнергии — на 19,3%, угля — на 14,7%, нефти — на 31,6%, чугуна — на 13,8%, стали — на 18,3%, цемента — на 21,7%, бумаги — на 8,9%, сахара — на 17,8%.¹⁶ Фактический прирост промышленной продукции (по валовой стоимости) за первые два года пятилетки составил в 1953 г. — 33% во всей промышленности и 40% по государственной, а в 1954 г. — 17% по всей промышленности и 27% по государственной. Этот прирост значи-

тельно превышал средний годовой прирост, намеченный пятилетним планом на 14,7% — по всей промышленности и 15,3% — по государственной промышленности¹⁷.

В результате усиленного роста промышленной продукции за эти годы доля современной промышленности в общей продукции народного хозяйства увеличилась с 26,7% в 1952 г. до 31% в 1953 г. и 33% в 1954 г. Преимущественное развитие государственной и смешанной государственной частной промышленности обусловило повышение удельного веса социалистического и полусоциалистического секторов в промышленности с 61% в 1952 г. до 62% в 1953 г. и 75% в 1954 г.¹⁸

Выполнение государственного плана первого полугодия 1955 г. свидетельствует о дальнейшем росте промышленного производства в соответствии с пятилетним планом. План первого полугодия по всей промышленности выполнен на 101,7%, а по государственной промышленности на 105,2%. Прирост промышленной продукции за это время составил (по валовой стоимости) по всей промышленности — 7,8%, а по государственной промышленности — 14,2%. Особенно значительный прирост дала топливная промышленность — 20% и тяжелая промышленность — 29,3%. По 11 важнейшим видам промышленной продукции, в том числе по нефти, чугуну, стали, стальным изделиям, цементу, электрогенераторам, пугам, сахару, муке прирост продукции за полугодие превышает 20%.

Усиленные темпы развития государственной промышленности обусловили дальнейшее повышение удельного веса социалистического и полусоциалистического секторов в валовой продукции промышленности, иллюстрируемое следующими цифрами (в % %):

	1954 г.	(1 полугодие) 1955 г.
Государственный сектор	59,0	62,3
Кооперативный сектор	4,0	3,4
Смешанные предприятия	12,0	12,6
Социалистические и полусоциалистические секторы	75,0	78,3
Частнокапиталистический сектор	25,0	21,7

В первом полугодии текущего года продолжалось дальнейшее увеличение продукции промышленности, производящей средства производства, удельный вес которой с 42% в 1954 г. повысился до 43,8%.¹⁹ Цифры выполнения плана первого полугодия 1955 г. являются ярким показателем того, что первый пятилетний план выполняется успешно.

* * *

Обсуждение проекта первого пятилетнего плана было встречено всем китайским народом с огромным энтузиазмом. Это получило яркое выражение на самой сессии, где по докладу Ли Фу-чуня выступило свыше ста депутатов. В результате глубокого и всестороннего обсуждения проекта плана в него было внесено более трехсот исправлений.

Депутаты Собрания, представляющие все слои населения и все районы страны, в своих выступлениях единодушно отмечали, что разработанный под руководством коммунистической партии проект первого пятилетнего

¹⁷ См. сообщения Государственного статистического управления КНР за 1952 и 1953 гг., а также указ. доклады Чжоу Энь-лая, Ли Фу-чуня и Ли Сянь-няня.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Жэньминьжибао», 7 августа 1955 г.

¹⁵ См. указ. доклады Чжоу Энь-лая и Ли Фу-чуня.

¹⁶ См. Ли Сянь-няня. Указ. доклад. «Жэньминьжибао», 10 июля 1955 г.

плана полностью отвечает великим задачам, стоящим перед китайским народом, обеспечивает успешный ход социалистических преобразований и закладывает основу для превращения Китая в могучую социалистическую державу. Все депутаты подчеркивали правильность принятого в проекте курса на всемерное развитие тяжелой промышленности, как основы технического перевооружения всего народного хозяйства, и выражали полную поддержку этому курсу. Показательны в этом отношении выступления депутатов-крестьян. Отличник труда сельского хозяйства, известный всему Китаю депутат Ли Шунь-да заявил: «Преимущественное развитие тяжелой промышленности, предусматриваемое пятилетним планом, совершенно правильно. Только таким образом можно укрепить обороноспособность страны и снабдить сельское хозяйство большим количеством сельскохозяйственных машин с тем, чтобы превратить его из отсталого в передовое. Мы, крестьяне, будем вести хозяйство в соответствии с государственным планом, дадим зерно и сырье, необходимые для промышленности». Другой депутат-крестьянин Жао Син-ли, говоря о преимущественном развитии тяжелой промышленности, образно выразил его значение в народной поговорке: «Если хочешь есть яйца, сначала вырасти курицу»²⁰.

Еще в процессе обсуждения проекта плана широкие массы китайского народа выразили готовность приложить все силы для выполнения и перевыполнения плана. Передовую роль в этом отношении, как всегда, играет рабочий класс Китая. Рабочие заводов, фабрик и шахт трудовыми подвигами доказывают свою поддержку пятилетнему плану. Так, рабочие Аньшаньского металлургического комбината дали обязательство сэкономить для страны во втором полугодии текущего года не менее 1 400 тыс. юаней. Сталевары бригады известного мастера скоростных плавок Ли Шао-куя, давшие в первом полугодии этого года сверх плана около 6 тыс. тонн стали, заявили: «Мы дадим стране столько стали, сколько она потребует!»²¹.

Горячую готовность приложить все силы для выполнения пятилетнего плана проявляет и китайская интеллигенция и, прежде всего, научные работники, на которых возлагаются большие задачи в развитии современной техники и науки в соответствии с огромными требованиями, предъявляемыми к ней буквально всеми отраслями народного хозяйства нового Китая.

Вице-президент Академии наук Китая Чжан Цзя-фу в беседе с корреспондентом «Правды» в связи с этим указал, что Академия наук составила план научной работы с таким расчетом, чтобы он содействовал успешному выполнению задач первой пятилетки, в особенности в части развития тяжелой промышленности. Китайские ученые широко развертывают научные исследования в области промышленности, уделяя особое внимание металлургии, добыче нефти, химии, электроэнергетике, а также вопросам целесообразного размещения производительных сил на территории страны. Научные учреждения КНР стремятся широко развивать связь с производством с тем, чтобы поставить свои научные исследования на службу социалистическому строительству и быстрее внедрять их результаты в производство²².

Принятие первого пятилетнего плана вызвало во всем Китае волну высокого патриотического подъема. Трудящиеся Китая на многочисленных митингах не только единодушно одобрили решение Второй сессии Все-

китайского Собрания народных представителей, но и повсюду взяли на себя повышенные обязательства по досрочному выполнению и перевыполнению пятилетнего плана.

* * *

Успешное выполнение первого пятилетнего плана будет означать, что Китайская Народная Республика заложила прочную экономическую базу социалистической индустриализации страны в виде ведущих отраслей тяжелой промышленности и абсолютного преобладания социалистического сектора во всей промышленности. Развитие тяжелой промышленности, которое будет продолжаться и в следующие пятилетки, обеспечит экономическую независимость страны, укрепит ее обороноспособность и создаст необходимые материальные условия для постепенного осуществления механизации сельского хозяйства и перестройки на современной основе всех остальных отраслей промышленности и транспорта. Это будет означать создание прочной основы для социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарно-ремесленной промышленности и для перевода на социалистические рельсы частнокапиталистической промышленности и торговли. Механизация сельского хозяйства, перестройка всей промышленности и внедрение социалистических производственных отношений во всех отраслях экономики приведут к значительному росту производительности труда, что создаст условия для нового подъема материального и культурного уровня китайского народа.

Значение первого пятилетнего плана не ограничивается тем, что выполнение его в огромной степени ускорит развитие Китая по социалистическому пути. Успешное осуществление его будет иметь и имеет уже сейчас огромное международное значение, ибо оно демонстрирует всем народам Востока, каких огромных результатов может в короткий срок достичь освобожденный народ, вступивший на путь социалистического развития. Создание в Китае собственной тяжелой промышленности, развитие легкой промышленности, сельского хозяйства и транспорта будут способствовать дальнейшему укреплению экономического сотрудничества Китая с Советским Союзом и другими странами демократического лагеря, а также позволят широко развить взаимовыгодные экономические связи между Китаем и другими странами Востока. Китайский народ в результате выполнения первого пятилетнего плана получит возможность оказывать экономическую помощь другим странам Востока. Это облегчит и ускорит их экономическое развитие и завоевание ими экономической независимости. Индустриализация Китая создаст также благоприятные условия для расширения торговых связей Китайской Народной Республики с крупными капиталистическими странами на основе равноправия и взаимной выгоды. Развитие экономических связей Китая со всем миром явится огромным вкладом в укрепление мирных, дружественных отношений между народами.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР является ярким выражением того, что великий китайский народ, развертывая широкое экономическое строительство, стремится к миру и международной безопасности, к обеспечению мирного сотрудничества народов.

²⁰ «Дружба», 12 июля 1955 г.

²¹ «Дружба», 10 июля 1955 г.

²² См. «Правда», 9 августа 1955 г.

КОРЕЙСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА МИР, НЕЗАВИСИМОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО

Ф. И. ШАВШИНА

Прошло свыше десяти лет с момента освобождения Кореи Советской Армией от колониального гнета Японии. Этот период знаменуется событиями огромного исторического значения в жизни корейского народа, отображающими великие перемены, которые произошли после второй мировой войны.

Четыре десятилетия томился корейский народ под гнетом японского империализма, превратившего Корею в колонию, в аграрно-сырьевой придаток, в сферу приложения капитала и получения максимальных прибылей. Все основные нити корейской экономики находились в руках японских монополий. Они захватили важнейшие отрасли промышленности, внешнюю торговлю, финансы, связь, транспорт. Они искусственно тормозили развитие корейской национальной промышленности, культивировали и поддерживали феодальные пережитки, нещадно эксплуатировали крестьянство, обрекая сельское хозяйство Кореи на застой и упадок.

Поскольку главной причиной, которая препятствовала развитию производительных сил страны, был японский империализм, опиравшийся на феодальные пережитки, важнейшей задачей корейской революции было уничтожение иноземного господства, завоевание национальной независимости, ликвидация феодальных пережитков. Во имя осуществления этой задачи передовые силы корейского общества во главе с рабочим классом в течение многих лет вели мужественную борьбу. Корейская народно-демократическая революция была подготовлена всем ходом исторического развития страны и национально-освободительной борьбы ее народа.

Японские монополии всячески пытались задержать развитие национальной промышленности Кореи. Но погоня за максимальными прибылями толкала их на расширение ряда отраслей промышленности этой страны. В период подготовки к войне и особенно во время войны японские колонизаторы стали создавать в Корею новые отрасли промышленности для обеспечения военных нужд Японии. На базе местного сырья строились предприятия, связанные с концернами Мицубиси, Сумитомо, Ногуты и другими. В Корею были созданы крупные химические заводы, производящие взрывчатые вещества, синтетический азот, серную кислоту, суперфосфаты; нефтеперегонные, металлургические заводы и т. д. С 1936 по 1940 г. стоимость продукции горнорудной промышленности Кореи выросла со 110 до 280 млн. пен, т. е. более чем в два с половиной раза¹.

¹ «Коноб сингун», 9 марта 1947 г.

В годы второй мировой войны японские империалисты в целях рассредоточения промышленности, разгрузки транспорта и для использования местного сырья и дешевой рабочей силы перебазировали из Японии в Корею часть крупных предприятий. Все это способствовало росту корейского пролетариата. В период второй мировой войны в стране было более 2 млн. рабочих, из которых около 600 тыс. фабрично-заводских. Наряду с увеличением численности рабочего класса происходила его концентрация на сравнительно крупных предприятиях, что способствовало росту организованности и сплоченности рабочего класса.

По данным японской статистики в 1940 г. на предприятиях, насчитывающих свыше 100 рабочих, было занято 51,6% всех рабочих, на предприятиях с числом рабочих от 30 до 100 — 22,3%, на мелких предприятиях, имеющих до 30 рабочих, — 26,1%². Некоторые предприятия насчитывали тысячи рабочих. На Хыннамском химическом комбинате в период второй мировой войны работало около 40 тыс. человек.

Большинство корейского промышленного пролетариата было сосредоточено в богатой энергетическими и минеральными ресурсами Северной Корею, где получили развитие важнейшие отрасли промышленности — горнодобывающая, металлургическая, химическая, энергетическая.

Корейские рабочие подвергались жестокой колониальной эксплуатации. Рабочий день длился двенадцать часов и более. Зарплата рабочих-корейцев была в два-три раза меньше чем рабочих-японцев той же квалификации.

Тяжесть капиталистической эксплуатации усугублялась сохранившимися в промышленности феодальными пережитками. В широких масштабах в Корею практиковалась подрядная система и так называемая система долгосрочной контракции рабочих, когда за мизерную плату люди фактически продавались на долгие годы в рабство. Широко применялись принудительные мобилизации на строительство военных объектов, железных дорог и т. п.

К моменту освобождения страны корейский рабочий класс представлял значительную силу, выросшую численно и окрепшую политически.

Буржуазия же Кореи оставалась слабой, ибо все основные экономические позиции, в частности в промышленности и торговле, были захвачены японскими монополистами, в руках которых находилось более 90% акционерного капитала. В решающих отраслях промышленности — металлургической, химической, энергетической — почти безраздельно господствовал японский капитал. Однако во время второй мировой войны крупная корейская буржуазия до некоторой степени усилилась. Строя предприятия военного значения и развивая связанное с войной производство, японские монополии привлекали к этому и корейский капитал. Было создано несколько крупных корейских компаний и среди них авиационная компания, капитал которой достигал 50 млн. пен.

Представители крупной корейской буржуазии открыто выступили в союзе с японскими империалистами против корейского народа и его национально-освободительного движения.

Интересы средней буржуазии ущемлялись не только японским капиталом, но и верхушечными слоями корейской буржуазии. Средняя буржуазия представляла собой силу, способную участвовать в едином фронте борьбы против иностранного гнета и внутренней реакции.

Мелкая городская буржуазия была весьма неоднородна. Она состояла главным образом из владельцев кустарных мастерских и розничных торговцев. Мелкая буржуазия страдала от господства японских монополий.

² «Чосон кёнчжэ ёнбо» (Ежегодник корейской экономики). Сеул, Изд. исследовательского отдела корейского банка, 1948, стр. 100.

Процесс разорения мелких и средних предпринимателей особенно усилился в период второй мировой войны, когда японские милитаристы установили неограниченный военный контроль над экономической жизнью Кореи.

Тяжелому гнету и дискриминации подвергалась корейская интеллигенция. Существовал длинный перечень должностей, которые вообще было запрещено занимать лицам корейской национальности. Многие специалисты вынуждены были работать не по своей специальности или не имели работы. Угнетаемые империализмом мелкая буржуазия и интеллигенция участвовали в антияпонском освободительном движении.

Главным союзником рабочего класса Кореи в освободительной борьбе являлось корейское крестьянство, составлявшее почти три четверти населения страны и подвергавшееся жестоким репрессиям и гнету.

Значительная часть обрабатываемой земли в Корее находилась в руках японских колонистов и компаний. Им принадлежало около половины земельной площади Кореи, включая леса и луга. Самые крупные хозяйства, размером свыше 100 чонбо (чонбо равен 0,99 га), принадлежали в своем подавляющем большинстве японцам. Однако было бы ошибкой недооценивать роль корейских янбаней (помещиков). В 1942 г. в Корее насчитывалось свыше 100 тыс. хозяйств корейских помещиков. Наряду с мелкими, владевшими от 5 до 10 чонбо, имелись средние и крупные помещичьи хозяйства. Так, от 10 до 50 чонбо земли владело около 45 тыс. хозяйств, от 50 до 100 чонбо — более 1500, от 100 до 200 чонбо — 430 хозяйств, а свыше 100 помещичьих хозяйств имели большие земельные массивы, превышавшие нередко тысячу чонбо. В колониальной Корее помещики вместе с крупной буржуазией являлись основной социальной опорой японского империализма.

Чрезвычайно быстрым темпом происходил процесс пауперизации корейского крестьянства. Из года в год возрастало число безземельных крестьян. В 1943 г. свыше 80% крестьянских хозяйств были либо совершенно лишены земли, либо имели настолько незначительные клочки ее, что им приходилось дополнительно арендовать землю у помещиков³. Арендная плата составляла 60—80% урожая. Кабальные арендные условия, усугубленные ростовщической кабалой, налоги и разного рода феодальные поборы отнимали у арендаторов большую часть урожая.

Подготовка Японии к войне и, особенно, сама война еще более ухудшили условия жизни корейского крестьянства. Рис и другие продукты питания изымались у крестьян и вывозились в Японию.

Строительство военных предприятий, железных дорог, сооружение военных баз, аэродромов, военных японских поселений сопровождалось дальнейшим обезземеливанием крестьян, которые сгонялись со своих участков. Многие из разорившихся крестьян превращались в бродячих, кочующих земледельцев, которых называют в Корее «людьми огневых полей» (хвадзенмины). В необжитых горных районах они выжигали лес и кустарник и обрабатывали пустыри⁴.

Наличие в корейской деревне феодальных пережитков выдвигало со всей настоятельностью вопрос об аграрной революции. С другой стороны, поскольку японский империализм являлся той силой, которая под-

³ По данным на 1942 г., в Корее насчитывалось 529 717 крестьян-собственников, полуарендаторов — 729 431, арендаторов — 1 641 702, сельскохозяйственных рабочих — 95 778. См. «Чосон кёнчжэ ёнбо», стр. 27.

⁴ В 1941 г. насчитывалось более 320 тыс. хвадзенминов. Обрабатываемая ими площадь составляла 134 941 чонбо. Многие арендаторы вынуждены были дополнительно к небольшому клочку арендованной земли также прибегать к обработке «огневых полей», чтобы как-нибудь свести концы с концами. Таких хозяйств насчитывалось в 1941 г. свыше 210 тыс., а обрабатываемая ими площадь составляла 264 073 чонбо. См. «Чосон кёнчжэ ёнбо», стр. 30.

держивала феодальный гнет, борьба за его ликвидацию была и борьбой против иноземных поработителей. Все это усиливало активность крестьянства в антиимпериалистической освободительной борьбе.

В ходе этой борьбы народные массы Кореи имели возможность убедиться в революционной последовательности, организованности и самоотверженности рабочего класса, отстаивавшего общенациональные интересы, боровшегося за независимость Кореи, за осуществление извечных чаяний крестьянства о земле. В огне борьбы складывался блок демократических сил страны, возглавляемый рабочим классом. В многочисленных антиимпериалистических выступлениях корейского народа, пробудившегося под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции к активной освободительной борьбе, усиливалась руководящая роль пролетариата, укреплялся его союз с крестьянством.

Руководителем этой борьбы выступила Коммунистическая партия Кореи, созданная в апреле 1925 г. Несмотря на то, что с 1928 г. Коммунистическая партия Кореи перестала существовать как организованная сила, корейские коммунисты продолжали возглавлять национально-освободительное движение, сплачивая и объединяя народные массы.

Под руководством коммунистов с 1931 г. развиваются активные формы корейского освободительного движения — партизанская борьба. Выступая за свои национальные и социальные интересы под руководством коммунистов, рука об руку с великим китайским народом, корейские патриоты накапливали опыт национально-освободительной борьбы, закалялись, политически зрели.

Период активной партизанской борьбы сыграл решающую роль в переходе руководства национально-освободительным движением к пролетариату. Прорыв фронта империализма в Корее и создание на месте отсталой колонии народно-демократической республики явились результатом разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии во второй мировой войне. «Можно прямо сказать, — писал в 1951 г. Ким Ир Сен, — что если бы не было Советского Союза — великого детища Октября, если бы не было его исторической победы над германским фашизмом и японским милитаризмом, Корея все еще была бы в тисках колониального гнета Японии, у нас не было бы теперь собственного независимого государства в лице Корейской Народно-Демократической Республики, мы не достигли бы тех крупных успехов в демократическом строительстве, которые укрепили фундамент государственности, и, следовательно, мы не имели бы возможности так успешно сопротивляться вооруженной интервенции...»⁵.

Освобожденный от империалистического ига Японии народ Кореи взял судьбу страны в собственные руки и направил свои усилия на создание независимого демократического государства. В ходе корейской народно-демократической революции в Северной Корее возникла народная демократия как революционная власть трудящихся, во главе с рабочим классом, основанная на союзе рабочих и крестьян, опирающаяся на широкий национальный, демократический фронт.

В Южной Корее, как и в Северной, после освобождения страны имелись необходимые внутренние предпосылки для народно-демократического развития. Это было единодушным желанием народа. На этом настаивали все демократические партии и организации страны и, в первую очередь, воссозданная в 1945 г. Коммунистическая партия Кореи. Под лозунгом

⁵ Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба корейского народа. «За прочный мир, за народную демократию!», 2 ноября 1951 г.

создания единого независимого демократического корейского государства проходили многочисленные митинги и демонстрации.

Советский Союз решительно поддерживал законные требования корейского народа. Решение Московского совещания министров иностранных дел по корейскому вопросу, принятое в декабре 1945 г. в соответствии с советским проектом, открывало пути к возрождению Кореи как суверенного демократического государства. Но некоторые иностранные круги сразу же взяли курс на срыв этого решения.

В этой обстановке в стране произошла резкая поляризация политических сил. В Северной и Южной Корее создается демократический национальный фронт, борющийся за образование независимого демократического корейского государства. Его база — союз рабочих и крестьян. Его руководитель — рабочий класс и коммунистическая партия. Его центр — Северная Корея.

Лагерь реакции объединил помещиков, буржуазную верхушку и наемных агентов империализма. Цель этого лагеря — помешать созданию демократического корейского государства, превратить Корею в плацдарм войны против народов Азии. Центр этого лагеря — Южная Корея. Руководитель — корейская реакция в лице помещиков и крупной буржуазии, опирающаяся на иностранный монополистический капитал.

Развитие корейской народно-демократической революции приобрело сложный, затяжной характер. От империалистического господства освободилась лишь Северная Корея, где сразу же стали успешно решаться антифеодальные и демократические задачи. Южная Корея снова попала в колониальное ярмо. Восстановление национального единства, мирное объединение страны, обеспечение ее национальной независимости и территориальной целостности, создание единого суверенного демократического корейского государства стали важнейшими задачами корейской революции.

Для решения этих задач необходимо было создать прочную политическую, экономическую и культурную базу — опорный пункт революции. Такая база могла быть только в Северной Корее, где власть перешла в руки народа, где имелись условия для свободного волеизъявления народа, для демократического развития страны. Такая база могла быть создана только при условии осуществления широкого плана революционных преобразований во всех областях общественно-политической и экономической жизни.

Эти преобразования были успешно осуществлены. Самым первым из них явилась земельная реформа, проведенная весной 1946 г. Как указывалось в законе о земельной реформе, принятом 5 марта 1946 г., «задача земельной реформы — уничтожение японского землевладения, землевладения корейских помещиков и уничтожение арендной системы. Землей имеет право пользоваться тот, кто ее обрабатывает. Аграрный строй в Северной Корее будет опираться на независимые, свободные от помещиков крестьянские хозяйства, являющиеся частной собственностью их владельцев⁶. В результате земельной реформы 724 522 крестьянских хозяйств Северной Кореи получили около миллиона чонбо земли⁷. Орудия производства японских сельскохозяйственных компаний, японских и корейских помещиков были конфискованы и перешли в ведение народных комитетов для наделения ими батраков и беднейших крестьян.

Земельная реформа оказала огромное влияние на демократизацию

⁶ «Пук чосон компёнчип» (Сборник законов Северной Кореи). Пхеньян, 1947, стр. 59.

⁷ «Чосон чулан ёнгам 1949» (Корейский ежегодник). Пхеньян, стр. 71—72.

Северной Кореи, на превращение ее в опорную базу революции. Реформа ликвидировала пережитки феодализма в деревне, открыла путь к развитию производительных сил сельского хозяйства; освободив крестьян от вековой кабалы и эксплуатации, она развязала политическую активность крестьянства, укрепила его доверие к народной власти. Земельная реформа еще теснее сплотила крестьянство с рабочим классом, оказавшим непосредственную помощь в ее осуществлении.

Ликвидировав класс помещиков, земельная реформа подорвала корни реакционного лагеря, создала благоприятные условия для проведения дальнейших демократических преобразований. К важнейшим из них относится национализация промышленности, транспорта, связи и банков, осуществленная народной властью Северной Кореи в августе 1946 г. В результате в руки народных органов власти перешло свыше тысячи промышленных предприятий. Народ стал хозяином недр, шахт, рудников, электростанций. Государственный сектор стал господствующим в промышленности, что имело решающее значение для развития производительных сил Северной Кореи, для ликвидации последствий колониального прошлого, для создания фундамента национальной экономики.

Национализация промышленности уничтожила экономическую базу крупной буржуазии Северной Кореи. Ликвидация этой базы означала серьезный удар по силам реакции.

Важное значение для народно-демократического развития Северной Кореи, для активизации демократических сил страны имело осуществление законов о равноправии женщин и о труде рабочих и служащих, которые вызвали небывалый подъем трудового энтузиазма и быстрый рост производительности труда во всех отраслях народного хозяйства.

Демократическое развитие страны было невозможно без широких культурных преобразований. Была проведена реформа народного образования, уничтожившая японскую систему обучения, были приняты меры к возрождению литературы, искусства. Среди населения началась большая работа по распространению научных и политических знаний, по выкорчевыванию феодальной идеологии и возрождению всего передового, прогрессивного, что было создано богатой и древней корейской культурой.

В ходе демократических преобразований укрепился народно-демократический строй и открылся путь к быстрому хозяйственному и культурному развитию Северной Кореи, окрепли связи и сотрудничество всех прогрессивных патристических партий и общественных организаций Северной Кореи. Вырос авторитет коммунистической партии, возглавившей проведение демократических реформ.

Летом 1946 г. был создан мощный пятимиллионный Единый демократический национальный фронт Северной Кореи, руководимый коммунистической партией, а после ее слияния в 1946 г. с новой народной партией — Трудовой партией Северной Кореи. Построенная на незыблемой основе марксизма-ленинизма, трудовая партия стала общепризнанным руководителем демократического строительства, революционным вождем народных масс. Таким образом, уже к началу 1947 г. в Северной Корее были сделаны решающие шаги по созданию опорной базы суверенного демократического корейского государства.

В то же время в Южной Корее в широких масштабах осуществлялся план военных мероприятий, создавались военные базы и воинские формирования из корейцев. Экономика Южной Кореи попрежнему носила колониальный характер. В сельском хозяйстве господствовали помещичье землевладение и кабальная арендная система. Характеризуя это положение, прогрессивный американский публицист Г. Мейер пишет, что там сохранялся примерно тот же социальный порядок, который был при японском

господство. «3% населения владели 60% земли; крестьяне продолжали отдавать в виде арендной платы 80% урожая помещикам»⁸.

Колониальный характер сохранила и южнокорейская промышленность⁹. Американские монополии стали вывозить из страны ее естественные богатства, в первую очередь стратегическое сырье. Они не допускали развития тех отраслей промышленности, которые могли бы создать условия для экономической независимости страны.

На юге страны, несмотря на жестокий террористический режим, развивалось освободительное демократическое движение. В октябре 1946 г. в Южной Корее произошло серьезное выступление народных масс, начавшееся с забастовки железнодорожников и вылившееся в ряде мест в вооруженную борьбу. В нем участвовало около двух миллионов человек. Октябрьское выступление, которое возглавил рабочий класс, еще более укрепило демократический лагерь Южной Кореи, еще теснее сплотило народные массы вокруг коммунистической партии. Демократический национальный фронт Южной Кореи, созданный в 1946 г., объединил рабочий класс, крестьянство, мелкую и значительную часть национальной буржуазии. В южной части страны росло движение за создание единого независимого демократического корейского государства. Так, только в выступлениях против сепаратных антинародных выборов 1948 г. участвовало более 1 300 тыс. человек. К этому движению примкнула даже часть правых и центристских партий.

Успешное осуществление революционных преобразований в Северной Корее являлось могучим стимулом освободительного движения южнокорейских патриотов.

После создания летом 1948 г. реакционного южнокорейского правительства, в условиях серьезной опасности, нависшей над страной, образование народно-демократической республики стало настоятельной необходимостью, решающим условием обеспечения национальной независимости, единства и демократического развития Кореи. Оно произошло на основе всеобщих выборов в Верховное народное собрание в августе 1948 г.

Образование народно-демократической республики — важное историческое событие в жизни корейского народа. Оно знаменовало начало нового периода корейской истории. Образование КНДР вызвало бурный подъем хозяйственного и культурного строительства в Северной Корее. Принятый в феврале 1949 г. двухлетний народнохозяйственный план КНДР предусматривал искоренение остатков колониального прошлого в экономике, преодоление ее феодальной отсталости, резкое повышение темпов роста производства и улучшение жизненных условий народа. Первоочередное развитие тяжелой промышленности, намеченное планом, создавало условия для решения этих задач. Особое внимание было уделено развитию металлургической промышленности и машиностроению.

Огромное значение для подъема экономики и культуры КНДР имело заключенное в марте 1949 г. советско-корейское соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, являющееся первым равноправным договором в истории Кореи. В соответствии с этим соглашением в КНДР стали поступать из Советского Союза оборудование, машины, нефть и другие материалы и товары. КНДР получила от Советского Союза на льготных условиях долгосрочный кредит в сумме 212 млн. рублей.

Поскольку и после образования КНДР Южная Корея продолжала оставаться под гнетом реакции, главной задачей демократических сил

Кореи являлось мирное объединение страны. Трудовая партия мобилизует массы на осуществление этой задачи. Под ее руководством в июне 1949 г. был создан общенациональный Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ), в который вошли свыше 70 политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. План мирного объединения страны, выдвинутый ЕДОФ, был горячо поддержан народными массами севера и юга страны. На борьбу за мирное объединение Кореи, за обеспечение ее национальной независимости и территориальной целостности поднялись все прогрессивные силы корейской нации.

Могучим стимулом этой борьбы явилась великая победа китайского народа. Создание в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики — победа революции в самой большой азиатской стране — вызвали новый подъем освободительного демократического движения корейского народа. В южной части страны усилилось партизанское движение. Летом 1949 г. в 682 волостях Южной Кореи действовали отряды народных мстителей.

Весь корейский народ настойчиво потребовал мирного объединения своей родины. Однако вместо этого объединения лисымановцы при поддержке определенных иностранных кругов начали в июне 1950 г. войну против Северной Кореи.

Свободолюбивая Корея поднялась на борьбу, чтобы с оружием в руках отстоять свою независимость. И несмотря на то, что против Корейской Народно-Демократической Республики были посланы отборные части и военная техника США и ряда других стран, несмотря на то, что на войну было затрачено много миллиардов долларов, покорить корейский народ не удалось.

Подписанное 27 июля 1953 г. перемирие явилось крупной победой миролюбивых сил, стремящихся к ослаблению международной напряженности, к решению спорных международных вопросов мирным путем.

Победа корейского народа и пришедших ему на помощь китайских добровольцев имеет большое международное значение. Она показала, что нет в мире силы, которая могла бы покорить народ, взявший судьбу государства в свои руки. Она продемонстрировала неодолимую силу солидарности народов демократического лагеря, решимость народов Азии отстоять свою независимость и мир.

Заключение перемирия создало условия для мирного урегулирования корейского вопроса, позволило корейскому народу приступить к ликвидации последствий войны. Война нанесла народному хозяйству республики огромный ущерб, который, по неполным данным, исчисляется более чем в 420 млрд. вон. Агрессоры разрушили свыше 8 700 заводских зданий, 600 тыс. жилых домов, 5 тыс. школ, тысячу больниц и амбулаторий, 263 театра, сотни других культурных учреждений¹⁰. На большой площади орошаемых земель были уничтожены ирригационные сооружения. Сильным разрушениям подвергся транспорт и другие важные отрасли хозяйства.

Состоявшийся в августе 1953 г. Шестой пленум ЦК Трудовой партии Кореи определил основные пути мирного строительства в КНДР, отметив, что главная задача заключается в укреплении опорного пункта революции — демократической базы, созданной в Северной Корее, что необходимо поднять всю партию, весь народ на борьбу за укрепление этой базы, за упрочение экономической основы для мирного объединения страны.

У корейского народа есть все необходимые условия для решения этой задачи. В годы мирного демократического строительства и в великой осво-

⁸ Г. Мейер. Последние иллюзии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 165.

⁹ В течение 1945—1950 гг. американские монополии, в частности дом Моргана, получили более чем на 1,5 млрд. долл. акций Восточноколониального общества.

¹⁰ См. Пак Чан Ок. Доклад на Седьмой сессии Верховного народного собрания КНДР о трехлетнем плане восстановления и развития народного хозяйства КНДР. «Нодон синмун», 22 апреля 1954 г.

бодительной войне он накопил огромный опыт борьбы и строительства, он располагает богатыми источниками материалов и ископаемых, имеет закаленные в тяжелых условиях войны кадры и неиссякаемую решимость «как можно быстрее восстановить все отрасли народного хозяйства, улучшить свою жизнь, построить новые современные города на месте разрушенных, восстановить, расширить и оборудовать современной техникой заводы и фабрики и добиться мирного объединения своей родины, сделать ее процветающей и прекрасной»¹¹.

Одним из важнейших условий восстановления и развития народного хозяйства КНДР является бескорыстная помощь стран демократического лагеря. Советское правительство выделило безвозмездно для нужд восстановления разрушенного войной народного хозяйства КНДР миллиард рублей. Эти средства используются для восстановления и строительства гидроэлектростанций, заводов черной и цветной металлургии, химической, цементной, текстильной и пищевой промышленности. Для восстановления экономики КНДР из Советского Союза поставляются оборудование и материалы, сельскохозяйственные машины, товары широкого потребления и т. д. Советское правительство отсрочило платежи правительства КНДР по всем ранее предоставленным Советским Союзом кредитам и установило более льготные условия их погашения.

Важное значение для восстановления и развития народного хозяйства КНДР имеет заключенное в ноябре 1953 г. китайско-корейское соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, в котором нашли яркое выражение старая дружба китайского и корейского народов. Правительство КНР решило считать безвозмездно переданными все материалы и средства, посланные в помощь корейскому народу с начала войны в Корею по 31 декабря 1953 г., а также предоставить в дар корейскому народу на нужды послевоенного восстановления и развития 8 триллионов юаней (в старой валюте) в течение четырех лет, с 1954 по 1957 г. В счет этой суммы Китайская Народная Республика поставляет в Корейскую Народно-Демократическую Республику товары и оборудование, необходимые для восстановления и развития промышленности и сельского хозяйства и улучшения благосостояния народных масс. Кроме того, правительство КНР согласилось помочь КНДР в восстановлении железнодорожного транспорта. Соглашением предусмотрено и успешно осуществляется техническое сотрудничество.

Во всех странах народной демократии развернулось широкое движение за оказание помощи корейскому народу в восстановлении и развитии его народного хозяйства. Правительства этих стран строят в КНДР предприятия, поставляют строительные материалы, оборудование, машины, предметы народного потребления.

Закон о трехлетнем плане восстановления и развития народного хозяйства КНДР на 1954—1956 гг., принятый на Седьмой сессии Верховного народного собрания КНДР в апреле 1954 г., ставит задачу восстановить разрушенное войной народное хозяйство, достигнуть довоенного уровня промышленного и сельскохозяйственного производства и превзойти этот уровень.

Намечено увеличить в 1956 г. валовую продукцию государственной и кооперативной промышленности в 2,6 раза против уровня 1953 г. и в 1,5 раза по сравнению с 1949 г. Будет достигнут и превзойден уровень 1949 г. по углю, коксу, чугуну, прокату черных металлов, цементу и другим видам продукции. Выпуск горного оборудования увеличится в 24 раза,

¹¹ Ким Ир Сен. Доклад на Шестой сессии Верховного народного собрания КНДР. Пхеньян, 20 декабря 1953 г.

металлообрабатывающих станков — в 62,5 раза, сельскохозяйственных машин — в 16,5 раз. Будет организовано производство ранее не изготовлявшегося в стране оборудования, в частности металлорежущих станков, компрессоров, электромоторов и т. п. Объем капитальных вложений в промышленность на 1954—1956 гг. составляет 37 360 млн. вон.

Большое внимание уделяется восстановлению и развитию промышленности, выпускающей товары народного потребления. Производство продовольственных и промышленных товаров широкого потребления увеличится в 1956 г. не менее чем в два раза по сравнению с уровнем 1949 г.¹²

Осуществление трехлетнего плана будет означать ликвидацию колониальной структуры промышленности, преодоление ее технической отсталости. Восстанавливая промышленность, правительство КНДР одновременно поставило задачу правильного ее размещения, максимально приближая промышленные объекты к источникам сырья.

Важнейшей задачей плана в области сельского хозяйства является дальнейшее повышение урожайности. В 1956 г. должен быть превзойден уровень 1949 г. по общему объему продукции сельского хозяйства не менее чем на 19%, в том числе по валовому урожаю риса на 31%. Образцом для крестьянских хозяйств являются государственные хозяйства, которые показывают крестьянам пути получения высоких урожаев; преимущества крупного хозяйства. В этих хозяйствах применяются все достижения сельскохозяйственной науки. Для обслуживания крестьянских хозяйств созданы машинопрокатные станции. Количество их в 1955 г. возросло по сравнению с 1953 г. в 2,6 раза. План предусматривает дальнейшее увеличение машинопрокатных и коннопрокатных станций.

Трехлетний план намечает ряд мероприятий по дальнейшему развитию национальной культуры и искусства, создание условий для перехода в конце трехлетия к всеобщему начальному обучению, увеличение сети средних и высших учебных заведений и числа обучающихся в них.

На основе роста производства и повышения производительности труда национальный доход в 1956 г. возрастет по сравнению с 1949 г. на 30%, что в свою очередь повлечет значительное повышение реальной заработной платы рабочих и служащих.

По зову трудовой партии и правительства народ поднялся на борьбу за восстановление и развитие хозяйства, за выполнение задач трехлетнего плана, за укрепление демократической базы республики, которое сделает еще более прочным фундамент для мирного объединения страны.

Трехлетний план успешно выполняется. Объем продукции государственной и кооперативной промышленности составил в 1954 г. 110,3% к плану. План выпуска продукции тяжелой промышленности в 1954 г. выполнен на 116%¹³.

Из руин и пепла встают города, заводы, культурные учреждения Северной Кореи. На предприятиях, стройках, на полях, в учреждениях с новой силой развернулось трудовое соревнование, рационализаторское движение. Растет творческая активность масс. Только в 1954 г. в КНДР осуществлено 2 200 рационализаторских предложений. Производительность труда на предприятиях КНДР выросла в 1954 г. по сравнению с 1953 г. на 41%¹⁴.

Восстановлен и реконструирован ряд крупных предприятий, занимаю-

¹² См. «Закон о трехлетнем плане восстановления и развития народного хозяйства КНДР». «Нодон синмун», 24 апреля 1954 г.

¹³ См. «Нодон синмун», 28 января 1955 г.

¹⁴ См. «Нодон синмун», 11 апреля 1955 г.

щих ведущую роль в промышленности; среди них металлургический завод в Хванхэ, металлургический завод имени Ким Чакка, Сончжинский сталелитейный завод, Мунпхенский завод цветных металлов, Хичонский машиностроительный завод. Построены завод сельскохозяйственного машиностроения в Пхеньяне, машиностроительные заводы в Намвоне и Мунчоне; вступили в эксплуатацию Понгунский химический завод, Супхунская гидроэлектростанция, текстильный комбинат, завод керамических изделий в Пхеньяне, мукомольный завод в Нампхо и ряд других предприятий тяжелой и легкой промышленности. За два года после перемирия построено, восстановлено или расширено 290 крупных и средних предприятий. Валовая продукция государственной и кооперативной промышленности в первом полугодии 1955 г. увеличилась по сравнению с первым полугодием 1953 г. в 2,5 раза.

Большие успехи достигнуты в восстановлении и развитии сельского хозяйства, ярким доказательством чего является рост государственных хозяйств и кооперативного движения. Количество сельскохозяйственных кооперативов, созданных крестьянами на добровольных началах, составляет более 11 тыс.; они охватывают около 44% всех крестьянских дворов Северной Кореи и свыше 40% общей площади пахотной земли. Огромное внимание трудовая партия и правительство республики уделяют в настоящее время вопросам организационно-хозяйственного укрепления созданных сельскохозяйственных кооперативов.

Большое значение для усиления заинтересованности крестьян в увеличении производства сельскохозяйственной продукции и для лучшего снабжения населения имеет принятое Кабинетом министров КНДР постановление о свободной продаже крестьянами сельскохозяйственной продукции.

Возрождается культурная жизнь республики. В Северной Корее уже сейчас функционирует 16 высших учебных заведений. Восстанавливаются школы, библиотеки, театры, клубы.

За два года после перемирия 138 тыс. человек закончили неполные и полные средние школы, более 6 тыс. — техникумы и средние специальные школы, 3 200 — высшие учебные заведения. В республике имеется 12 театров, 451 кинозал, 221 клуб, 195 библиотек и музеев. Значительно расширилась сеть лечебных учреждений. Имеется 410 больниц и амбулаторий. За два года в городах государственными и кооперативными организациями построены новые жилые дома общей площадью в 1 070 тыс. кв. метров.

Улучшается благосостояние народных масс. Систематически проводится снижение розничных цен на товары широкого потребления. В связи с проведенным 1 августа 1955 г. четвертым по счету снижением цен, которое охватывает 335 видов товаров, население страны получит ежегодную экономию средств в размере 3 600 млн. won. Реальная заработная плата рабочих и служащих выросла в 1954 г. по сравнению с 1953 г. на 84%. Растут доходы крестьянства.

Выполнение трехлетнего народнохозяйственного плана создаст возможность для перехода к непосредственному строительству в Северной Корее основ социализма. Для решения этой великой исторической задачи имеются необходимые экономические и политические предпосылки.

В результате ликвидации колониального режима и полуфеодалных производственных отношений, в результате революционно-демократических преобразований коренным образом изменилась социально-экономическая структура народного хозяйства Северной Кореи. Из трех основных общественно-экономических укладов — социалистического, мелкотоварного и капиталистического — господствующее положение в народном хозяйстве КНДР занял социалистический уклад, объединяющий государ-

ственный и кооперативный секторы. Социалистический уклад охватывает около 98% всего промышленного производства в Северной Корее¹⁵.

Из четырех секторов — государственного, кооперативного, мелкотоварного и частнокапиталистического — ведущую роль занимает государственный сектор.

Элементы государственного сектора появились и в сельском хозяйстве в виде государственных земледельческих хозяйств.

Кооперативный сектор представлен потребительской, промышленной и производственной кооперацией, при этом наибольший удельный вес этот сектор имеет в торговле. В 1950 г. потребительской кооперацией было охвачено около 83% населения Северной Кореи. Значительного развития достигла и промышленная кооперация. Так, в 1949 г. она дала около 80% всей продукции рыболовства. Государство всемерно поддерживает развитие кооперации, предоставляя ей льготы и привилегии. Конституция КНДР специальной статьей оговаривает, что государство поощряет развитие кооперации среди населения и что кооперативная собственность охраняется законом. Развитие народного хозяйства в КНДР происходит при все возрастающей господствующей роли государственного сектора, и это является одним из решающих условий огромных хозяйственных успехов молодой республики.

Важнейшим политическим условием строительства основ социализма в КНДР является руководящая роль рабочего класса, союз рабочего класса с крестьянством. Этот союз, возникший во время антияпонской освободительной войны, окреп и упрочился после освобождения страны от японского империалистического гнета, в период мирного демократического строительства, в ходе революционных преобразований. Он превратился в нерушимую силу в дни великой освободительной войны.

Союз рабочего класса и крестьянства — оплот государственной власти в Корейской Народно-Демократической Республике. Под руководством трудовой партии трудящиеся Северной Кореи ведут неустанную борьбу за мирное объединение страны, за ее демократическое развитие.

Окреп и расширился Единый демократический отечественный фронт КНДР. Вокруг него еще теснее сплотились все патристические силы нации, все, кому дороги независимость, демократия и мир.

Единство и сплоченность народных масс являются одним из важнейших условий успешного развития Корейской Народно-Демократической Республики.

* * *

В то время, когда в Северной Корее развивается экономика и культура, растет благосостояние народа, заживают раны, нанесенные войной, Южная Корея продолжает оставаться под гнетом лисынмановцев. Война довершила развал южнокорейской экономики. Промышленность, которая и до войны влачила жалкое существование, еще более сократилась. Так, выпуск продукции пищевой промышленности составил в 1954 г. 19,7% довоенного уровня, химической — 11,8%, металлургической — около 7%. Производство самой развитой в Южной Корее отрасли промышленности — текстильной — сократилось в 1953 г. по сравнению с довоенным уровнем на 63%.

¹⁵ См. *Ким Ир Сен. Учение Ленина — наша путеводная звезда. «За прочный мир, за народную демократию»*, 15 апреля 1955 г.

Война усилила развал сельского хозяйства Южной Кореи. Сокращение посевных площадей, разрушение многих ирригационных сооружений, насильственная мобилизация в армию трудоспособного населения — все это привело южнокорейскую деревню на грань катастрофы. Средний годовой сбор зерновых за период 1946—1954 гг. составляет 69% от довоенного среднегодового сбора, урожайность риса сократилась на единицу площади по сравнению с тем же периодом на 8%, ячменя — на 13%¹⁶. Даже заведомо тенденциозные обследования, проведенные министерством земледелия и лесоводства лисынмановского правительства по восьми провинциям Южной Кореи, показали, что только за 1954 г. налоговая задолженность на каждый крестьянский двор составила в среднем около 9 тыс. хван.

Монополии США навязывают Южной Корее свои товары, в то время как национальные предприятия закрываются. По данным южнокорейской газеты «Сеул синмун», в 1954 г. только в Сеуле закрылись десятки предприятий. Около 70% ассигнований США на так называемую помощь направляются на военное строительство. Южнокорейские власти, получая американскую «помощь», могут расходовать ее только на закупку американских товаров по крайне высоким ценам. Так, по сообщению южнокорейского агентства Тоньян Тонсин, цена на уголь, который ввозится в Южную Корею из США, вдвое превышает цены мирового рынка. Если тонна австралийского угля стоит 12—15 долл., то тонна американского стоит 30,8 долл. Такое же положение и с химическими удобрениями, искусственной пряжей и другими товарами. Наряду с этим, американские монополии вывозят по низким ценам из Южной Кореи сырье. Вольфрам, который составляет $\frac{2}{3}$ южнокорейского экспорта, вывозился в 1954 г. в США по ценам, которые на 75% ниже цен на вольфрам на мировом рынке.

Земельная реформа, проведенная в 1951 г. в Южной Корее, не уничтожила ни феодального землевладения, ни кабальной арендной системы. Продаваемые крестьянам земли, за которые был установлен высокий выкуп, попали в своей значительной части к зажиточной прослойке деревни. Небольшая часть трудящихся крестьян, получивших землю (не более 0,3 чонбо на хозяйство), оказалась вновь в неоплатной кабале.

Нарушая соглашение о перемирии, лисынмановцы осуществляют широкий план милитаризации Южной Кореи. Южнокорейская армия увеличена с 16 до 20 дивизий. Кроме того, создано 10 резервных дивизий.

Ли Сын Ман и его пособники открыто призывают к вооруженному походу против Северной Кореи.

Лисынмановцы проводят в Южной Корее жесточайшие репрессии и террор, но им не удается подавить борьбу южнокорейских патриотов за мирное объединение своей родины. Руководителем и организатором этой борьбы выступает Трудовая партия Кореи, сплотившая все патристические силы страны, возглавившая демократическое строительство в северной части страны и национально-освободительное движение в Южной Корее. Правильная политика трудовой партии — важнейшее условие побед корейского народа.

Под руководством трудовой партии народ Кореи ведет неутомимую борьбу за мирное объединение своей родины на демократических началах, за независимость и национальное единство.

Правительство КНДР предприняло ряд мер к мирному урегулированию корейского вопроса. На Женевском совещании министров иностранных дел летом 1954 г. делегация Корейской Народно-Демократической

Республики предложила радикальный план мирного объединения Кореи путем проведения во всей стране свободных выборов после вывода иностранных войск. Делегация СССР и КНР на Женевском совещании активно поддерживали программу мирного объединения Кореи. Но Женевское совещание не привело к соглашению по корейскому вопросу. После этого правительство КНДР предприняло новые усилия для мирного объединения страны. Состоявшаяся в октябре 1954 г. сессия Верховного народного собрания обратилась к Национальному собранию Южной Кореи, ко всем политическим партиям и организациям, ко всему населению Южной Кореи с предложением созвать в 1955 г. совещание представителей различных политических партий и общественных организаций и всех слоев населения Юга и Севера Кореи или совместное заседание Верховного народного собрания КНДР и Национального собрания Южной Кореи для обсуждения вопроса о мирном объединении страны. Девятая сессия Верховного народного собрания КНДР в марте 1955 г. выдвинула предложение обменяться парламентскими делегациями между Северной и Южной Кореей. Правительство КНДР неоднократно прилагало усилия для установления связей между Севером и Югом страны, что благоприятствовало бы быстрейшему мирному решению корейского вопроса. Однако эти усилия наталкиваются на сопротивление лисынмановского правительства.

В своем докладе 14 августа 1955 г. председатель Кабинета министров КНДР Ким Ир Сен заявил о готовности правительства КНДР вести переговоры с представителями соответствующих властей и общественности Южной Кореи по вопросу восстановления национального единства и расширения экономических и культурных связей Севера и Юга страны. «Вопрос об объединении Кореи должен быть разрешен в соответствии с волей самих корейцев, — заявил Ким Ир Сен. — Для этого нужно вывести из Кореи иностранные войска, обсудить корейский вопрос на совместной встрече представителей населения Северной и Южной Кореи, без вмешательства извне образовать единое центральное демократическое правительство на основе свободного волеизъявления населения Южной и Северной Кореи, определить характер правительства через выбранных народом представителей»¹⁷. Ким Ир Сен выразил пожелание, чтобы заинтересованные государства созвали для мирного урегулирования корейского вопроса совещание с широким участием стран Азии и Дальнего Востока. Эта новая мирная инициатива встретила одобрение и поддержку самых широких слоев корейского населения.

Все миролюбивые народы горячо сочувствуют справедливой борьбе корейского народа за мир, независимость, национальное единство. Все страны лагеря мира, демократии и социализма во главе с СССР и Китайской Народной Республикой неутомимо и последовательно отстаивают дело мирного урегулирования корейского вопроса в интересах корейского народа, в интересах мира и безопасности народов Дальнего Востока и всего мира.

¹⁶ См. «Кукче сепхваль», 1955, № 5.

¹⁷ «Нодон синмун», 15 августа 1955 г.

РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ АРАБСКИХ СТРАН

(1945—1955 гг.)

Л. Н. ВАТОЛИНА

В условиях углубляющегося общего кризиса капитализма и его колониальной системы, небывалого роста сил демократии и социализма во всем мире высоко поднялся уровень национального самосознания народов арабских стран. Этот быстрый рост национального и классового самосознания широких масс не привнесен извне в эти страны, как это пытаются утверждать буржуазные публицисты. Национальное пробуждение и освободительное движение народов возникают главным образом в результате внутренних процессов экономического и политического развития общества. Историческое развитие арабских стран в условиях усиливающейся эксплуатации их со стороны иностранных монополий характеризуется все возрастающим сопротивлением народов этих стран и развитием их борьбы в защиту жизненных прав, за сохранение национального суверенитета и в защиту мира.

Следовательно, национально-освободительная борьба арабских народов становится выражением самой насущной необходимости этих народов. Мировое же антиимпериалистическое движение лишь стимулирует освободительную борьбу народов и оказывает ей моральную поддержку.

Национально-освободительное движение в арабских странах после второй мировой войны имеет свои отличительные черты. Оно заключается в том, что освободительное движение охватило одновременно почти все арабские страны. В национально-освободительном движении принимают участие широкие массы трудящихся арабских стран: рабочие, крестьяне, ремесленники, мелкая и средняя буржуазия, средние городские слои, передовая интеллигенция. Им противостоят узкие круги правящих классов, представляющие преимущественно интересы крупных помещиков, compradorской и крупной национальной буржуазии, высшего духовенства, крупных государственных чиновников, которые поддерживаются иностранными монополиями.

Экономические сдвиги, произошедшие после второй мировой войны в арабских странах, выразились в известном развитии промышленности, в росте промышленного пролетариата в Египте, Сирии, Ираке, Северной Африке. Рабочий класс возник в таких странах, как Кувейт, Саудовская Аравия, Трансйордания, где его не было совсем до войны. Во всех арабских странах пролетариат становится в авангарде национально-освободительного движения, борясь за руководящую роль в нем.

Борьба рабочих за их политические, экономические и национальные права в послевоенный период становится все более организованной и упорной. В первых рядах борются выступают шахтеры Марокко, докеры Алжира, рабочие каменноугольных копей Туниса, текстильщики Египта, нефтяники Ирака. Даже в отставшей в своем экономическом и политическом развитии Саудовской Аравии 20 тыс. рабочих на промыслах АРАМКО (сокращенное название американской нефтяной компании) провели в октябре 1953 г. всеобщую трехнедельную забастовку и добились удовлетворения своих требований.

Росту национально-освободительного движения на Арабском Востоке способствовала решающая роль Советского Союза в исторической победе во второй мировой войне. Эта победа избавила человечество, в том числе и арабские народы, от угрозы фашистского порабощения, и привела к образованию лагеря мира, демократии и социализма. Прорыв фронта империализма в Китае и создание Китайской Народной Республики, образование Корейской Народно-Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам оказали большое влияние на народы арабских стран. Важное значение имел факт вступления таких азиатских, бывших колониальных стран, как Индия, Индонезия, Бирма и других, на путь самостоятельного развития.

* * *

Народы арабских стран¹, находившиеся в течение четырех веков под тяжелым гнетом Османской империи, стали затем объектом самой жестокой эксплуатации колониальных держав, разделивших между собой арабские страны и превративших их в рынки сбыта своих товаров, источники сырья и сферы приложения своих капиталов. Хищническое использование иностранными монополиями природных богатств арабских стран, полуфеодалная и капиталистическая эксплуатация обусловили одностороннее развитие экономики арабских стран, затормозили рост производительных сил, привели к обнищанию трудящихся масс.

Во всех арабских странах господствует крупное землевладение. В Ираке, например, половина всей обрабатываемой земли сконцентрирована в руках помещиков. Почти во всех арабских странах широко распространена кабальная аренда и издольщина. Помещики, составляющие ничтожную прослойку населения арабских стран, эксплуатируют миллионы малоземельных и безземельных феллахов — арендаторов и батраков, используя огромный рынок дешевой рабочей силы, который создается в результате возрастающего разорения крестьянства и слабого развития промышленности.

Господство в арабских странах иностранного капитала, грабящего народ при посредстве многочисленных банков, капиталистических предприятий, экспортных фирм, скупающих за бесценок сельскохозяйственное сырье и разоряющих крестьянство, прибавляет к полукрепостнической кабале капиталистическую.

В условиях углубляющегося общего кризиса капитализма происходит дальнейшее обнищание угнетенных крестьянских масс. Все это вызывает антифеодалное, аграрное движение в арабских странах. Нередки случаи, когда безземельные и малоземельные феллахи захватывают помещичью землю и распределяют ее между собой, оказывая сопротивление полиции и жандармам.

¹ Площадь, занимаемая двенадцатью арабскими государствами и семью княжествами, составляет около 11,1 млн. кв. км с населением свыше 76 млн. человек.

Арабские страны, ставшие после второй мировой войны в большинстве своем независимыми, в экономическом отношении находятся под гнетом иностранных монополий. Особенно в тяжелой зависимости от крупных капиталистических государств находятся арабские страны с большими нефтяными богатствами. Западные державы захватили в свои руки местные нефтяные и другие природные богатства.

Колониальные державы заключили с некоторыми арабскими государствами кабальные договоры и соглашения, узаконившие оккупацию их иностранными войсками. После второй мировой войны в арабских странах активизировали свою деятельность американские монополии. Общие инвестиции США в некоторых арабских странах возросли после войны более чем в 10 раз². Вытесняя с рынков арабских стран своих английских и французских конкурентов, американские монополии стремятся установить контроль над экономикой арабских стран, подчинить ее своему господству. С этой целью под предлогом так называемой технической, финансовой «помощи» на основе известного четвертого пункта программы Трумэна американские монополии навязали Саудовской Аравии, Ираку, Иордании и другим восточным странам кабальные соглашения. Посредством этих соглашений американские монополисты стремятся обеспечить привилегированное положение для своих капиталов в арабских странах, вовлечь эти страны в военно-политические союзы. Одним из главных объектов борьбы английских и американских монополий в арабских странах является нефть, запасы которой составляют более половины всех запасов капиталистического мира, а добыча в пяти основных добывающих нефть арабских странах (Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак, Катар, Египет) поднялась с 16 млн. тонн в 1946 г. до 132 млн. тонн в 1954 г. Богатейшие месторождения нефти, использование которых арабскими народами могло бы поднять их жизненный уровень и способствовать развитию производительных сил в этих странах, оказались захваченными пятью крупнейшими американскими и двумя английскими монополиями³.

Вследствие жестокой эксплуатации дешевой рабочей силы и применения иногда полуграбского труда прибыли нефтяных компаний в арабских странах за послевоенные годы достигли нескольких миллиардов долларов. В Саудовской Аравии американские монополии получают 700% прибыли, а рабочим нефтяных промыслов в арабских странах выплачивают самую низкую в мире зарплату⁴.

Соперничество иностранных монополий в арабских странах в борьбе за источники сырья, рынки сбыта и сферы приложения капиталов приобретает все более ожесточенный характер. Если до второй мировой войны английские монополии контролировали 80,9% ближневосточной нефти, а американские — 12,8%, то после второй мировой войны положение резко изменилось. В 1952 г. удельный вес американских монополий в добыче нефти поднялся до 66%, главным образом за счет доли Англии.

Однако страх перед ростом национально-освободительного движения вынуждает колониальные державы, несмотря на существующие между ними противоречия, действовать сообща. Пытаясь связать народы этих стран участием во всякого рода кабальных союзах, договорах, пактах и блоках, они рассчитывают при помощи последних не только подавить национально-освободительную борьбу, но и использовать территории и людские ресурсы арабских стран для своих целей. Этим и объясняется

большое количество всякого рода проектов создания военно-политических блоков и пактов на Ближнем Востоке и бесчисленные официальные и неофициальные визиты дипломатических и военных деятелей западных держав в арабские страны.

В попытках сколотить группировки и союзы арабских стран проявляется также стремление одних монополистов укрепить свои позиции на Ближнем Востоке за счет других. Так, некоторые английские круги потратили немало тщетных усилий на организацию блока «Великая Сирия», который включил бы Сирию, Ливан, Иорданию и Палестину, или блока «Благодатный полумесяц» с участием тех же стран и Ирака. В своих интересах Англия пыталась использовать и Лигу арабских стран, участники которой связаны между собой пактом коллективной безопасности⁵. Со своей стороны определенные круги США стремятся любыми способами расколоть Лигу и создать блок арабских государств под своей эгидой, якобы для «обороны» Среднего Востока. Ярким проявлением этого была попытка организовать так называемое «Средневосточное командование» (с участием США, Англии, Франции и Турции). Этот замысел преследовал вполне определенные цели — принудить арабские страны предоставить военному командованию США на Среднем Востоке свои территории, вооруженные силы и военные базы.

Народы арабских стран выступают против таких планов. Египет, Сирия и другие арабские государства отвергли план создания «Средневосточного командования». У арабских стран вызывает законные опасения и та роль, которую западные державы отводят Турции в создании военных блоков на Ближнем и Среднем Востоке. Сообщение о турецко-пакистанском договоре, заключенном 2 апреля 1954 г., вызвало демонстрации протеста во многих арабских странах. Политический комитет Лиги арабских стран тогда же заявил об отказе арабских стран присоединиться к турецко-пакистанскому пакту. Совет Лиги арабских стран в декабре 1954 г. подтвердил это заявление.

Все это заставило определенные круги США и Англии прибегнуть к новой тактике в организации военных блоков на Востоке — не навязывать их официально извне, а действовать так, чтобы инициатива создания блоков внешне принадлежала восточным странам. С этой целью премьер-министры Ирака и Турции в начале 1955 г. совершили турне по арабским странам. В результате длительных усилий западным кругам удалось добиться заключения военного договора (25 февраля 1955 г.) между Ираком и Турцией. Последняя, как отмечалось выше, связана военным пактом с Пакистаном и является участницей Североатлантического блока.

Заключение турецко-иракского договора облегчалось тем, что во главе иракского правительства оказался Нури Санд, который, как писала египетская газета «Ал-Гумхурия» 15 января 1955 г., известен в арабском мире своей непримиримой враждебностью к национально-освободительному движению. Сообщение о договоре вызвало огромное возмущение в арабских странах. Арабская общественность расценила этот шаг Нури Санда как «удар в спину арабским народам».

Во многих странах, особенно в Сирии и Ливане и самом Ираке, развернулись массовые выступления протеста против турецко-иракского соглашения. Демонстранты, выдвигая антиимпериалистические лозунги, требовали аннулирования позорного пакта и призывали к защите единства арабских стран, обеспечению мира и безопасности.

⁵ Лига арабских стран была создана в 1945 г. в составе следующих арабских стран: Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена, Трансиордании и Ливии (с 1953 г.). Все эти страны ратифицировали пакт коллективной безопасности арабских стран, заключенный в 1951 г.

² «A survey of American interest in the Middle East». Washington, 1953, p. 12.

³ Американские нефтяные компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Сокони вакуум», «Стандард ойл оф Калифорния», «Тексас ойл» и «Галф ойл корпорейшн», английская «Англо-иракский ойл К°» и англо-голландская «Ройял Датч шелл».

⁴ «Cahiers internationaux», 1953, № 49, стр. 48.

Эти демонстрации свидетельствовали о том, что враждебной пропаганде не удастся обмануть арабские народы нелепыми выдумками о «советской угрозе». Народы арабских стран уже не раз на собственном опыте убеждались в том, что Советский Союз всегда решительно осуждал и осуждает политику империалистических захватов и колониального угнетения, и что в основе внешней политики Советского Союза лежит борьба за обеспечение мира и безопасности народов, за уменьшение международной напряженности.

Сепаратные действия Ирака, нарушившего устав Лиги арабских стран, побудили правительства Египта, Сирии и Саудовской Аравии заключить между собой предварительное соглашение о военной и экономической помощи, чтобы на этой базе в дальнейшем либо воссоздать Лигу без Ирака, либо образовать новое объединение арабских государств. Это соглашение, обсуждавшееся в первой половине 1955 г., предусматривало обязательство не присоединяться ни к турецко-иракскому, ни к какому-либо другому подобному пакту. Определенные круги США, Турции и Ирака потребовали от правительства Сирии присоединиться к турецко-иракскому пакту. В качестве компенсации предлагалось предоставление Сирии экономической «помощи». Однако Сирия не пошла по этому пути.

20 октября 1955 г. в Дамаске подписан оборонительный пакт между Сирией и Египтом, позднее такой же пакт был подписан между Египтом и Саудовской Аравией.

* * *

Неустанная борьба миллионов арабов за мир и национальную независимость подрывает устои колониальных держав. В 1946 г. Англия и Франция вынуждены были вывести свои войска из Сирии и Ливана. Эти бывшие подмандатные страны добились статуса независимых республик; в 1948 г. были выведены английские войска из бывшей подмандатной Палестины; в 1951 г. денонсирован кабальный англо-египетский договор; в 1953 г. провозглашено независимое королевство Ливия.

Стремление к национальной самостоятельности и ненависть к колониальному гнету объединяют широкие массы рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенцию, национальную буржуазию, страдающих от засилья иностранных монополий.

Выступая против колониализма, народы арабских стран борются против экспансии иностранного капитала, против оккупации их территории иностранными войсками. Они выступают за демократические свободы, за землю, за право на труд, за независимость. Национально-освободительная борьба в арабских странах на современном этапе тесно переплетается с рабочим и аграрным движением.

Освободительное движение в арабских странах развивается неравномерно. Оно различается по степени своей интенсивности, по организованности и по своим формам, будучи обусловлено различным уровнем политического и экономического развития отдельных государств.

Наибольшего размаха национально-освободительное движение достигло в Египте. В 1951 г. египетский народ поднялся на борьбу против кабального англо-египетского договора и добился его денонсации. Английские власти пытались подавить это движение военной силой.

Начав военные действия в Египте, английские власти столкнулись с мощным организованным сопротивлением египетского народа. В освободительной борьбе объединились все силы египетского народа: рабочие, крестьяне, значительная часть национальной буржуазии, средние городские слои. За денонсацию кабального договора выступил Подготовитель-

ный комитет по созданию Конфедерации профсоюзов, объединяющей 104 профсоюза. Около 75 тыс. рабочих прекратили работу на английских предприятиях в зоне Суэцкого канала. Все население бойкотировало английские товары. Крестьяне в окрестностях Суэцкого канала приостановили доставку продовольствия английским войскам. В этом районе возникло партизанское движение, организованное рабочими, студентами и крестьянской молодежью Египта. Опираясь на короля и его двор, английские колониальные власти усилили террор в стране.

В этой обстановке группа армейских офицеров, представляющая интересы египетской буржуазии, во главе с Насером и Руководящим революционным советом, использовав царившее в стране недовольство разгулом реакции и произволом короля, устранила в июле 1952 г. от власти короля Фарука. В 1953 г. Египет был провозглашен республикой. Изгнание короля и его приближенных как ненавистного всему народу олицетворения деспотизма и подчинения империализму, некоторое ограничение землевладения, отмена званий пашей и другие реформы были объективно прогрессивными действиями.

Положительным элементом во внешней политике правительства Насера является тот факт, что оно выступает против военных блоков и принимает шаги к сближению с КНР, Индией и Индонезией, чему способствовали встречи египетских представителей с представителями этих стран в Бандунге в апреле 1955 г. 14 мая 1955 г. египетское правительство выдвинуло перед Лигой арабских стран предложение о признании КНР. В мае 1955 г. египетская правительственная делегация, а в августе египетская торговая миссия посетили Народный Китай.

Важнейшим очагом национально-освободительной борьбы арабских народов стала Северная Африка. Трудящиеся Туниса, Алжира и Марокко все активнее втягиваются в борьбу за национальное освобождение своих стран от колониального гнета, за свои права. В этом движении участвует и национальная буржуазия, интересам которой мешают иностранные монополии. Вместе с трудящимися массами она от прежних требований ограниченных реформ в рамках протектората постепенно переходит к требованиям предоставления полной независимости.

В Алжире освободительное движение организовывалось вокруг двух партий — Движения за торжество демократических свобод (ДТДС) и Демократического союза алжирского мадифа (ДСАМ), а также вокруг Алжирской коммунистической партии.

С ноября 1954 г. начался новый подъем освободительной борьбы в Алжире, выразившийся в вооруженных выступлениях патриотов в различных районах страны. Чтобы сломить сопротивление повстанцев, колониальные власти усилили репрессию. В Алжире было введено чрезвычайное положение; тысячи борцов за независимость брошены в тюрьмы. В сентябре 1955 г. запрещена алжирская компартия. Однако все эти крайние меры, применяемые колониальными властями, не могут сломить стремление алжирского народа добиться свободы и независимости.

Большого размаха достигла борьба народов Марокко. Здесь так же как и в Алжире широкое участие в освободительном движении принимает часть национальной марокканской буржуазии, объединенной в партию Истикляль. Под давлением народных масс султан Сиди Мохаммед бен Юсеф в октябре 1950 г. обратился к правительству Франции с требованием отменить франко-марокканский договор о протекторате и провести ряд прогрессивных реформ. Отказ Франции удовлетворить эти требования поднял волну массовых выступлений трудящихся во всей стране, особенно усилившихся в связи с убийством 5 декабря 1952 г. генерального секре-

таря Всеобщего объединения трудящихся Туниса, известного борца за независимость Фархат Хашада.

В августе 1953 г. колониальные власти самовольно сменили главу марокканского государства. В знак протеста в стране произошли массовые демонстрации, потребовавшие прекращения иностранного вмешательства. В 1954 г., в годовщину этого события, в Марокко состоялась первая в истории страны крупная политическая забастовка.

Осенью 1955 г. во многих городах Марокко и Алжира произошли массовые манифестации, вылившиеся в вооруженные столкновения с французскими войсками и полицией. Особенно серьезные волнения имели место в городах Касабланка, Рабат, Хенифра, Уэд-Зем (Марокко), а также в департаменте Константина (Алжир).

Несмотря на кровавый террор, освободительная борьба в Марокко принимает все большие размеры. Рабочий класс Марокко, опираясь на поддержку французского пролетариата и создавая широкий антиимпериалистический фронт с крестьянством и национальной буржуазией, добивается признания национального суверенитета и права народа Марокко самому решать свои государственные дела.

Широко развернулось после второй мировой войны освободительное движение в Тунисе. Прогрессивные силы страны выдвинули требования обеспечить подлинную национальную независимость, упразднить протекторат и создать тунисское национальное правительство, ответственное перед народом. Несмотря на почти непрекращающееся военное положение и жестокое преследование патриотов, в Тунисе одна забастовка следовала за другой. Трудящиеся массы и национальная буржуазия Туниса отвергли план реформ французской администрации, основанный на принципе «совместного суверенитета». Колонизаторы решили провести его в жизнь путем жесточайших репрессий. В течение 1951—1954 гг. Тунис не раз был ареной кровавых событий. В результате давления на тунисского бея со стороны французских властей им удалось все же навязать Тунису некоторые реформы. Однако проведение их в жизнь вызвало почти всеобщий бойкот со стороны тунисского населения. Колонизаторы убедились, что никакими угрозами, никакими репрессиями они не в состоянии сломить организованное движение тунисского народа за национальную независимость. 31 июля 1954 г. французские власти опубликовали декларацию о предоставлении Тунису внутренней автономии, а 29 мая 1955 г. подписали соответствующее соглашение. Но это не означало разрешения вопроса о полной независимости страны, за которую с таким упорством боролся и борется тунисский народ, и не удовлетворяло полностью требований внутренней автономии, хотя и явилось в этом отношении некоторым шагом вперед.

* * *

В освободительной борьбе на арабском Востоке принимают активное участие массовые прогрессивные организации, которые часто проводят свою работу в полулегальных условиях (национальные комитеты сторонников мира, различные демократические лиги молодежи и женщин, общества, комитеты и прочие организации). Свои экономические и социальные требования пролетариат арабских стран неразрывно связывает с движением за национальное освобождение. Пролетариат и его партии выступают как боевая и организующая сила, которая борется за вовлечение широких масс трудящихся в освободительную борьбу.

О росте политического самосознания рабочего класса арабских стран

свидетельствуют значительные успехи профсоюзного движения. Профсоюзные объединения большинства арабских стран организационно связаны с ВФП. Среди этих объединений можно назвать Всеобщую конфедерацию труда в Марокко, Объединение профсоюзов трудящихся Туниса, Федерацию профсоюзов трудящихся Судана и ряд других организаций.

Крестьянские массы, составляющие, как известно, основное население арабских стран, выступают главным союзником рабочего класса в национально-освободительной борьбе. Показателем роста политической сознательности крестьян явились факты, имевшие место в Египте, Сирии и Саудовской Аравии. Солдаты — вчерашние феллахи, — которых колониальные власти посылали для подавления антиимпериалистических демонстраций, нередко отказывались применять оружие против их участников. Так, например, марокканские солдаты, посланные для подавления освободительного движения в Тунисе летом 1954 г., не стали стрелять в тунисцев. Борьба народов Северной Африки встречает сочувствие французских трудящихся. Показателем такой факт: 400 французских резервистов в сентябре 1955 г. отказались поехать на военную службу в Африку, устроив демонстрацию под лозунгом «Марокко для марокканцев!»

Политика колониальных кругов все более представляет угрозу не только широким массам населения, но и интересам национальной буржуазии. Испытывая на себе гнет иностранных монополий, ограничивающих сферу приложения национального капитала, сталкиваясь с экспансией иностранных монополий, буржуазия, главным образом мелкая и средняя, все активнее включается в национально-освободительное движение.

В своих трудах И. В. Сталин указывал, что надо различать революционное движение в странах капиталистических и странах колониальных, где гнет империализма не может не задевать также и национальную буржуазию и где последняя «...на известной стадии и на известный срок может поддержать революционное движение своей страны против империализма»⁶. Отсюда элемент национальный как элемент революционный.

В национально-освободительной борьбе народов арабских стран актуальное значение приобретает создание единого национального фронта. Генеральный секретарь Коммунистической партии Сирии и Ливана Халед Багдаш, выступая с приветствием на XIX съезде КПСС и характеризуя задачи, стоящие перед арабскими странами, заявил: «У нас, арабов, есть только один путь — путь, указанный Лениным и Сталиным — путь широкого национального фронта, который должен объединить рабочих, крестьянские массы, средние слои городского населения и значительные слои национальной буржуазии». На осуществлении этой задачи сосредоточили свою деятельность прогрессивные силы арабских стран.

Процесс создания единого национального фронта проходит не везде одинаково. Наиболее успешно он осуществляется в тех арабских странах, где имеется организованный, сплоченный авангард рабочего класса (Сирия, Ливан). В резолюции ЦК Коммунистической партии Сирии и Ливана указывается, что «создание национального фронта в Сирии стало теперь национальной необходимостью». Анализируя положение в Сирии, резолюция отмечает, что страна переживает сейчас этап национально-демократического освобождения, и это делает борьбу против империализма и его военных планов, за демократические, политические и экономические реформы — борьбой за общие интересы. В резолюции подчеркивается необходимость собрать силы в первую очередь против империализма и

⁶ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 11.

против его главного союзника — реакционного феодализма, злейшего врага демократии⁷.

Создание единого фронта в арабских странах встречает значительные трудности в силу раскольнической политики некоторых буржуазных партий и потому что, несмотря на формальное объединение, колеблющаяся часть буржуазии отступает от своих деклараций.

Национальная буржуазия в некоторых арабских странах после второй мировой войны иногда стремилась возглавить национально-освободительное движение. Однако колеблющаяся и склонная к соглашательству с империализмом, она оказывалась не в состоянии последовательно вести борьбу за национальное освобождение своей страны. Размах этой борьбы обычно отпугивает буржуазию, и она нередко переходит к сотрудничеству с империалистами, как было, например, в Ираке.

Однако соглашательская позиция отдельных буржуазных партий еще не означает, что между национальной буржуазией и империалистами нет противоречий и что прекратилась борьба буржуазии против иностранных захватчиков. Характеризуя китайскую революцию, Мао Цзэ-дун указывал, что национальная буржуазия вступает, с одной стороны, в противоречие с империализмом и феодальной верхушкой, и ей свойственна революционность в борьбе с ними, с другой стороны, в силу своей экономической и политической слабости и наличия экономических связей с империализмом и феодализмом, которых она не порвала, — у нее не хватает мужества вести борьбу против них до конца⁸.

Эта характеристика полностью применима к национальной буржуазии арабских стран, сравнительно слабой и медленно развивавшейся в условиях господства иностранного капитала.

Руководителем национально-освободительного движения может быть только пролетариат, единственный до конца последовательный революционный класс, который, опираясь на широкие массы крестьянства, выступает в первых рядах борьбы за мир, свободу и национальную независимость.

Активное участие в национально-освободительном движении принимает арабская молодежь, прогрессивное студенчество городов Дамаска, Бейрута, Каира, Александрии, Багдада, Фейса и Туниса.

В национально-освободительную борьбу арабских стран все шире вовлекаются трудящиеся женщины. Веками скованные реакционными традициями и религиозными обычаями, арабские труженицы порывают с этими пережитками и становятся в ряды борцов за мир и независимость. Во время событий в Марокко 1951—1953 гг. в демонстрациях и столкновениях с войсками участвовало много женщин. В городах Джубайла и Рас Танура (Саудовская Аравия) в октябре 1953 г. состоялись первые женские демонстрации. Женщины Иордании, Сирии и Ливана активно участвуют в движении сторонников мира.

Одной из наиболее характерных черт современного национально-освободительного движения является то, что оно переплетается с движением в защиту мира, охватившим широкие массы населения арабских стран. В движении сторонников мира участвует значительная часть арабской интеллигенции: журналисты, писатели, художники, адвокаты. Во всех арабских странах созданы национальные комитеты сторонников мира, имеющие свои филиалы в районах и областях. Они проводят большую работу среди населения, мобилизуют народы на борьбу за мир. Обращение Всемирного Совета Мира к народам против подготовки атом-

ной войны нашло широкий отклик среди арабских народов. Комитеты сторонников мира развернули широкую кампанию сбора подписей под этим обращением⁹.

В борьбе за свой национальный суверенитет, свободу и независимость арабские народы в послевоенные годы, более чем когда-либо раньше, проявляют чувства солидарности с другими народами, борющимися против колониализма. Проявлением такой солидарности были многочисленные забастовки 1950—1953 гг., проводимые докерами Орана, Алжира, а также портовыми рабочими Египта, которые отказывались обслуживать суда французских колонизаторов, направлявшиеся во Вьетнам. Все правительства арабских стран в 1950 г. единодушно отвергли предложение США о посылке войск в Корею. Во многих арабских странах и даже в такой небольшой стране, как Иордания, проходили выступления или демонстрации протеста против военных действий США в Корее.

Ярким примером солидарности народов арабских стран является состоявшаяся 19 декабря 1953 г. в Бейруте конференция в защиту прав народов Ближнего и Среднего Востока. Конференция призвала к борьбе за национальную независимость против усилившегося нажима колониальных держав, против их вмешательства во внутренние дела арабских стран, за сплочение в единый национальный фронт.

Каждое крупное выступление в защиту национального суверенитета в одной какой-либо арабской стране вызывало тотчас же демонстрации солидарности в остальных арабских странах, каждый акт вмешательства колониальных держав в дела любого арабского государства встречал почти всегда решительный протест во всех арабских странах. Например, в связи с кровавыми репрессиями французской администрации в Марокко в 1951 г. сирийский парламент направил французскому правительству официальный протест.

Глава египетского правительства Гамаль Абдель Насер осенью 1955 г. заявил, что будет рассматривать французскую политику репрессий в Северной Африке как враждебный акт по отношению к Египту.

Последние события в Алжире и Марокко вызвали огромное волнение и демонстрации протеста в арабских странах. Представители 17 стран Африки и Азии, в том числе Египта, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Сирии, направили в ООН просьбу о необходимости включения вопроса об Алжире в повестку дня 10-й Сессии Генеральной ассамблеи ООН.

Особенно важное значение для арабских стран имела конференция стран Азии и Африки, проходившая в апреле 1955 г. в Бандунге. В ней приняли участие представители 29 стран Азии и Африки, треть из которых составляли делегаты арабских стран.

На этой конференции впервые в истории собрались представители более чем половины человечества, чтобы обсудить вопросы мирного сотрудничества между народами и объединиться в борьбе против всяких форм колониального господства.

Конференция в Бандунге осудила политику расовой дискриминации и вынесла суровый приговор колониальной системе империализма. Участники конференции заявили о своей поддержке прав народов Алжира, Туниса и Марокко на самоопределение и независимость и о поддержке прав арабов в Палестине.

Конференция в Бандунге внесла огромный вклад в дело мира и между-

⁹ По данным Всемирного Совета Мира, под Венским Обращением с требованием запрещения атомной войны к августу 1955 г., только в Сирии подписались 609 тыс. человек, т. е. одна шестая часть населения.

⁷ «Ас-Сарха», 5 сентября 1954 г.

⁸ См. Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 162—163.

народного сотрудничества, содействовала взаимопониманию между народами Азии и Африки.

Состоявшаяся в Каире 3—5 сентября 1955 г. сессия Политического комитета Лиги арабских стран приняла решение о проведении «единой политики в духе решений Бандунгской конференции». Политический комитет Лиги заявил, что арабские страны выступают «за укрепление всеобщего мира и в поддержку требований свободы во всех странах мира».

В своей борьбе за мир и независимость арабские народы встречают горячее сочувствие и поддержку со стороны лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Верное своей политике защиты национальных требований больших и малых народов, Советское правительство последовательно отстаивало и отстаивает интересы арабских народов.

Советское государство с первых дней своего существования решительно осудило политику империалистических захватов и колониального угнетения, аннулировало все неравноправные договоры, которые были заключены царским правительством со странами Востока. Советское правительство первым признало Саудовскую Аравию как самостоятельное государство, поддержало борьбу за государственную независимость Йемена, Сирии, Ливана, Ливии и справедливые требования Египта о выводе иностранных войск с его территории.

«В арабских странах, — сказал в своем докладе В. М. Молотов 8 февраля 1955 г. на заседании Верховного Совета Советского Союза, — должно быть знают о дружественных чувствах народов СССР к этим государствам и о том, что в лице Советского государства у них была и будет надежная опора в деле защиты их суверенитета и национальной независимости¹⁰.

Советское государство, стремясь к развитию мирного сотрудничества, готово поддерживать и развивать сотрудничество со странами Ближнего и Среднего Востока в интересах укрепления мира в этом районе. Отстаивая дело мира, Советское правительство проводит политику обеспечения свободы, независимости и невмешательства во внутренние дела государств Ближнего и Среднего Востока.

Посещения Советского Союза в 1954 г. экономической миссией Египта и в июле 1955 г. делегацией Сирийского парламента и другими делегациями способствовали дальнейшему улучшению добрососедских отношений между СССР и арабским миром.

* * *

Положение в арабских странах после второй мировой войны свидетельствует о значительном росте национального самосознания арабских народов. Это находит свое выражение в подъеме национально-освободительного движения, которое приняло широкие размеры и поднялось на более высокую ступень.

Особенностью этого движения является то, что оно направлено против колониализма и реакции, против вовлечения арабских стран в чуждые их интересам планы и военные блоки. Это движение происходит в условиях, когда миллионы людей колониального мира рвут цепи рабства, когда освободительная борьба арабских народов сливается с борьбой всего прогрессивного человечества за мир, независимость и демократию.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БИРМЕ В 30-х ГОДАХ

А. С. КАУФМАН

Национально-освободительная борьба народов Бирмы имеет большую историю. Однако общенародный характер движение за освобождение страны от колониального гнета начало приобретать в 30-х годах XX в. В этот период в основном сложились те внутренние общественные силы, которые, вступив в решительную борьбу против колониального режима, в послевоенные годы добились того, что Бирма встала на путь суверенного развития. Ознакомление с борьбой бирманского народа в этот период дает возможность понять события, развернувшиеся в Бирме после второй мировой войны.

* * *

Бирма, завоеванная Англией во второй половине XIX в., была в 1886 г. включена в состав Британской империи как провинция Британской Индии.

Колониальная система управления обеспечивала английским монополиям политическое и экономическое господство в Бирме и на этой основе жестокую эксплуатацию бирманского пролетариата и крестьянства. Эксплуатации подвергались также и многочисленные слои городского населения — кустари, ремесленники, мелкие торговцы и интеллигенция. В период между двумя мировыми войнами английские капиталовложения в Бирме увеличились примерно в три раза¹. Значительных размеров достигли в 30-х годах прибыли английских монополий².

Важной особенностью эксплуатации Бирмы английскими монополиями было привлечение ими индийского промышленного (в добыче нефти, разработке тика, рисоочистительной промышленности и других областях), торгового и ростовщического капитала.

¹ Прямые капиталовложения английских монополий в Бирме накануне второй мировой войны составили 42,7 млн. ф. ст. и распределялись следующим образом: нефтедобыча и переработка — 16 млн. ф. ст., добыча руд — 15 млн. ф. ст., лесоразработки и рисоочистка — 3,5 млн. ф. ст., плантации (каучуковые, чайные и др.) — 1,2 млн. ф. ст., транспорт — 6 млн. ф. ст., банки, торговля и обрабатывающая промышленность — 5,5 млн. ф. ст. См. H. G. Callis. Foreign capital in Southeast Asia. New York, 1942, p. 94.

² «Бирма ойл компани» выплачивала своим пайщикам в 1928—1938 гг. дивиденды в размере 20—22%, в 1937 г. прибыли этой компании достигли 4 млн. ф. ст., дивиденды 30%. См. «Labour research», London, November, 1948, p. 216: «Стил бразерс энд компани» выплачивала дивиденды в размере 50% и «Англо-бирманская нефтяная компания» выплачивала дивиденды в размере 25%. См. J. R. Andrus. Burmese economic life. Stanford, 1948, p. 216.

Структура промышленности в Бирме отражала колониальный характер страны. Наибольшее развитие получили рисоочистительная промышленность, составлявшая более половины предприятий Бирмы и работавшая главным образом на экспорт, нефтедобыча и нефтепереработка, добыча руд различных редких металлов, а также промышленность, связанная с первичной обработкой сырья. Сфера деятельности бирманского национального капитала вплоть до второй мировой войны была ограничена мелкими и средними предприятиями рисоочистительной, лесоперерабатывающей и пищевой промышленности³. В своем развитии национальный капитал наталкивался на серьезные препятствия, вытекавшие из колониального положения страны. Поэтому бирманская национальная буржуазия выступала как сила, заинтересованная в освобождении страны от чужеземного господства.

Пролетариат Бирмы имел ряд характерных особенностей: многонациональность (примерно $\frac{2}{3}$ рабочих были индийцы), тесная связь с деревней, текучесть, обусловленная сезонностью значительной части бирманской обрабатывающей промышленности, большое количество рабочих, занятых на мелких предприятиях и в капиталистических мануфактурах⁴. Наличие двойного гнета — империалистического и полуфеодального — определяло характер эксплуатации, всю систему условий труда на предприятиях Бирмы. Рабочие обычно набирались через специальных подрядчиков — майстри, которые вначале вымогали у них взятки за устройство на работу, а затем, получая у предпринимателей зарплату для рабочих, незаконно присваивали часть ее себе. Эта докапиталистическая форма найма рабочей силы, которую К. Маркс называл паразитической, имела широкое распространение в Бирме.

Низкий уровень зарплаты, намного ниже стоимости рабочей силы, продолжительный рабочий день (10—12 часов), производ предпринимателей, полуголодное существование, тяжелые жилищные условия делали жизнь рабочих невыносимой. Особенно в трудных условиях находились рабочие мелких предприятий, на которых работала половина всех рабочих. Рабочее законодательство и социальное обеспечение отсутствовали. Процесс обнищания рабочего класса страны еще больше усилился под воздействием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., сильно ударившего по экономике Бирмы.

В тяжелом положении находилось и бирманское крестьянство. В период предвоенного десятилетия оно подвергалось жестокой эксплуатации и разорению. Концентрация земель в руках помещиков и ростовщиков, с одной стороны, и массовое обезземеливание крестьян, с другой, происходили усиленным темпом. Главной формой полуфеодальной эксплуатации крестьянства была кабальная аренда, при которой у крестьянина изымалось свыше 50% урожая. Крестьяне-собственники, число которых неук-

³ В 1939 г. из 692 рисоочистительных предприятий бирманскому капиталу принадлежало 311 предприятий, однако они были наиболее мелкими и работали исключительно на внутренний рынок. См. J. S. Furnivall. The colonial policy and practice. Cambridge, 1948, p. 190.

⁴ По данным на 1936 г. («Annual report on the working of the factories act for the year 1936». Rangoon, 1937, p. 1.) на 1,088 ценовых предприятиях страны (ценовыми предприятиями в Бирме считались предприятия с механическим двигателем и с количеством рабочих не менее 20) работало около 90 тыс. рабочих. Две трети этих предприятий составляли рисоочистительные заводы, на которых было занято около 50% всех занятых в промышленности рабочих. Кроме того, на рудниках и нефтепромыслах было занято примерно 40 тыс. рабочих. По другим данным, общее количество рабочих в стране с учетом рабочих ценовой и неценовой (мелкой) промышленности составляло до второй мировой войны 350 тыс. человек. См. U Ba Swe. Workers struggle in Burma. Rangoon, 1952, p. 1.

лонно уменьшалось, в большинстве случаев владели небольшими участками земли менее двух га.

Эксплуатация крестьян помещиками дополнялась торгово-ростовщической кабалой. Даже по официальным данным за 1929—1930 гг., крестьяне, не имевшие долга и располагавшие рисом до следующего урожая, или имевшие деньги для того, чтобы расплатиться с долгом и приобрести рис до следующего урожая, составляли только 14%⁵. В 1927—1931 гг. в округе Пакокку 64%, а в округе Пьянмана (1930—1932 гг.) 73% крестьян были должниками ростовщиков⁶. Общая задолженность крестьян ростовщикам в 30-х годах составила огромную сумму в 500—600 млн. рупий⁷.

Катастрофическое падение цен на рис с 220 до 55 рупий за 100 корзин в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. лишило крестьян-собственников возможности выкупить закладные и привело к отчуждению огромных земельных площадей в пользу ростовщиков, в особенности в Нижней Бирме (на нее приходилось около 80% всей площади посева под рисом). Даже по далеко не полным данным, в тринадцати основных рисопроизводящих районах Нижней Бирмы земельная площадь, принадлежавшая помещикам и ростовщикам, за 1930—1937 гг. увеличилась в два с лишним раза, составив свыше 50% всей посевной площади под рисом⁸.

Таким образом, в период предвоенного десятилетия ускоренными темпами шел процесс обнищания рабочего класса и крестьянства. Тяжелое и бесправное положение широких народных масс, вызванное империалистическим и полуфеодальным гнетом, было главной причиной нарастания национально-освободительной борьбы, принявшей значительные масштабы в период 1930—1940 гг.

Важнейшим событием в жизни народов Бирмы, потрясшим всю страну, было мощное крестьянское восстание 1930—1932 гг. — первое в истории страны массовое выступление против гнета империалистов и помещиков. Восстание началось в районе Таравади (Нижняя Бирма), который английские власти считали «наиболее процветающим и преуспевающим в Бирме». Во время поездки английского губернатора по Нижней Бирме и посещения им района Таравади местные крестьяне обратились к нему с петицией, в которой, в связи с крайне тяжелым положением, просили уменьшить налоги в текущем году или отсрочить их уплату. В ответ на отказ губернатора выполнить их просьбы крестьяне деревни Йетайк в ночь на 22 декабря 1930 г. восстали. Восстание очень быстро охватило районы Таравади, Хензада, Инсейн и Проме (Нижняя Бирма), Швебо, Минбу и Магве (Верхняя Бирма), приняв массовый характер. В своих прокламациях восставшие крестьяне требовали прекращения грабежа страны английскими монополистами, предоставления независимости, возвращения земель, отнятых помещиками и ростовщиками, уничтожения кабальной системы налогов. Восставшие создали свою армию и главный штаб. Крестьяне поджигали помещичьи усадьбы и захватывали землю крупных земельных собственников, совершали налеты на дома сельских старост и местных чиновников, нападали на полицейские и военные посты, захватывая оружие и боеприпасы. Крестьянское восстание нашло сочувствие в самых широких народных массах. Даже в официальных докладах английской администрации в Бирме признавался общий национальный подъем в стране.

⁵ «Report of Burma provincial banking enquiry committee 1929—1930» (в дальнейшем — «Banking committee»), vol. I. Rangoon, 1930, p. 54—55.

⁶ «Land nationalization act». Rangoon, 1948, p. 22.

⁷ «Banking committee», стр. 53.

⁸ Там же, стр. 53—54.

Восстание серьезно беспокоило колонизаторов. Колониальные власти бросили на его подавление крупные воинские и полицейские части, вооруженные танками и броневиками. Несколько месяцев шли ожесточенные бои между отрядами восставших и войсками колонизаторов. Восстание было жестоко подавлено. Девять тысяч участников восстания было захвачено⁹. Специальные трибуналы, созданные для рассмотрения дел восставших, сотнями осуждали их на казнь. Вожди восстания, в том числе его главный руководитель Сайя Сан, были казнены в марте 1932 г. в Таравадской тюрьме. На суде Сайя Сан следующим образом охарактеризовал цели этого восстания. Он заявил: «Я создал организацию галонов¹⁰ для свержения иностранного гнета. Я привлекал в нее людей, чтобы уничтожить законы о лесе и всякие другие законы всеми возможными средствами, так как, только уничтожая закон и порядок существующего правительства, мы, угнетенные бирманцы, сможем создать свое собственное правительство, которое принесет свободу всему бирманскому крестьянству... Я не боюсь смерти. Я знал, что если меня арестуют, то рано или поздно я буду приговорен к смерти. Но я исполнил свой долг и надеюсь, что мои революционные последователи будут сражаться до победного конца»¹¹.

Восстание 1930—1932 гг. надолго осталось в памяти народов страны. Его значение состояло не только в том, что аграрные требования были сформулированы довольно четко, но и в том, что оно носило антиимпериалистический характер¹². Рабочий класс Бирмы в силу своей разрозненности и слабости не выступил руководителем восстания, и это явилось одной из основных причин его поражения. Но крестьянское восстание обнаружило серьезный кризис английского колониального господства в Бирме и большие революционные возможности бирманского крестьянства.

Начало 30-х годов характеризуется общим усилением национально-освободительного движения в стране, более активным участием в нем патристически настроенной бирманской национальной буржуазии. В Бирме возникло движение такинов¹³. Выходцы по преимуществу из мелкобуржуазных слоев, такины представляли собой левое крыло национальной буржуазии. В 30-х годах ими была создана партия «Добама», или «Добама Асиайон» (Бирма для бирманцев), она же «Такин». В первый период своей деятельности эта партия не ставила своей целью освобождение страны от английского гнета и на ее программе лежала печать буржуазной ограниченности. Она требовала бойкота английских товаров, бирманизации государственного аппарата, свободного и обязательного обучения на родном языке, создания национальной армии и т. д.

Пролетариат Бирмы был малочисленным, слабо организованным, но роль его в общем антиимпериалистическом движении постепенно возрастала. В 1930 г. возникли так называемые рабочие ассоциации, которые действовали только во время забастовок, по существу выполняя функции стачечных комитетов. Такие ассоциации были, например, у рабочих «Бирма ойл компани», у докеров, печатников, шоферов, железнодорожных ра-

⁹ J. S. Furnivall. Указ. соч., стр. 197.

¹⁰ Галон — по бирманской мифологии птица, пожирающая змей, символ мужества и отваги.

¹¹ «Дейли уоркер», 28 и 30 декабря 1931 г.

¹² Дж. Фарнволл, прослуживший в английской администрации в Бирме ряд лет, в своей книге «Колониальная политика и практика» следующим образом оценивает характер крестьянского восстания: «Мятеж был направлен против помещиков и ростовщиков. Движение распространялось быстро и широко. Мятеж носил также антиправительственный и антиевропейский характер».

¹³ «Такин» означает господина или хозяина. В данном случае это слово было применено в том смысле, что бирманцы сами могут быть хозяевами в своей стране.

бочих¹⁴. В 30-х годах в Бирме организуется первый нелегальный профсоюз — профсоюз рабочих нефтепромыслов Йенангьяунга, в 1933 г. — профсоюз шоферов, в 1934 г. — профсоюз железнодорожных рабочих и профсоюз рангунских докеров. В 1935 г. в Бирме насчитывалось пять зарегистрированных профсоюзов, в 1936 г. — восемь, в 1937 г. — девять¹⁵. Эти данные не дают полного представления о числе рабочих организаций в стране, поскольку многие профсоюзы уклонялись от регистрации, согласно правилам которой каждый профсоюз должен был регулярно представлять английским колониальным властям полный список своих членов, сообщать о расходах и доходах и другие сведения. Хотя профсоюзы объединяли еще далеко не всех рабочих, но их существование свидетельствовало о наступлении нового, более организованного этапа рабочего движения в стране. Забастовочное движение начинает принимать массовый характер. Из наиболее крупных забастовок в начале 30-х годов следует упомянуть стачку рангунских докеров (май 1930 г.), которая приняла затяжной характер. Рабочему классу страны удалось заставить колонизаторов пойти на частичное сокращение рабочего дня, ограничение использования детского труда и т. д. В 1935 г. несколько раз бастовали рабочие крупнейших рисоочистительных фабрик Рангуна, принадлежавших английскому капиталу. В том же году бастовали рангунские докеры — один из наиболее революционных отрядов рабочего класса страны. В 1936 г. несколько раз бастовали рабочие нефтепромыслов Йенангьяунга.

Рабочее движение в 30-х годах характеризуется накоплением сил пролетариата, ростом его сплоченности и политической сознательности. Усиливался процесс превращения рабочего класса в самостоятельную политическую силу.

В стране все шире распространялись идеи марксизма-ленинизма, в кругах бирманской интеллигенции изучались труды классиков марксизма. В память Сайя Сана, руководителя крестьянского восстания 1930—1932 гг., в Рангуне была открыта библиотека марксистской литературы, которая привлекала широкий круг читателей¹⁶. В середине 30-х годов в Бирме появляются первые коммунисты, деятельность которых наложила серьезный отпечаток на всю последующую политическую жизнь в стране.

Коммунисты в партии «Добама» явились той политической силой, которая революционизировала деятельность такинов. Усилилась организаторская и пропагандистская работа такинов в широких слоях города и деревни. В середине 30-х годов в партию «Добама» входили передовые представители бирманской национальной буржуазии, рабочие, крестьяне и прогрессивные элементы интеллигенции. Партия «Добама» была первой в истории Бирмы партией, которая открыто выступила с антиимпериалистической программой, потребовав ликвидации колониального гнета и предоставления Бирме независимости. В 1936 г. по инициативе такинов в Бирме создается Студенческий союз, костяк которого составили студенты Рангунского университета. Союз имел свой печатный орган «Оуау», помещавший на своих страницах антиимпериалистические статьи. Студенческий союз много сделал для организации бирманской молодежи, явив-

¹⁴ «Marxist miscellany». Ed. by G. Adhicari, vol. V. Bombay, November 1945, p. 147.

¹⁵ «Labour in Southeast». A symposium. New Delhi, 1947, p. 117.

¹⁶ Дж. Фарнволл пишет: «Молодые бирманцы заинтересовались Россией... Начались переводы многочисленных марксистских книг с английского языка на марксистские идеи о капитализме и империализме нашли себе сторонников и последователей... Коммунизм в Бирме стал зарождаться как политическая сила». См. «Far Eastern survey», 1949, № 17, стр. 194—195.

шейся активной силой в борьбе за освобождение страны от иностранного господства.

Такие вели большую организаторскую и агитационную работу среди рабочих, крестьян и интеллигенции, сплывая их вокруг лозунгов борьбы за освобождение страны от иностранного ига. Они создавали свои организации во всех крупных городах и в ряде сельских районов страны. Массовая база партии «Добама» неуклонно расширялась.

Английские колонизаторы пытались приостановить антиимпериалистическую борьбу бирманского народа. Одной из таких мер явилось решение об отделении Бирмы от Индии, принятое в 1935 г. и вошедшее в силу с 1 апреля 1937 г. В связи с этим Бирма получила статус отдельной колонии Британской империи, а английский губернатор Бирмы был поставлен в подчинение статс-секретарю по делам Индии и Бирмы, находившемуся в Лондоне. На фоне растущего национально-освободительного движения в стране и последовательной организации антиимпериалистических сил и их сплочения отделение Бирмы от Индии было вынужденным актом английского правительства, которое хотело, во-первых, учитывая революционное воздействие антианглийского движения в Индии на народное движение в Бирме, изолировать Бирму и, во-вторых, предоставить известные экономические и политические возможности растущей бирманской буржуазии.

В соответствии с введенной с 1 апреля 1937 г. новой бирманской конституцией в стране была создана двухпалатная система: сенат из 36 человек и палата представителей из 132 человек. Из 36 членов сената 18 назначались губернатором и 18 избирались из числа представителей чиновничьей и буржуазно-помещичьей знати. Причем в сенат могли быть избраны лица, уплачивавшие подоходный налог с годового дохода не менее 12 тыс. рупий или тысячу рупий поземельного налога в Нижней Бирме и 500 рупий в Верхней Бирме. Образовательный и другие цензы закрывали наглухо двери во вторую палату для представителей трудовых слоев населения. Английский губернатор назначал членов Исполнительного совета (Совет министров) из числа реакционных представителей буржуазно-помещичьей верхушки и других проанглийски настроенных лиц. Исполнительный совет формально был ответственным перед бирманским «парламентом», но на деле он не имел никакой власти, ибо любое его решение могло быть отменено губернатором.

После отделения Бирмы от Индии бирманская национальная буржуазия получила некоторые возможности для самостоятельного развития. Однако английские уступки в значительной степени были сведены на нет в силу того, что английский капитал контролировал добычу и экспорт сырья, внешнюю торговлю рисом, а также держал в своих руках все рычаги управления страной.

Национальная буржуазия имела весьма ограниченные возможности для вложения новых капиталов и расширения своих позиций в промышленности страны. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствует, например, тот факт, что количество предприятий, принадлежавших национальной буржуазии, с 1937 по 1941 г. почти не увеличилось. Это обусловило дальнейшее углубление противоречий между английскими монополиями и национальной буржуазией, которая не была удовлетворена полученными уступками.

В еще большей степени это, естественно, относилось к народным массам.

Кризис английского господства в Бирме продолжал нарастать и углубляться. Анализируя обстановку, сложившуюся в Бирме после ее отделения от Индии, «Таймс» вынуждена была признать резкое усиление народ-

ной борьбы против английского колониального режима и дальнейшее осложнение внутривластной обстановки. Указав на то, что «политические события после этой даты (имеется в виду отделение Бирмы от Индии. — А. К.) несомненно в еще большей степени осложнили обстановку в стране», «Таймс» сетовала на усилившуюся деятельность тайных политических организаций, на политические волнения и забастовки, на непрекращавшуюся деятельность агитаторов, призывавших крестьян отказываться от уплаты арендной платы и налогов и т. д.¹⁷

В национально-освободительную борьбу все активнее втягивались широкие слои населения — рабочие, крестьяне, городские ремесленники, служащие, студенты, значительная часть буддийского духовенства, а также национальная буржуазия. Все это создало условия для дальнейшего сплочения антиимпериалистических сил страны и предпосылки для формирования подлинного антиимпериалистического фронта.

Важным событием в революционной борьбе народов Бирмы явилась всеобщая забастовка рабочих на нефтепромыслах «Бирма ойл компани» в Йенангьяунге в 1938 г. На этих нефтепромыслах, являвшихся предприятием с крупнейшей по масштабам Бирмы концентрацией рабочих, было занято около 20 тыс. рабочих¹⁸. Забастовка рабочих-нефтяников переросла во всеобщую политическую стачку, первую в истории освободительного движения в Бирме. Нефтяники Йенангьяунга не раз подымались на борьбу за свои жизненные интересы. Из крупных выступлений следует отметить их забастовки в 1920, 1930 и в 1935 гг. Однако забастовка рабочих нефтепромыслов в конце 1938 г. всколыхнула всю страну, продемонстрировала высокую классовую сознательность рабочих.

В забастовке участвовали не только рабочие нефтепромыслов, но и рабочие нефтеочистительных предприятий в Сириама. Требования рабочих были сформулированы руководством профсоюза нефтяников и включали повышение зарплаты, уменьшение продолжительности рабочего дня и улучшение условий труда, оплату отпусков. Английские собственники «Бирма ойл компани» ответили на эти требования локаутом, выбросив на улицу тысячи рабочих. Полиция произвела массовые аресты, в тюрьму были брошены руководители забастовки и ряд руководящих деятелей профсоюза нефтяников. Рабочие избрали новое руководство забастовки, которое решило организовать поход на Рангун из Йенангьяунга¹⁹ для того, чтобы передать требования нефтяников английским властям в Рангуне.

В этом походе участвовало 1 500 рабочих — представителей многотысячной армии нефтяников. Английские власти предприняли все для того, чтобы не допустить появления нефтяников в Рангуне, где вследствие активных антианглийских выступлений сложилась напряженная обстановка. В пути полиция произвела аресты среди участников похода, но рабочие героически продолжали свой марш. Трудовое население городов и сел братски встречало участников похода, обеспечивая их ночлегом и питанием. В пути к участникам похода присоединялись все новые и новые группы рабочих, а также крестьян. К ним примкнули многие рабочие нефтеочистительных предприятий Сириама, а также свыше тысячи крестьян пригородов бирманской столицы.

19 января 1939 г. участники похода вступили в Рангун, где были с воодушевлением встречены трудовым населением столицы. Участники похода представляли внушительную армию из тысяч рабочих и крестьян, дисциплинированно маршировавших по улицам с флагами, на которых были

¹⁷ «Times», 7 июля 1939 г.

¹⁸ «Times», 20 апреля 1937 г.

¹⁹ Расстояние от Йенангьяунга до Рангуна составляет около 500 км.

изображены серп и молот, и трехцветными флагами партии «Добама». Армия участников похода еще больше увеличилась в связи с присоединением к ней многих добровольных групп студентов, учащихся, членов различных ассоциаций Рангуна. В знак солидарности рабочие промышленных и коммунальных предприятий Рангуна объявили всеобщую забастовку, к которой присоединились также служащие различных учреждений и студенты Рангунского университета, колледжей и учащиеся старших классов. Члены Студенческого союза²⁰ вели большую агитационную работу в широких массах населения Рангуна и других городов. Они организовали в Рангуне ряд антиимпериалистических выступлений.

Забастовка в Рангуне превратилась во всеобщую политическую стачку в столице. Трудовое население столицы горячо поддерживало рабочих-нефтяников. В городе не прекращались бурные антианглийские митинги и демонстрации.

Английские власти ввели в городе осадное положение, сосредоточили крупные контингенты войск и полиции. В результате стычек между полицией и населением было много убитых и раненых. Во время одной из массовых антианглийских демонстраций полиция жестоко избивала двести человек²¹. Похороны умершего от ран студента Бо Аунг Гяу превратились во всенародную антианглийскую демонстрацию трудящихся Рангуна²². Водители автобусов, троллейбусов и трамваев отказались перевозить войска и полицию, присоединившись к всеобщей политической забастовке. Английские власти произвели массовые аресты в городе, заключив в тюрьму ряд руководителей партии «Добама», редактора бирманской газеты «Дидок» и многих других. Войска и полиция совершили налет на штаб руководства партии «Добама» в районе Шведагонской нагоды в Рангуне и захватили большое количество документов и пропагандистской литературы.

Хотя забастовка рабочих-нефтяников и их поход на Рангун были подавлены, но мужественное выступление рабочих против колонизаторов оказало революционное воздействие на широкие массы страны.

Руководство партии «Добама» обратилось с воззванием к народу о проведении всеобщей политической забастовки в стране. Всеобщая политическая стачка в Рангуне, начинателем которой был рабочий класс, всколыхнула народы Бирмы. В знак солидарности с рабочим классом бирманской столицы по всей стране начались забастовки и демонстрации. Крупные антианглийские выступления, кроме Рангуна, произошли в Мандалае и в других городах.

Страна была охвачена всеобщей политической стачкой, явившейся поворотным пунктом в антиимпериалистическом движении в Бирме.

Под непосредственным влиянием рабочего движения и всеобщей политической стачки усиливалось крестьянское движение. Впервые в Бирме крестьяне создали свои собственные организации — крестьянские союзы, которые выдвинули требования о снижении налогов, возвращении помещиками и ростовщиками крестьянских земель, проведении аграрных реформ. Создание крестьянских союзов, в формировании которых большую роль играл и рабочий класс страны²³, свидетельствовало о росте политического самосознания крестьян и понимании ими необходимости активной борьбы за свои интересы. Усиливалось влияние борьбы пролетариата на

²⁰ Студенческий союз, объединивший в своих рядах студентов Рангунского университета, колледжей и учащихся старших классов, насчитывал 35 тыс. членов.

²¹ *U Ba Swe*. Указ. соч., стр. 5.

²² «National front», 22 января 1939 г.

²³ Промышленные городские рабочие, прибывавшие в сельскую местность на заработки или специально направленные с агитационной целью, принимали активное участие в организации крестьянских союзов.

крестьянское движение и постепенно создавались предпосылки для укрепления союза рабочих и крестьян — этого мощного оружия в борьбе за национальное и социальное освобождение страны.

Колониальные власти не только обрушились жесточайшими репрессиями на рабочих и крестьянские организации и их лидеров, на активных борцов против колониального гнета, но и с целью ослабления народного движения и подрыва его сил пустили в ход свой излюбленный прием — разжигание национальной розни. В Бирме они спровоцировали столкновения между индийцами и бирманцами. Эти столкновения были использованы местными властями для подавления антиимпериалистического движения в стране. Но эта провокация не дала ожидаемого эффекта. Индийская газета «Нэшнел фронт» следующим образом оценила уровень народно-освободительной борьбы в тот период: «Бирманский народ находится на большом подъеме национального пробуждения, беспрецедентного в истории Бирмы»²⁴.

Организирующую роль в развитии национально-освободительного движения в предвоенный период сыграло левое крыло партии «Добама», которое поддерживало тесную связь с рабочими и крестьянскими организациями страны, оказывая большое влияние на их деятельность. Оно распространяло брошюры, листовки, воззвания и другую антиимпериалистическую литературу, где разъяснялись задачи народов страны в их борьбе против иностранного порабощения, подчеркивая, что первой и неотложной задачей является ликвидация колониального гнета. Оно втягивало в антиимпериалистическую борьбу также городскую мелкую буржуазию, интеллигенцию и низшие слои буддийского духовенства.

Партия «Добама» в 1939 г. имела широкую сеть своих организаций, разбросанную по всей стране, и пользовалась большим влиянием в различных слоях населения. В своей положительной работе по организации национально-патриотических сил страны для борьбы против империализма эта партия добилась серьезных успехов.

В ходе массового народного движения против иностранного господства в 1938—1939 гг. рабочие и крестьяне создали свои общенациональные центры. В январе 1940 г. в Рангуне состоялась первая Всебирманская конференция бирманских и индийских рабочих. Эта конференция, прошедшая в атмосфере дружбы и сотрудничества, впервые в истории страны создала единый профсоюзный центр — Всебирманский конгресс профсоюзов и выработала подробную программу борьбы рабочих. Создание единого профсоюзного центра свидетельствовало о том, что рабочий класс Бирмы превратился в организованную политическую силу.

Крупной победой национально-освободительного движения в Бирме было также создание Всебирманской лиги земледельцев, объединившей все низовые крестьянские союзы. Всебирманская лига земледельцев играла большую роль в организации крестьянских масс в их борьбе за землю. Эрих Х. Якоби в своей книге «Крестьянские волнения в Юго-Восточной Азии» пишет, что Лига энергично боролась за радикальное разрешение аграрного вопроса²⁵. Всебирманская лига земледельцев поддерживала тесную связь с Всебирманским конгрессом профсоюзов и находилась под его идейным руководством. Наиболее активной силой Всебирманской лиги земледельцев был сельскохозяйственный пролетариат.

Рост крестьянского движения в Бирме в конце 30-х годов был весьма важным фактором внутривнутренней жизни страны, серьезно тревожившим колонизаторов. С целью ослабления революционного движения

²⁴ «National front», 22 января 1939 г.

²⁵ E. H. Jacoby. *Agrarian unrest in Southeast Asia*. New York, 1949, p. 97.

крестьянства колониальные власти приступили к срочной разработке различных земельных законов. Был принят новый закон об аренде, вступивший в силу в 1939 г., а затем закон об отчуждении земли и закон о закупке земли. Два последних закона, хотя и были официально утверждены, но в силу не вошли. Закон об аренде, вошедший в силу, предусматривал установление «справедливой» арендной платы, а также предоставление возможности арендаторам возобновлять аренду на «справедливых условиях». Применение этого закона входило в компетенцию местных чиновников, решения которых подлежали утверждению соответствующими судами. Однако и те и другие ревниво оберегали права помещиков. Суды нередко отменяли по апелляциям помещиков те решения чиновников, которые носили более или менее благоприятный для крестьян характер.

Аграрный вопрос оставался одним из острейших вопросов в стране. Внутриполитическое положение в Бирме в конце 30-х годов характеризовалось усилением антиимпериалистической борьбы, ставшей общенародной, и обострением кризиса английского колониального господства.

Жестокие репрессии английских колониальных властей не могли остановить закономерного хода событий. В стране к этому времени сложились серьезные внутренние силы, жизненно заинтересованные в уничтожении иностранного господства. Этими силами были — рабочий класс, крестьянство, патристически настроенная национальная буржуазия. Экономическая и политическая борьба рабочего класса приобретала общенациональное значение. Рабочий класс вплотную подошел к образованию под своим руководством антиимпериалистического фронта.

Рабочий класс Бирмы становился серьезной, все возрастающей силой в национально-освободительном движении в стране, неуклонно укреплял свои позиции, выдвигаясь в его руководители.

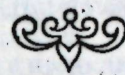
Война в Европе и предвоенная обстановка на Дальнем Востоке создали ряд серьезных трудностей для английских монополий в колониях, вызвав еще большее осложнение внутриполитического положения в Бирме. Такины в своем большинстве высказались за участие в общей борьбе против сил фашизма и агрессии на Западе и на Востоке.

Отражая стремления народных масс к освобождению от колониального гнета и эксплуатации, такины выставили требование, чтобы после окончания войны Бирма получила независимость. Эта точка зрения была изложена руководством партии «Добама» в беседе с Стаффордом Криппсом, посетившим в конце декабря 1939 г.²⁶ Мандалай, где в то время было совещание руководителей такинов. Английское правительство отклонило это требование партии «Добама», предприняв массовые аресты бирманских демократов. Созданный так называемый «Комитет обороны Бирмы» опубликовал ряд драконовских законов, предоставивших неограниченную власть полиции²⁷. Английские власти обрушили град жесточайших репрессий на участников национально-освободительного движения. В своей книге «Бирма под властью японцев», опубликованной в 1954 г., нынешний премьер-министр Бирмы У Ну сообщает, что накануне войны на Дальнем Востоке активные участники антианглийского движения, в том числе он сам, были посажены в тюрьмы. Они сидели в тюрьмах в Мандалае, Таравади, Проме и других городах²⁸.

Наступление колонизаторов в Бирме против участников национально-освободительной борьбы до крайности обострило внутриполитическое положение в стране. Положение осложнялось еще и тем, что перед лицом

японского вторжения английские колониальные власти усилили полицейские меры. Английская колониальная система в Бирме вступила в полосу острейшего кризиса. Естественный ход событий в стране был нарушен японским вторжением в Бирму в конце 1941 г.

События большой исторической важности, развернувшиеся в Бирме в военные и послевоенные годы, показали, что революционная народно-освободительная борьба народов страны в предвоенный период не прошла для них даром. В этот период народы страны прошли большую школу, накопили значительный опыт борьбы, что обеспечило в дальнейшем успешную борьбу народов Бирмы за свою свободу и независимость.

²⁶ «Bombay Chronicle», 22 января 1940 г.

²⁷ «Hindustan Times», 28 сентября 1939 г.

²⁸ Thakin Nu. Burma under the Japanese. London, 1954, p. 2.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТУРЦИИ

В. М. ДАНЦИГ

В послевоенное время, особенно в последние годы, в Турции наблюдается некоторое увеличение промышленного и сельскохозяйственного производства, внешней торговли и объема железнодорожных перевозок. Наряду с этим имеются и такого рода резко отрицательные явления, как пассивность торгового баланса, рост государственного долга, рост цен, падение покупательной способности турецкой лиры. Одновременно наблюдается возрастающая зависимость Турции от иностранного капитала.

В результате национально-освободительной войны 1919—1923 гг. Турция по Лозаннскому договору 1923 г. добилась отмены капитуляционного режима, признав, однако, концессионные договоры, заключенные до 1914 г., а также довоенные займы султанского правительства (так называемый оттоманский долг). Стремясь ослабить зависимость страны от иностранного капитала, правительство Ататюрка на первом этапе существования республики проводило выкуп иностранных предприятий на условиях длительной рассрочки платежа, а в случае окончания действия концессионных договоров отказывалось их возобновлять. Концессионный Оттоманский банк в 1925 г. был лишен монопольного права эмиссии, а впоследствии — вообще права эмиссии.

Выкуп концессионных предприятий на общую сумму около 100 млн. лир и погашение оттоманского долга на длительный срок возложили на турецкого налогоплательщика тяжелое бремя выкупных платежей. До 1939 г. было выплачено свыше 50 млн. лир бывшим концессионерам и свыше 30 млн. лир держателям облигаций оттоманского долга. Эти суммы в два раза превышали капиталовложения в турецкую промышленность по так называемому первому пятилетнему плану, принятому в 1934 г.

В результате выкупа концессионных предприятий к турецкому правительству перешли почти все железные дороги, набережные и доки, угольные шахты, ряд предприятий городского хозяйства. Иностраный капитал сохранил в своих руках ряд предприятий и банков, но его позиции были сильно ослаблены.

Экономическая зависимость страны от иностранного капитала, столь характерная для Османской империи, несколько уменьшилась также в результате политики этатизма, т. е. строительства за счет государственного бюджета железных дорог и промышленных предприятий и образования банков. Большую роль сыграло создание эмиссионного Центрального банка республики. Этатистская политика, хотя она проводилась в интересах буржуазии и возлагала все тяготы на широкие массы трудящихся, дала положительные результаты для народного хозяйства страны.

С 1924 по 1939 г. в Турции было построено около 4 тыс. км железнодорожных линий; протяженность железнодорожной сети увеличилась почти на 90%. К началу второй мировой войны в руках государства находилось 6 950 км железных дорог; в руках концессионного общества (с участием государственного капитала) осталось только 405 км. За те же годы в строительство государственных промышленных предприятий было вложено около 130 млн. лир и в частную промышленность — около 55 млн. лир¹. Строительство крупных, по масштабам Турции, промышленных предприятий облегчалось дружественной помощью Советского Союза. В соответствии с заключенным в 1934 г. соглашением Советское правительство предоставило Турции на льготных условиях кредит в 8 млн. золотых долл. на строительство текстильных комбинатов в Кайсери и Назилли и другие цели. Советские кредиты составили около 30% всех ассигнований на осуществление программы промышленного строительства по так называемому первому пятилетнему плану.

За 1926—1939 гг. в Турции возникла сахарная, спичечная, бумажно-целлюлозная промышленность, производство искусственного шелка, была расширена и по сути дела заново создана хлопчатобумажная промышленность, были построены предприятия по добыче серы, коксовый завод и почти закончено строительство Карабюкского металлургического комбината, вступившего в строй уже во время второй мировой войны. Понятно, что ни о какой индустриализации Турции говорить не приходится, так как машиностроительных предприятий в стране попрежнему не было. Все же в 1938 г. общее промышленное производство превышало производство 1929 г. на 80%, а продукция крупных промышленных предприятий, главным образом государственных, увеличилась на 152%.² За то же время расширились посевные площади, прекратился импорт хлеба. В рассматриваемый период капитал из западных стран проникал в Турцию в относительно небольших размерах, главным образом в форме частных займов и банковских краткосрочных кредитов³.

Деятельность иностранного капитала усилилась накануне второй мировой войны. В 1938 г. Англия предоставила Турции заем в 16 млн. ф. ст., фашистская Германия, занимавшая до 1944 г. первое место в товарообороте Турции, открыла кредит в 150 млн. марок (его реализации помешала начавшаяся война). Предоставление займов отражало борьбу между западными державами за политическое и экономическое господство в Турции. После подписания англо-франко-турецкого союзного договора в октябре 1939 г. Англия и Франция предоставили Турции заем в 43,5 млн. ф. ст. В 1942 г. Германия открыла Турции кредит в 100 млн. марок на покупку вооружения⁴.

Во время второй мировой войны усиливается проникновение в Турцию американского капитала, роль которого в экономике Турции до этого была невелика. На долю США приходилось в 1938 г. 10,4% импорта и 12,2% экспорта Турции. Прямые американские вложения составляли 11,9 млн. долл.⁵ и 10 млн. долл. было вложено в займы (так называемый

¹ E. Vedat. Le progrès de l'industrialisation en Turquie. «Revue de la faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul», 1947, № 4, стр. 69—91.

² «Обзор экономического положения Европы в 1953 г.». Женева, Изд. ООН, 1954, стр. 102.

³ В 1930 г. Турция получила от шведского спичечного концерна Иварс Крейгера через «American Turkish investment corporation of Delavay» заем в 10 млн. долл. в обмен на предоставление спичечной монополии; в 1936 г. — английский заем в 3 млн. ф. ст. на строительство Карабюкского металлургического комбината. Кроме того, краткосрочных банковских кредитов было получено около 90 млн. лир.

⁴ «L'économiste d'Orient», май 1943, № 562, стр. 183—184.

⁵ «Foreign commerce weekly», 1 августа 1942 г., стр. 7.

спичечный заем). Во время войны позиции США укрепились в первую очередь в результате распространения на Турцию уже в 1941 г. действия закона о ленд-лизе. В 1945 г. США вышли на первое место во внешней торговле Турции.

После войны Турция заняла видное место в планах американских монополий. Турции была предоставлена «помощь» в соответствии с «доктриной Трумэна» (соглашение от 12 июля 1947 г.)⁶ и «планом Маршалла» (соглашение от 4 июля 1948 г.)⁷, в дальнейшем замененным соглашением по так называемому закону о взаимном обеспечении безопасности. Указанные соглашения сразу поставили Турцию в зависимость от США, так как размеры и условия «помощи» целиком устанавливались американскими монополиями. Турция брала на себя обязательство регулярно представлять американскому послу отчеты о расходовании полученных сумм. Стоимость поступившего из США вооружения к марту 1955 г. составила 3 241 млн. лир (около 1 160 млн. долл.). Большая американская миссия контролирует выполнение этих соглашений. В Измире расположены штабы сухопутных и воздушных сил НАТО в Юго-Восточной Европе.

«Доктрина Трумэна» имела откровенно выраженную военную цель — вооружение турецкой армии. Американские ассигнования по «плану Маршалла» преследовали не только военные, но также и экономические цели: превращение Турции в рынок сбыта товаров из США, в поставщика дешевого сельскохозяйственного и минерального сырья для стран, входящих в Североатлантический блок. Специальная комиссия экспертов Международного банка реконструкции и развития, посетившая Турцию в 1950 г., в своей записке недвусмысленно требовала сокращения вложений государственных средств в промышленность.

Все ассигнования по линии «плана Маршалла» и заменивших его соглашений, включая ассигнования на 1954/55 г., составляют около 543 млн. долл., или в переводе по официальному курсу доллара 1 520 млн. лир⁸. К этому надо добавить ассигнования из так называемого эквивалентного фонда⁹, из которого до 31 марта 1954 г. Турции было ассигновано 655 млн. лир.

Важным средством проникновения в Турцию иностранных монополий являются займы Международного банка реконструкции и развития. Предоставив Турции кредиты, Международный банк поставил под свой полный контроль их расходование, а также те отрасли хозяйства, строительство которых осуществляется за счет этих кредитов¹⁰. Турция приняла на себя обязательство способствовать посещению представителями банка любого района страны в целях, «связанных с израсходованием займа».

Международный банк еще в 1950 г. предоставил средства на образование совместно с турецкими предпринимателями и банками смешан-

⁶ «The Department of State bulletin», июль 1947, № 420, стр. 144—145.

⁷ «L'économiste d'Orient», 1948, сентябрь — ноябрь, №№ 681—683, стр. 227—229; 255—256; 283—285.

⁸ «Türkiye cumhuriyet merkez bankası aylık bülten» (в дальнейшем — МВАБ), 1955, № 1, стр. 53; «İstanbul», 27 ноября 1953 г.; «Fortune», 1954, июнь. До 31 марта 1954 г. было ассигновано 465,8 млн. долл., в том числе в виде «дара» 338 млн. долл.; на 1954/55 г. — 77 млн. долл.

⁹ По соглашению 1948 г. все суммы, выручаемые от продажи в Турции товаров, поступающих по «плану Маршалла», не конвертируются в валюту, а вносятся в турецких лирах на счет американской «Администрации экономического сотрудничества». Расходование сумм с указанного счета, носящего название эквивалентного, может производиться только с согласия «Администрации».

¹⁰ «L'économiste d'Orient», 1952, сентябрь — октябрь, № 729, 730, стр. 220—232; 255—260.

ного Банка промышленного развития, кредитующего частное промышленное строительство. При учреждении этого банка (Türkiye Sınai kalkınma bankası) по закону от 25 марта 1950 г. было предусмотрено, что если банк не сумеет ежегодно выдавать прибыли в 6% на оплаченный капитал, то Министерство финансов будет доплачивать ему разницу в течение пяти лет со дня основания банка¹¹. Налицо возвращение к существовавшей в Османской империи практике гарантированных прибылей иностранных капиталистов.

За время с 1950 по 1954 г. Международный банк предоставил Турции в виде займов 63,4 млн. долл. из 3,8—4,8% с различными сроками погашения¹². До июля 1954 г. Турция фактически использовала лишь 21 млн. долл., поскольку работы, предусмотренные соглашением с банком, еще не закончены¹³.

Наряду с Международным банком реконструкции и развития в роли кредитора Турции выступает и Экспортно-импортный банк США. В 1948—1950 гг. он открыл Турции кредиты на 84 млн. долл.¹⁴. Эти средства были предоставлены специально на покупку оставшегося в Европе после войны американского вооружения, вагонов, паровозов и судов.

Средства, предоставляемые по «плану Маршалла», также имели строго целевое назначение. Номенклатура и количество товаров, ввозимых по «плану Маршалла», определялись американской администрацией. По неполным данным, опубликованным Министерством иностранных дел в 1952 г.¹⁵, к этому моменту было ассигновано 352 млн. долл. Основные средства были затрачены на ввоз оборудования для строительства дорог, подвижного состава и горючего для военного министерства (31%), на горнодобывающую промышленность и строительство электростанций (22,7%), на сельское хозяйство — 17%, на все отрасли обрабатывающей промышленности — всего 5%. Для непосредственной реализации на рынке (автомобили, ткани, галантерей, резина и изделия из нее и т. д.) было ввезено товаров на сумму в 69,8 млн. долл., что составило 20% всех ассигнований; прочие ассигнования составили 4,3%. Все эти ассигнования были направлены на расширение добычи полезных ископаемых, увеличение продукции сельского хозяйства для экспорта, строительство железных и шоссейных дорог, портов и аэродромов, снабжение армии горючим, сбыт на турецком рынке различных товаров. Эти ассигнования не обеспечивали индустриализацию Турции и, в частности, строительство машиностроительных предприятий.

Как показывают приведенные выше данные, в послевоенные годы экспорт капиталов из США происходит главным образом по линии государственных займов и кредитов. Государственный экспорт капиталов из США прокладывает дорогу частным американским фирмам к заказам на выгодные подряды и способствует сбыту их продукции¹⁶.

Американские частные инвестиции к 1953 г. составляли относительно

¹¹ См. «Loan agreement between the International bank for reconstruction and development and the Industrial development bank of Turkey — dated October 19, 1950»; «L'économiste d'Orient», 15 сентября 1950 г.

¹² В том числе ассигновано на строительство элеваторов 3,9 млн. долл., на строительство портов — 16,3; на строительство плотин на реке Сейхан — 25,2 и на Банк промышленного развития — 18 млн. долл.

¹³ МВАБ, 1954, № 8, стр. 20.

¹⁴ МВАБ, 1952, № 82—83, стр. 237.

¹⁵ «Türk ekonomisi», 1952, № 108, июнь, стр. 174—175.

¹⁶ См. «A survey of American interests in the Middle East», ed. by F. C. Mattison. Washington, 1953.

небольшую сумму в 33 млн. долл., из которых 11 млн. было вложено в предприятия «Сокони вакуум ойл» по распределению нефти (склады, нефтехранилища, заправочные колонки), 6 млн. в закупочные операции фирмы «Тобакко америкэн» и складские помещения той же компании¹⁷.

Капиталы иностранных банков, действующих в Турции, невелики. В 1953 г. в Турции действовали шесть иностранных банков — Оттоманский, Салоникский, два итальянских, Нидерландский и Английский банк для Ирана и Среднего Востока. Капитал этих банков, выделенный для операций в Турции, по балансам на 31 декабря 1953 г. составлял 13 737 тыс. лир. Если добавить ту часть капитала Банка промышленного развития, которую внес Международный банк в сумме 6 250 тыс. лир, то весь капитал иностранных банков составит около 20 млн. лир, или 1,77% оплаченного капитала национальных банков (1 126 млн. лир)¹⁸. Однако иностранные банки мобилизуют внутри страны значительные средства, которые во много раз превышают их капитал, выделенный для операций внутри Турции. Достаточно отметить, что сводный баланс иностранных банков составил в 1953 г. 11,2% сводного баланса всех банков. В операциях по учету векселей и выдаче авансов на долю иностранных банков приходится около 14%. Эти банки играют крупную роль в кредитовании внешней торговли. Они извлекают весьма большие прибыли, составившие в 1953 г. 7,5 млн. лир, или около 38% на вложенный капитал, в то время как прибыли национальных банков в том же году не превышали 10%.

Иностранный капитал добивался изменений турецкого законодательства, которое серьезно ограничивало возможности его деятельности. Под давлением иностранных монополий в 1951 г. в Турции был принят закон о поощрении иностранных капиталовложений¹⁹. Закон предусматривал ряд льгот для иностранного капитала, инвестируемого в такие отрасли хозяйства, которые должны были способствовать, по мнению правительства, развитию экономики страны (производство электроэнергии, горная промышленность, коммунальные предприятия, строительство дорог). Льготы эти заключались в разрешении вывоза за границу прибылей в размере 10% на вложенный капитал, а также части или всего инвестированного капитала.

Однако этот закон почти не привлек иностранных инвестиций. Иностранные капиталисты считали закон 1951 г. неудовлетворительным.

В Турции был разработан новый закон, принятый меджлисом 18 января 1954 г. Закон снимает какие бы то ни было ограничения с деятельности иностранного капитала, предоставляя ему равные с национальным капиталом права, допуская его во все без исключения отрасли турецкой экономики, включая сельское хозяйство и торговлю, не ограничивая вывоз не только прибылей, но и вложенных капиталов. В марте 1954 г. был принят новый закон, который предоставил неограниченные возможности иностранным монополиям эксплуатировать нефтяные богатства страны. Согласно этому закону, концессии будут выдаваться сроком на 40 лет, с возможностью продления еще на 20 лет.

К сентябрю 1954 г. право производить разведки нефти было предоставлено крупнейшим мировым нефтяным монополиям «Калифорния Тексас ойл», «Сокони вакуум ойл», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Ройял Датч шелл».

Даже во времена Османской империи иностранцы не располагали та-

¹⁷ «A survey of American interests...», стр. XIII; «Fortunes», 1954, июнь.

¹⁸ МВАВ, 1954, № 5, стр. 18—49.

¹⁹ МВАВ, 1951, № 80—81, стр. 203, закон № 5281.

кими широкими правами в области инвестирования капиталов, какие им предоставлены законами 1954 г.

В июне 1954 г. турецкое правительство заключило с США соглашение, по которому американские акционерные общества и граждане США не будут облагаться подоходными и другими налогами, если они занимаются предпринимательской деятельностью в Турции.

Действие этих новых законов начинает уже сказываться. Как сообщает турецкая газета «Зафер», со дня принятия новых законов иностранные фирмы сделали турецкому правительству различные предложения об инвестировании капиталов на общую сумму в 160 млн. лир (около 57 млн. долл.). До 15 апреля 1955 г. было выдано разрешений на общую сумму в 84,6 млн. лир²⁰. Журнал «Форчюн» признает, что «турки уже сейчас создали более благоприятные условия для капиталовложений, чем любой другой из союзников США».

Переходя к рассмотрению состояния экономики Турции в послевоенные годы, необходимо отметить, что из официальных и явно завышенных, включающих в себя ряд повторяющихся статей данных, видно, что в 1952 г. национальный доход превысил доход 1938 г. лишь на 42%²¹. Население же Турции за это время увеличилось на 29%.

Из опубликованных в 1951 г. в Турции данных видно, что национальный доход, явно завышенный включением в него ряда статей из сферы обращения, составлял на душу населения в сравнимых ценах (в лирах)²²:

	1938 г.	1951 г.
В среднем на душу населения . . .	381	426
На душу сельского населения . . .	285	337
На душу городского населения . . .	688	688

Некоторый рост национального дохода связан с увеличением продукции сельского хозяйства, в котором значительно повысились доходы эксплуататорской верхушки деревни. Из приведенных данных видно, что средний доход на душу городского населения остался без изменения, а это означает, бесспорно, уменьшение доходов трудящихся при увеличении доходов эксплуататорских слоев.

Анализируя данные о национальном доходе, авторы отчета Экономического департамента ООН приходят к выводу: «Доход на душу городского населения увеличился в значительно меньшей степени, чем сельского; действительно, до 1953 г. заработная плата не была увеличена, и отход сельского населения в города привел к образованию в них большого числа рабочих, не имеющих никакой специальности»²³.

Турция и прежде была аграрной страной. Однако в период с 1925 по 1938 г. путем увеличения налогового обложения и проведения политики этатизма турецкой буржуазии удалось довести долю промышленной продукции в общей массе производимой в стране продукции до 24%. В послевоенные годы имеет место уменьшение удельного веса промышленной продукции в общей массе произведенных продуктов (см. табл. 1).

Уменьшение удельного веса промышленной продукции в общей массе продукции, замедленные темпы промышленного развития — есть прямой результат проводимой турецким правительством политики, которая в от-

²⁰ «Quarterly economic review of Turkey», 1955, № 14.

²¹ «İstatistik yıllığı», 1951, № 19, стр. 337; 1952, № 20, стр. 351; «International financial statistics», 1955, № 5, стр. 224.

²² «İstatistik yıllığı», 1951, № 19, стр. 337.

²³ «Aperçu de l'évolution des conditions économiques au Moyen Orient 1952/53», New York, 1954, p. 118.

Таблица 1

Доли продукции сельского хозяйства и промышленности в общей продукции (в %)*

Вид продукции	Г о д ы				
	1939	1948	1951	1952	1953
Продукция сельского хозяйства	75,8	80,3	81,4	81,7	82,3
Продукция промышленности	24,2	19,7	18,6	18,3	17,7

* Источники: «İstatistik yillığı», 1951, № 19, стр. 337; 1952, № 20; для 1952 — «International financial statistics», 1955, № 5, 224; для 1953 — «Die Weltwirtschaft», Kiel, 1955, Hft. 1, S. 74.

личие от политики, проводившейся в первые годы существования республики, направлена на усиление роли сельского хозяйства. Отчетливое представление об этом дает распределение государственных капиталовложений по отдельным отраслям народного хозяйства. В обрабатывающую, горнодобывающую и энергетическую промышленность с 1951 по 1954 г. было вложено 180 млн. лир (ассигновано на 1955 г. — 49 млн. лир.), а в сельское хозяйство — 336 млн. лир (ассигновано на 1955 г. — 183 млн. лир). На транспорт и средства связи было затрачено 811 млн. лир (ассигновано на 1955 г. — 386 млн. лир)²⁴.

Сокращение темпов промышленного строительства, уменьшение удельного веса промышленной продукции, усиление аграризации страны влечет за собой увеличение зависимости Турции от западных государств. Рост продукции сельского хозяйства объясняется в первую очередь экстенсивным расширением площадей под зерновыми и особенно техническими культурами. Общая площадь возделанной земли (без пара), составившая в 1946—1950 гг. в среднем 8.875 тыс. га, увеличилась в 1953 г. до 12 688 тыс. га и в 1954 г. — до 12 862 тыс. га²⁵. Площадь под зерновыми культурами, составлявшая в 1940 г. 8,2 млн. га, поднялась в 1953 г. до 10,8 млн. га²⁶. Рост посевных площадей — явление отнюдь не новое для Турции. Так, например, с 1928 по 1940 г. посевные площади увеличились на 40%. На увеличение посевных площадей в послевоенные годы оказали влияние еще некоторые факторы. В первую очередь, конечно, сказался ввоз тракторов и сельскохозяйственных машин, которые на льготных условиях, в кредит на пять лет, продавались помещикам и кулакам. Если в 1948 г. в Турции имелось всего 1 750 тракторов, то на 1 января 1954 г. насчитывалось 42 тыс. тракторов; комбайнов в 1950 г. имелось 365, в 1953 г. — 4 тыс.²⁷.

Однако механизация сельского хозяйства носит ограниченный характер. В 1952 г. на 2 500 тыс. крестьянских хозяйств имелось всего 853,8 тыс. металлических плугов, т. е. две трети хозяйств продолжали пользоваться дедовским карасапаном (деревянная соха). Сельскохозяйственная техника достояна лишь помещичьим и отчасти кулацким хозяйствам. Слабая техническая база и отсутствие подготовленных кадров

²⁴ «Die Weltwirtschaft», 1955, H. 1, S. 76.

²⁵ Там же, стр. 75.

²⁶ «İstatistik yillığı», 1946, № 15, стр. 220; 1950, № 18, стр. 156; 1951, № 19, стр. 232.

²⁷ «İstatistik yillığı», 1951, № 19, стр. 233; «Türk ekonomisi», 1953, май.

механизаторов серьезно затрудняют использование машин. Ощущается значительный недостаток запасных частей. Механизация не имеет прочной базы — своего тракторостроения и производства запасных частей. Снабжение сельского хозяйства машинами целиком зависит от импорта.

Применение машин в помещичьих и кулацких хозяйствах вызвало сгон крестьян-издольщиков с земли и обострение классовых противоречий в деревне. Механизация не ликвидировала отсталости турецкой деревни, продолжающей задыхаться в тисках безземелья и полуфеодальной эксплуатации. Далеко не все помещики, которые обзавелись машинами, перешли к обработке земли при помощи наемного труда. Многие из них продолжают, даже имея машины, использовать труд издольщиков. Такой помещик за вспашку земли трактором взимает с издольщика часть урожая сверх той его части, которую он взимал раньше. Налицо своеобразное сочетание современной техники и полуфеодальной эксплуатации.

Одним из факторов увеличения посевных площадей была продажа государственной земли крестьянам на условиях долгосрочного кредита в соответствии с аграрным законом 1945 г. По данным газеты «Зафер» от 16 июля 1955 г., этим путем всего было распределено 1 558 тыс. га между 198 тыс. семей. Продажа государственной земли крестьянам не разрешает аграрного вопроса в Турции, а предусмотренное законом 1945 г. частичное отчуждение помещичьих земель фактически не проводится.

Из некоторых опубликованных данных сельскохозяйственной переписи 1950 г. видно, что в руках у 6 182 крупных помещиков находится до 2,4 млн. га возделанной земли, 21 тыс. мелких помещиков имеет 3,8 млн. га, в то время как 1 906 тыс. крестьянских семей владеет лишь 5,7 млн. га²⁸. Помещикам также принадлежат большие площади невозделанных земель.

Характеризуя положение в турецкой деревне, Экономический департамент ООН отмечает, что «примерно 45% крестьян располагают количеством земли, едва достаточным для удовлетворения своих потребностей... Две трети общего числа хозяйств располагают участками менее чем 5 га и лишь одна десятая — участками больше чем 10 га земли... Эксплуатация этих небольших хозяйств вряд ли является прибыльной и служит только для удовлетворения самых насущных потребностей крестьянских семей»²⁹.

Хотя продажа государственных земель не разрешает аграрного вопроса в Турции, не ликвидирует земельного голода и не уничтожает феодальной эксплуатации крестьян, но она позволила руками закабаленных крестьян поднять некоторое количество ранее необрабатывавшейся земли. Увеличению посевных площадей лишь в небольшой степени способствовало орошение новых земель. Расширение посевных площадей, лучшая обработка земли в помещичьих и кулацких хозяйствах, применяющих машины, и, наконец, исключительно благоприятные метеорологические условия в течение нескольких лет, последовавших за резко неурожайным 1949 г., привели к увеличению сборов зерна.

Урожай зерновых культур в 1953 г. (13 840 тыс. тонн) превысил урожай 1940 г. на 63%³⁰. Впервые после многих лет Турция приступила к экспорту зерна. В 1952 г. было экспортировано 679 тыс. тонн, в 1953 г. — 857 тыс. тонн, а за девять месяцев 1954 г. — 977 тыс. тонн. Экспорт зерна, осуществляемый государственной организацией «Топрак офиси», обогащал помещиков и кулаков — владельцев товарной продукции. Так,

²⁸ Подсчеты сделаны нами по «Yeni ulus», 1 февраля 1954 г. См. также «The Middle East», London, 1955, p. 333.

²⁹ «Обзор экономического положения Европы в 1953 г.», стр. 104—105.

³⁰ «İstatistik yillığı», 1952, № 20, стр. 245; MBAB, 1954, № 8, стр. 58.

«Топрак офиси» уплачивает на внутреннем рынке за килограмм пшеницы 0,3 лиры, выручая при продаже за границей 0,27 лиры³¹ и перекладывая убытки на широкие массы налогоплательщиков.

В 1954 г. Турцию постиг неурожай — бедствие, повторяющееся в Турции каждые четыре-пять лет. По официальным данным Статистического управления Турции³², сбор всех зерновых составил 9 292 тыс. тонн, т. е. оказался на 33% ниже урожая предшествующего года, сбор же пшеницы сократился еще больше — с 8 млн. до 4,9 млн. тонн, в то время как посевные площади остались прежними. Уже в ноябре правительство в спешном порядке прибегло к закупке в США 300 тыс. тонн пшеницы и 200 тыс. тонн фуражного зерна, поскольку государственные запасы зерна оказались исчерпанными. Рыночные цены на зерно поднялись за короткое время с 32 до 36 курушей за килограмм. Урожай 1954 г. лишь на 12,5% превысил урожай 1940 г., в то время как население за этот период увеличилось на 28%³³.

Выше мы уже отмечали падение удельного веса промышленной продукции и сокращение темпов промышленного производства по сравнению с темпами развития сельского хозяйства. Из официальных данных видно, что по сравнению с 1948 г. промышленная продукция в 1953 г. увеличилась в текущих ценах на 46%. Однако если учесть, что за пять лет оптовые цены поднялись минимум на 10%, то реальное увеличение составляет лишь около 32% за пять лет, или 6% в год.

После окончания национально-освободительной войны, и особенно с конца двадцатых годов, когда наиболее интенсивно проводилось строительство промышленных предприятий, главным образом за счет государственного бюджета, когда руководящие круги Турции именно в развитии собственной промышленности видели основу экономической самостоятельности, темпы роста промышленности были выше. Так, в 1938 г. (1929 г.—100) индекс общего промышленного производства составил 180, а индекс производства на крупных промышленных предприятиях — 252³⁴.

Отраслевая структура промышленности Турции имеет весьма отсталый характер, ярко свидетельствуя об экономической слабости страны. Удельный вес продукции машиностроения в общем промышленном производстве не превышает 2%. Турция целиком зависит от поставок всех видов машин и оборудования из-за границы³⁵, что усиливает зависимость страны от иностранных держав. В 1953 г. в общем балансе потребления (производство плюс импорт) на долю собственного производства черных металлов приходилось лишь 30%, хлопчатобумажных тканей и пряжи — 80%, цемента — 48%, бумаги — около 50%.

Развитие турецкой промышленности в послевоенные годы характеризуется следующими официально опубликованными данными (см. табл. 2), которые не учитывают значительного повышения цен.

В послевоенные годы наибольшие темпы развития наблюдались в добывающей промышленности, связанной с экспортом (хром, марганец, медь). Индекс промышленного производства в этих отраслях (1950 г.—100) составил в 1953 г.—145, в отраслях, занятых выполнением военных заказов (сталь, цемент)—125%. Наряду с этим совершенно незначителен прирост

³¹ «Aperçu de l'évolution des conditions économiques au Moyen Orient 1952/53», стр. 122.

³² «Istanbul», 13 января 1955 г.

³³ В 1940 г.—17 821 тыс., в 1954 —22 949 тыс. человек.

³⁴ «Обзор экономического положения Европы в 1953 г.», стр. 102.

³⁵ См. МВАВ, 1954, № 12, стр. 44—45.

Таблица 2

Индекс промышленности Турции*

Годы	Общий индекс	Горнодобывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Пищевая, включая напитки и табак	Текстильная
1948	87	82	89	89	86
1949	99	96	101	102	100
1950	100	100	100	100	100
1951	109	112	108	124	94
1952	118	121	116	120	110
1953	130	145	125	132	114

* Источник: «Bulletins statistiques de L'OECE. Statistiques générales», 1955, № 3, стр. 8—12.

продукции текстильной промышленности (индекс 114). Удельный вес текстильной промышленности в общем промышленном производстве весьма велик и составляет 30%. Все официально публикуемые индексы не отражают положения многих тысяч мелких и мельчайших предприятий, страдающих от иностранной конкуренции, лишенных необходимой валюты для закупки сырья и оборудования.

1954 г. принес турецкой промышленности серьезные затруднения, обусловленные тяжелым дефицитом торгового баланса. Недостаток валюты привел к резкому сокращению, а в отдельных случаях и к полному прекращению выдачи валюты на покупку импортного сырья — особенно для мелких предприятий.

В результате общий индекс промышленного производства за первые девять месяцев 1954 г. увеличился всего на 1,5% по сравнению с предшествующим годом³⁶.

Недостаток сырья и топлива вызвал сокращение производства. 80% предприятий резиновой промышленности свернуло свою деятельность. Подобное же положение создалось и в кожевенной и шерстяной промышленности, в производстве искусственного шелка и в других отраслях промышленности. В результате нехватки угля многие предприятия в 1954 г. использовали лишь половину и даже четверть своих производственных мощностей³⁷.

Добыча хромовой руды, развивавшаяся под воздействием спроса из-за границы, поднялась до 913 тыс. тонн в 1953 г. Однако иностранные монополии, добываясь снижения цен, в 1954 г. почти прекратили закупку турецкого хрома. 43 рудника по добыче хрома закрылись, а на оставшихся семи добыча была сокращена³⁸. Экспорт хромовой руды в 1954 г. составил лишь 357 тыс. тонн против 679 тыс. тонн в 1953 г. Сокращение добычи хромовой руды является наглядным доказательством зависимости турецкого хозяйства от иностранных монополий.

В результате сокращения добычи хромовой руды индекс продукции горнодобывающей промышленности в 1954 г. упал по сравнению с предшествующим годом примерно на 20%.

³⁶ См. «Die Weltwirtschaft», 1955, Н. 1, S. 75.

³⁷ «Европейский экономический бюллетень», Женева, октябрь 1954 г., стр. 3—5; «L'économiste d'Orient», 1954, июль, № 751, стр. 486.

³⁸ «Европейский экономический бюллетень», стр. 5.

Иностранные монополии в течение ряда лет настойчиво требуют передачи государственных, так называемых этатистских предприятий в частные руки. У государства, по данным на 31 декабря 1953 г., сосредоточены различные промышленные предприятия, капиталовложения которых составляют около половины всех капиталовложений в турецкую промышленность. В государственных предприятиях иностранные монополии видят серьезное препятствие на пути осуществления своих планов, рассматривают их как препятствие для частных иностранных инвестиций, поскольку эти предприятия находятся в привилегированном положении. Иностранным монополиям значительно труднее подчинить своему контролю государственные, чем распыленные частные предприятия. Демократическая партия, придя в 1950 г. к власти, обещала передать государственные предприятия в руки частного турецкого капитала. Однако провести в жизнь это мероприятие не удалось. В существовании государственных предприятий заинтересованы значительные группы турецкой буржуазии: подрядчики, поставщики, крупные оптовые покупатели и, наконец, многочисленные лица, связанные с верховской правительственной аппаратурой и занимающие посты в наблюдательных и административных советах этих предприятий. В вопросе об этатизме весьма отчетливо выступают противоречия между определенными кругами турецкой буржуазии и иностранными монополиями, стремящимися полностью поставить под свой контроль турецкую промышленность. Эти противоречия препятствуют проведению в жизнь провозглашенного демократической партией лозунга о ликвидации этатизма. За последние годы отмечается продолжающееся увеличение фондов государственных промышленных предприятий при несомненном сокращении темпов их роста. С 1950 г. Центральный банк республики прекратил авансирование государственной промышленности под векселя, гарантированные казначейством (широко распространенная ранее форма кредитования), что, естественно, суживает деятельность этатистских предприятий.

После прихода к власти демократической партии упор делается на развитие «частной инициативы». Органом, предназначенным служить развитию «частной инициативы» в промышленности, является Банк промышленного развития Турции, созданный в 1950 г. Международным банком реконструкции и развития. Половина капитала Банка промышленного развития Турции (25 млн. лир) покрыта Международным банком. Кроме своего капитала, банк располагает средствами из «фонда Маршалла для развития частной инициативы» в сумме 63,1 млн. лир. За годы своей деятельности (по март 1955 г.) банк открыл кредиты 277 лицам на общую сумму 120,8 млн. лир³⁹. Посредством этих кредитов банк поставил под свой контроль ряд предприятий текстильной, цементной, хлопчатобумажной, маслобойной и пищевой промышленности. Через этот банк иностранные монополии не только подчиняют себе вновь создаваемые предприятия, но и имеют возможность своей кредитной политикой тормозить развитие отраслей тяжелой промышленности, о чем свидетельствует направление капиталовложений банка⁴⁰.

Для внешней торговли Турции в послевоенные годы характерен пассивный баланс, в то время как перед войной Турция, как правило, имела активный торговый баланс. Неблагоприятный внешнеторговый баланс вызван почти полным снятием ограничений на импорт из США и стран Европейского платежного союза. Весь пассив торгового баланса

³⁹ МВАВ, 1955, № 4, стр. 29.

⁴⁰ По 1952 г. банк вложил 50% своих средств в финансирование строительства текстильных предприятий, 25% в строительство цементных заводов и 25% в различные отрасли легкой и пищевой промышленности.

с 1947 по 1954 г. включительно составляет огромную сумму в 2 029 млн. лир.

Этот пассив лишь частично был покрыт поставками по «плану Маршалла», не оплачиваемыми валютой⁴¹. Пассив торгового баланса привел к уменьшению золотого и валютного запаса Турции с 307 млн. долл. в 1946 г. до 214 млн. долл. в марте 1955 г., к ее задолженности Европейскому платежному союзу в 251 млн. долл. (на 31 мая 1955 г.) и крупному долгу турецких частных импортеров иностранным поставщикам в сумме около 150 млн. долл.⁴² В целях уменьшения пассивности торгового баланса в Турции с 1 ноября 1953 г. были введены ограничения импорта, усиленные затем в первом полугодии 1954 г. Принятые правительством меры к сокращению импорта повлекли за собой рост цен и уменьшение выпуска промышленной продукции, но не могли способствовать повышению экспорта, который, наоборот, снизился в связи с неурожаем. В результате пассив торгового баланса увеличился с 382,2 млн. лир в 1953 г. до 401,6 млн. лир в 1954 г. В течение первых пяти месяцев 1955 г. пассив торгового баланса выразился в сумме 237 млн. лир (импорт — 596, экспорт — 359 млн. лир.).

В начале 1955 г. Турция подписала соглашение о погашении своей внешнеторговой задолженности Англии (10—12 млн. ф. ст.), Франции (2 млрд. фр.) и Италии путем обращения части валюты, получаемой от продажи турецких экспортных товаров в эти страны, на покрытие своей задолженности в течение ближайших двух-пяти лет. Для погашения задолженности Западной Германии и продолжения закупок последняя предоставила кредит в 150 млн. долл. сроком на девять лет; кредит будет покрываться ежегодными поставками меди и пшеницы⁴³. Этим соглашением Западная Германия, уже в 1951 г. вновь занявшая первое место в импорте Турции, рассчитывает еще больше укрепить свои позиции на турецком рынке.

Заключение соглашений о платежах означает, что в течение ближайших лет значительная часть выручки Турции от экспорта будет идти на погашение долгов, и закупка импортных товаров снизится, если не будет достигнуто значительное увеличение экспорта или не будут получены кредиты. Характеризуя состояние экономики Турции в первом полугодии истекшего года, «Европейский бюллетень» отмечает: «Недавнее ухудшение положения платежного баланса, повидимому, сопровождалось сильным ослаблением экономической деятельности внутри страны. Действительно, Турция переживает два наибольших несчастья: кризис платежного баланса одновременно с застоем в общем промышленном производстве».

Торговая экспансия иностранных монополий в Турцию, приведшая к образованию огромного пассива внешнеторгового баланса, характеризуется вместе с тем значительным увеличением неэквивалентности обмена, столь характерного в отношениях между капиталистическими державами и зависимыми странами, поставщиками сырья и покупателями промышленных товаров.

Неэквивалентность обмена усугубилась по сравнению с 80-ми годами прошлого столетия, когда обмен между развитыми капиталистическими странами и колониальными и зависимыми странами уже имел неэквивалентный характер. Так, отношение индекса цен на сырье, ввозимое промышленными странами из экономически отсталых стран, к индексу цен на промышленные товары, вывозимые из промышленных стран в «слабораз-

⁴¹ Поставки по «плану Маршалла» и закону о взаимном обеспечении безопасности включены в общий импорт. Поставки военного снаряжения не включены в таможенную статистику.

⁴² См. «Европейский экономический бюллетень», стр. 21.

⁴³ Там же.

витые страны, составляло (1881—1885 гг.—100) в 1911—1913 гг.—83,8%, а в 1947 г.—67%⁴⁴.

Экспортное сырье экономически отсталые страны продают дешевле, чем на внутреннем рынке, а товары, ввозимые из западных стран, приобретают по ценам, превышающим их цены на внутреннем рынке. Подобное положение наблюдается и в Турции, вывозящей сырье и ввозящей промышленные товары из индустриальных стран. По данным Стамбульской торговой палаты, индекс цен на 11 импортных товаров (1913—1914 гг.—100) в 1938 г. составлял 1170, а на экспортные — 670⁴⁵. В годы второй мировой войны цены на импортные товары увеличились значительно больше, чем цены на экспортные товары⁴⁶.

В послевоенные годы, и особенно в 1950 и 1951 гг., в результате войны в Корее цены на экспортные товары Турции выросли больше, чем на импортные, но неэквивалентность обмена продолжала оставаться весьма высокой. Даже в конце 1951 г., когда экспортные цены достигли наивысшего уровня, индекс цен на импортные товары (1913—1914 гг.—100) составлял 5 798, а на экспортные — 3 203⁴⁷. После окончания войны в Корее отмечается падение цен на экспортные товары. В первом полугодии 1954 г. индекс цен на экспортные товары снизился по сравнению с последним кварталом 1951 г. на 17%⁴⁸.

Неэквивалентный обмен является основной формой извлечения прибыли в Турции западными монополиями. Министерство экономики и торговли Турции сообщило, что цены на импортируемые товары, главным образом из стран, с которыми имеются двусторонние торговые соглашения, превысили на 40% цены мирового рынка.

Если даже допустить, что в послевоенные годы (с 1947 по 1953 г.) Турция переплачивала на импортных товарах и недополучала за экспортные товары, как минимум, только 10% против цен мирового рынка, то получится сумма в 1 276 млн. лир, равная поступлениям по «плану Маршалла». На самом же деле эту сумму надо значительно увеличить. Для сравнения укажем, что с 1949 по 1953 г. Турция уплатила в валюте по линии погашения долгов и процентов по займам и долгосрочным кредитам 269 млн. лир, а в виде доходов на вложенный иностранцами частный капитал — лишь 104 млн. лир⁴⁹.

В Турции, как и в других капиталистических странах, вошедших в систему послевоенных блоков, милитаризация вызвала огромный рост бюджета. Дефицит характерен для всех послевоенных лет.

Основное место в расходной части бюджета занимают ассигнования на армию, проводимые по военному ведомству. Однако, наряду с этими прямыми ассигнованиями, многочисленные расходы военного характера проводятся по другим ведомствам и, в частности, по Министерству общественных работ, осуществляющему строительство военных объектов, а также по Министерству финансов. Так, за счет расходов по Министерству общественных работ с 1945 по 1951 г. осуществлено строительство более 6 тыс. км шоссе, начата постройка и реконструкция портов

⁴⁴ А. Н. Санталов. Империалистическая борьба за источники сырья. М., 1954, стр. 42—43.

⁴⁵ МВАВ, 1950, № 76—77.

⁴⁶ Так, в 1944 г. индекс цен на импортные товары (1938 г.—100) составлял 499, а на экспортные — 358.

⁴⁷ «İstatistik yillığı», 1952, № 20, стр. 326.

⁴⁸ «Европейский экономический бюллетень», стр. 58.

⁴⁹ Подсчитано по «International financial statistics», 1955, № 5, стр. 227. Платежи по краткосрочным вложениям и банковскому кредиту не входят в эту сумму

в Самсуне, Мерсине, Искендероне, Стамбуле, Измире, Трабзоне, Инеболу, Гиресуне. Надо отметить резкое сокращение строительства железных дорог. Сеть железных дорог с 1940 по 1952 г. увеличилась всего на 450 км, поскольку американские специалисты настаивают, по военным соображениям, на преимущественном строительстве шоссе, а не железных дорог. В год в среднем строится около 45 км, а до войны ежегодно строилось свыше 200 км железнодорожного пути. Однако в связи с увеличением сельскохозяйственной и промышленной продукции перевозки на железных дорогах растут. В послевоенные годы в Турции проводилось интенсивное строительство аэродромов и посадочных площадок. Американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» отмечал 13 августа 1954 г., что создается кольцо «баз реактивных самолетов, сооружающихся от одного края Турции до другого — прямо у парадного крыльца Советского Союза».

Расходная часть бюджета на 1955 г. определена в 2 976 млн. лир, т. е. на 30% выше, чем в 1954 г. Прямые ассигнования на военное министерство предусмотрены в сумме 725 млн. лир, т. е. на 125 млн. больше, чем в предыдущем году. Если учесть еще ассигнования на военные нужды, проводимые по другим ведомствам, то бюджетные военные ассигнования составят 811 млн. лир. К этому добавляется 200 млн. лир, ассигнуемых из эквивалентного фонда. Кроме того, США поставят на 250 млн. долл. (800 млн. лир) военных материалов для турецкой армии. Вместе с ассигнованиями по линии НАТО общая сумма расходов на военные цели составит около 3 млрд. лир. Не лишне отметить, что в годы второй мировой войны военные ассигнования Турции составляли как максимум, 554 млн. лир в год⁵⁰.

В 1953 г. на те же цели предназначалось 1,7 млрд. лир, в то время как расходы на здравоохранение составили лишь 93 млн. и на народное образование — 226 млн. лир. Государственный долг Турции увеличился с 2 033 млн. лир в 1946 г. до 3 118 млн. лир в 1954 г.,

В стране царит инфляция. Денежное (банковское) обращение увеличилось с 936 млн. лир в конце 1946 г. до 1 655 млн. лир в мае 1955 г. и превышает довоенное в 7,6 раза. Инфляционным фактором является и рост депозитов в банках. Депозиты поднялись с 552 млн. в 1946 г. до 2 486 млн. лир в конце 1954 г. Тяжелое финансовое и экономическое положение вызвало падение курса лиры. При официальном курсе американского доллара в 2,8 лиры на черном рынке за него платят 5,5 лиры и выше. Курс золотой лиры поднялся с 34,3 бум. лиры в 1946 г. до 49,15 — в 1953 г., а в апреле 1955 г. за золотую лиру платили уже 69,8 бум. лир.

Об инфляции свидетельствует и неуклонный рост цен. Так, по официальным данным, рост оптовых цен и стоимости жизни представляется в следующем виде (см. табл. 3).

Рост индекса стоимости жизни в 1953—1954 гг. частично связан с повышением квартирной платы с мая 1953 г. на 50% и с 1 января 1954 г. еще на 50%, с введением с июня 1954 г. нового таможенного тарифа, увеличившего пошлины на товары первой необходимости на 40%, а также с повышением на 20—30% цен на ряд товаров, продажа которых является государственной монополией (табак, соль). С целью задержать развитие инфляции Центральный банк Турции повысил в июне 1955 г. учетную

⁵⁰ «Правда», 24 марта 1954 г. За время с 1948 по 1954 г. ассигнования только на военное министерство, т. е. прямые военные ассигнования, составили 3 млрд. лир, т. е. в два раза превысили ассигнования по «плану Маршалла» и закону «о взаимном обеспечении безопасности».

ставку с 3 до 4,5%. В июле же были увеличены на 10—20% цены на товары, производимые на государственных предприятиях Сумербанка (ткани, обувь).

В то время как стоимость жизни увеличилась по сравнению с довоенной более чем в четыре раза, заработная плата рабочих поднялась незначительно.

Об ухудшении положения трудящихся свидетельствует также уменьшение потребления на душу населения важнейших продуктов питания. Так,

Таблица 3

Индекс оптовых цен и стоимости жизни*

Годы	Индекс оптовых цен	Индекс стоимости жизни и в Стамбуле
	(1938 = 100)	
1946	427	342
1953	497	389
1954	549	426
1955 февраль	585	441

* Источник: МВАВ, 1955, № 4, стр. 38, 39.

В послевоенные годы в Турции неуклонно растет безработица. Официальные данные о числе безработных отсутствуют. Но турецкая печать вынуждена не раз возвращаться к этому вопросу. Так, например, газета «Халкчи» сообщала в мае 1955 г., что за первые три месяца на биржу труда обратилось за получением работы 88 720 человек, т. е. на 37 314 человек больше, чем за первые три месяца 1954 г.⁵¹

* * *

Несмотря на отмеченный выше некоторый рост промышленной и сельскохозяйственной продукции, народное хозяйство Турции находится в тяжелом состоянии. Слабая экономика страны не может выдержать колоссальных военных расходов, которые отражаются на государственном бюджете, кредитной системе, внешней торговле, развитии промышленности и резко ухудшают положение трудящихся.

О пагубном влиянии непомерных военных расходов на экономику страны писала 18 марта 1955 г. турецкая газета «Халкчи». Турция, по данным газеты, содержит войск больше, чем любая другая страна НАТО (по одной дивизии на каждый миллион населения). Газета подчеркивала, что если бы Турция «сократила свои вооруженные силы, то она добилась бы благополучия в области экономики».

О тяжелом положении турецкой экономики пишет и американская печать. Так, журнал «Бизнес уик» 14 мая 1955 г. писал: «Турция, которая прославилась своим бумом в военной и экономической области, пережи-

вает серьезный экономический кризис. Ей не хватает иностранной валюты, она истощила свои золотые запасы и не может получить дополнительные иностранные кредиты, поскольку она и так уже сильно задолжала иностранцам... Безработица растет, инфляционные тенденции продолжают».

В целях ослабления финансового кризиса турецкое правительство в течение нескольких месяцев вело с США переговоры о получении займа в 300 млн. долл. Турецкая пресса развернула кампанию за предоставление займа, выражая твердую уверенность в успехе переговоров. Велико же было разочарование, когда в середине июня стало известно, что вместо 300 млн. долл. США согласились сверх обычных ассигнований выделить Турции только 30 млн. долл.

Как сообщалось в турецкой печати, США отказались предоставить заем ввиду существующих в Турции тенденций к инфляции, слишком «смелой экономической политики» и планов промышленного строительства. Отмечалось также, что США потребовали от Турции новых политических и экономических уступок, установления контроля над турецкими финансами и экономикой.

Неудачная попытка получения займа вызвала большое раздражение в турецкой печати, привела к резким нападениям оппозиции на экономическую политику правительства. В период переговоров отдельные турецкие газеты писали о возможности укрепления экономических связей Турции с СССР и странами народной демократии.

Советский Союз искренне заинтересован в том, чтобы жить в мире с другими странами, развивать торговые и культурные связи со всеми странами и, особенно, со своими соседями. Советский Союз предпринял ряд шагов к улучшению отношений и с Турцией. На последней сессии Верховного Совета Союза ССР депутаты подчеркивали необходимость укрепления мирного сотрудничества с Турцией. Депутат М. М. Арушанян сказал: «Считаю необходимым заявить, что мы желаем, чтобы с соседним с нами турецким народом установились хорошие, добрососедские отношения. Советский Союз неоднократно проявлял свою инициативу в этом направлении. Мы ждем, что эта добрая инициатива найдет благожелательный отклик и с турецкой стороны»⁵².

Широкое развитие экономических и торговых связей между Советским Союзом и Турцией, а также между Турцией и странами народной демократии будет, несомненно, выгодным для обеих сторон.

⁵¹ «Zafers», 3 сентября 1952 г.

⁵² «Annuaire de statistiques agricoles et alimentaires», FAO, 1953, vol. VII, part I, 186.

⁵³ «Правда», 1 июня 1955 г.

⁵⁴ «Правда», 6 августа 1955 г.

О ФОРМАХ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ КРЕСТЬЯН В ИРАНЕ В XIII—XIV вв.

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

Изучение периода XIII—XIV вв. имеет исключительное значение для научной разработки социально-экономической истории средневекового Ирана. В этот период формы феодальной собственности на землю и воду¹, развитие иммунитета — налогового и судебно-административного, формирование феодальной иерархии в Иране достигли наиболее полного развития. Феодализм в Иране этого периода служил предметом изучения советскими историками (А. А. Али-заде, Б. Н. Заходер, А. Ю. Якубовский, А. М. Беленицкий, а также автор этих строк). При этом вопрос об изменениях в формах феодальной зависимости крестьян в Иране в данный период, по сравнению с предшествующими периодами, в частности вопрос о времени появления крепостничества в Иране, продолжает вызывать значительные споры. В связи с этим мы решаемся выступить с настоящей статьей.

Термины «закрепощение» и «крепостничество» в советской исторической литературе до настоящего времени употребляются в двух совершенно различных значениях. Одни советские историки понимают под крепостничеством всякую феодальную зависимость крестьянства и зарождение феодальных отношений в обществе отождествляют с закрепощением крестьянства. Другие советские историки понимают под крепостничеством лишь наиболее законченную и тяжелую форму феодальной зависимости. Характерными признаками такой формы являются: прикрепление крестьянина к его земельному держанию, запрещение перехода крестьянина от одного землевладельца к другому, зависимость крестьянина от феодала не только в силу земельного держания, но и в силу юридически оформленных личных прав феодала на крестьянина и судебно-административной власти над ним.

В. И. Ленин указывал, что внеэкономическое принуждение, или зависимость крестьянина от феодала, может принимать самые различные формы, и более жесткие, и смягченные. «Формы и степени этого принуждения, — говорил В. И. Ленин, — могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»².

¹ Наиболее четкую классификацию форм феодальной земельной собственности в Иране см.: В. Н. Заходер. История восточного средневековья. Халифат и Ближний Восток. М., 1944, стр. 75—76; см. также А. А. Али-заде. Земельная политика ильханов. Труды Института истории имени Бакиханова АН Азербайджанской ССР, т. I. Баку, 1947, стр. 5—21.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159. Достоин внимания, что прикрепление непосредственного производителя к земле В. И. Ленин считает необходимым собственно для барщинного хозяйства (см. там же, стр. 158).

К. Маркс также подчеркивал, что не всегда феодальная зависимость выливается в форму крепостничества. «Далее, ясно, — писал Маркс, — что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»³. Как видно из приведенной цитаты, и Маркс связывает крепостничество с барщинным трудом и считает крепостную зависимость (*Leibeigenschaft*), в настоящем смысле этого слова, необходимой при господстве отработочной ренты⁴.

Ф. Энгельс в своем классическом труде о великой крестьянской войне 1524—1525 гг. в Германии указывает на две основные формы феодальной зависимости, существовавшей в странах Западной Европы (например, в Германии XVI в.). Представителями этих двух форм были: крепостной крестьянин, лично зависевший от феодала, подчиненный его суду, прикрепленный к земле, вполне бесправный, и зависимый крестьянин, ограниченно зависевший от феодала в силу факта держания господской земли на определенных условиях, не лишенный свободы перехода. Если крестьянин «... был крепостным (*Leibeigener*), он находился всецело во власти своего господина; если же он был зависимым (*Höfiker*), то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы задавить его;...»⁵. Энгельс отмечает дальше, что после крестьянской войны 1525 г. «...многие зависимые крестьяне перешли в состояние крепостных...»⁶. Если не юридически, то фактически вторая форма — также личная зависимость, но значительно смягченная.

И во франкском раннефеодальном обществе Энгельс различает категории «свободного землевладельца», «подвластного, платящего оброк» и «крепостного»⁷. Говоря о происшедших в результате крестовых походов изменениях в положении крестьянства в странах Западной Европы в XIII в., Энгельс указывает, что «...постепенно крепостное право стало ослабевать, и положение крепостных приблизилось к простой зависимости»⁸. Равным образом, когда Энгельс отметил, что в средние века в королевстве Кастилии крестьяне никогда не были крепостными, то он, конечно, не думал отрицать существования феодализма и феодальной зависимости в средневековой Кастилии, он лишь указывал, что там эта зависимость не принимала формы крепостного состояния и прикрепления крестьян к земле, что там она существовала в смягченной форме. «В то время как в Кастилии крестьянин никогда не был крепостным, — писал Энгельс, — в Арагонии царил гнуснейшее крепостное право вплоть до декрета Фердинанда Кастилика от 1486 года»⁹.

Таким образом, классики марксизма-ленинизма утверждают, что феодальная формация всегда предполагает феодальную зависимость крестьянина, но не всегда эта зависимость принимает самую тяжелую форму, форму крепостного состояния. Эта зависимость может принимать и более мягкие формы, притом самые различные. Различие этих форм феодальной зависимости вытекает из бесконечного разнообразия конкретных форм фео-

³ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1953, стр. 803.

⁴ См. там же, стр. 803—804.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 125.

⁶ Там же, стр. 193—194.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 639.

⁸ Там же, стр. 640.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II. М., 1952, стр. 200.

дального хозяйства в разных странах, и порядок смены этих форм может быть также очень различным в разных феодальных обществах. Приведенные выше указания классиков марксизма относительно связи крепостного состояния с барщинным хозяйством и отработочной рентой, в частности, указание Маркса на то, что обычно крепостное состояние возникало из барщины, очень важны для изучения феодального развития средневекового Ирана, не знавшего барщинного хозяйства. «Там, где существовала барщина, — писал Маркс, — она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины. Так было в румынских провинциях»¹⁰.

Существование феодальной зависимости крестьянства в средневековом Иране и в сопредельных странах Передней и Средней Азии, конечно, не вызывает сомнения. Уже в V в. н. э. часть крестьянства Ирана находилась в зависимости от землевладельцев. Позднее, между VIII и X вв., в состоянии феодальной зависимости оказалось огромное большинство крестьянства Ирана. Но приняла ли здесь эта феодальная зависимость и когда именно форму крепостного права, прикрепления крестьян к земле и запрещения права перехода? Вопрос этот неоднократно затрагивался в трудах советских историков-востоковедов, однако чаще всего лишь в общих чертах и мимоходом, не подвергаясь детальному и специальному изучению.

Акад. В. В. Бартольд впервые в 1923 г. высказал мнение, что при монгольском владычестве крестьяне в Иране были прикреплены к земле¹¹. Этот вывод основывался на недостаточно ясном сообщении Хамдаллаха Казвини. Вопрос этот, видимо, оставался не вполне ясным для В. В. Бартольда и значительно позднее, когда он утверждал, что «в мусульманском мире нет крепостного права» и что там «крестьяне не прикреплены к земле, они могут свободно передвигаться»¹².

Несмотря на эти противоречия, вскользь высказанная В. В. Бартольдом мысль о прикреплении крестьян к земле именно при монгольском владычестве оказалась одной из тех плодотворных догадок, которыми было так богато научное творчество В. В. Бартольда.

Ученик В. В. Бартольда чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский подходил к данному вопросу с сугубой осторожностью, указывая на неизученность вопроса¹³ и недостаток источников¹⁴. А. Ю. Якубовский писал, что в трактате Низам ал-Мулька «Спасет-наме» отрицается юридически оформленное прикрепление крестьян к земле¹⁵. Все же А. Ю. Якубовский склонен был допустить, что прикрепление крестьян к земле было связано с развитием военного лена — «икта» в XI в.¹⁶ В дальнейшем, однако, А. Ю. Якубовский отказался от этого вывода (см. ниже).

Проф. Б. Н. Заходер установил, что в X в. свободное крестьянство еще существовало местами в Иране (в Хорасане)¹⁷ и что к XIII в. оно со-

¹⁰ К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1953, стр. 242.

¹¹ См. В. В. Бартольд. К истории крестьянских движений в Персии. Сб. «Из далекого и близкого прошлого». Пг., 1923, стр. 58—60.

¹² В. В. Бартольд. К вопросу о феодализме в Иране. «Новый Восток», 1930, № 28, стр. 119.

¹³ А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, вып. 3. М.—Л., 1932, стр. 49.

¹⁴ «История народов Узбекистана», т. I. Ташкент, 1950, стр. 290.

¹⁵ Там же; Низам ал-Мулька. *Абу Али Хасан ибн-Али. Спасет-наме* Сайяр ал-мулк. С предисл. и под ред. Сейида Абд-ар-Рахима Хальхали (в дальнейшем — «Спасет-наме»). Тегеран, «Хуршид», 1931, стр. 22.

¹⁶ «История народов Узбекистана», т. I, стр. 290.

¹⁷ Б. Н. Заходер. Хорасан и образование государства Сельджуков. «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 127.

вершено исчезло. Б. Н. Заходер все же полагал, что к XI в. сложилось «если не крепостное, то полукрепостное положение крестьянства»¹⁸, и что при Сельджукидах крестьянство было «фактически закрепощено» и «лишено права покидать свое место жительства»¹⁹.

Акад. В. А. Гордлевский в монографии «Государство Сельджукидов Малой Азии» приходит к выводу, что в Малой Азии до монгольского владычества «крестьяне, лично свободные, имели право переходить от одного феодала к другому»²⁰.

В. А. Гордлевский полагает, что прикрепление крестьян к земле в Малой Азии было узаконено при монгольском государе Газан-хане в начале XIV в. и потом было подтверждено в XVI—XVII вв., как видно из документов Ахмеда Рефика²¹.

Однако историк А. А. Али-заде не разделяет эту точку зрения. «Мы склонны утверждать, — говорит А. А. Али-заде, — что и до появления ярлыков Газан-хана (включая и домонгольскую эпоху) крепостная зависимость в той или иной форме существовала; и крестьяне были прикреплены к земле»²². Но А. А. Али-заде все же признает, что «в источниках домонгольского времени пока еще не обнаружено прямых указаний на прикрепление крестьян к земле»²³.

В своей последней работе А. А. Али-заде высказывается осторожнее: «В период, предшествующий монгольскому завоеванию, ...определенная часть крестьян была фактически прикреплена к земле», но «это положение не было оформлено. Юридическое оформление проводилось в дальнейшем, после завоевания монголами Передней Азии, в том числе и Азербайджана»²⁴.

А. М. Беленицкий полагал, что прикрепление крестьян к земле в Иране было впервые установлено при Газан-хане²⁵.

Автор этих строк еще в 1937 г. отмечал факт прикрепления крестьян к земле в странах Среднего Востока при монгольских ханах²⁶. Затем мы указывали на запрещение права перехода и позднее, в XVII—XVIII вв.²⁷. Подробно изложен нами данный вопрос в специальной статье, опубликованной в 1947 г.²⁸ Главный вывод этой статьи заключался в том, что до монгольского завоевания в Иране не существовало юридического при-

¹⁸ Б. Н. Заходер. История восточного средневековья, стр. 76.

¹⁹ Там же, стр. 93.

²⁰ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 93.

²¹ Там же, стр. 95.

²² А. А. Али-заде. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при ильханах (XIII—XIV вв.). «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. I. Баку, 1949, стр. 132; см. также: А. А. Али-заде. Виды земельной собственности и налоговая система ильханов в Азербайджане (XIII—XIV вв.). «Известия АзФАН», 1942, № 4.

²³ А. А. Али-заде. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при ильханах (XIII—XIV вв.), стр. 132.

²⁴ А. А. Али-заде. История Азербайджана XIII—XIV вв. (социально-экономические отношения и политическая история). Автореферат докт. дисс. Баку, 1954, стр. 9.

²⁵ А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху. «Советское востоковедение», т. V. М.—Л., 1948, стр. 120—121.

²⁶ Н. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. «Известия АН СССР», отд. общественных наук, 1937, № 4, стр. 887—888.

²⁷ Н. П. Петрушевский. Персидские официальные документы XVI—начала XIX в. как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. «Проблемы источниковедения», т. III. М.—Л., 1940, стр. 42—43; см. также Н. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 249—262.

²⁸ Н. П. Петрушевский. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 59—70.

крепления крестьян к земле и запрещения права перехода. Юридическое закрепощение было установлено при монгольском владычестве, однако не при Газан-хане, а еще при первых монгольских ханах. Газан-хан же в своем ярлыке лишь подтвердил существовавший уже до него порядок. А. Ю. Якубовский в одной из своих последних работ согласился с этим нашим выводом, отметив, что «И. П. Петрушевский в своей упомянутой выше статье доказал, что монголы принесли с собой привычные им представления о прикреплении людей и запрещении права перехода»²⁹.

В настоящей статье мы приведем некоторые новые данные в защиту высказанных нами ранее положений.

* * *

Вопрос о формах феодальной зависимости крестьян в Иране и сопредельных странах в раннее средневековье совсем не изучен. В частности, положение крестьян в Иране при Сасанидах не освещено источниками сколько-нибудь ясно. Но один известный нам из официальной летописи Сасанидов, переработанной Табаром, факт указывает на отсутствие юридически признанного прикрепления крестьян к земле в Иране в этот период³⁰. Незадолго до восстания маздакитов, во время голода, сасанидский царь Валаш (484—488), узнав, что одно селение³¹ оказалось покинутым, ибо разоренные крестьяне принуждены были выселиться, велел наказать дехкана этого селения³² за то, что он не оказал крестьянам помощи в средствах существования. При этом не было и речи о сыске беглых крестьян и о наказании их.

В столетия, предшествующие монгольскому завоеванию, насколько нам известно, источники, а также исследователи средневекового Ирана не сообщают каких-либо ясных данных о закрепощении крестьян в Иране и сопредельных государствах Востока.

Мусульманское право, сложившееся между VII и XI вв., не знало крепостного состояния и особой категории крепостных людей. Оно знало лишь состояния: а) свободного мусульманина; б) зиммиа, т. е. христианина, еврея или зороастрийца, подданного мусульманского государства, лично свободного, но политически бесправного и в) раба, в принципе пленника-иноверца или потомка рабов-иноверцев. Таким образом, в мусульманских государствах Передней и Средней Азии до XIII в. крепостное состояние юридически не признавалось. Податное сословие (араб. *ра'ийат*, множ. число *ра'айа*) — горожане и крестьяне, формально признавались людьми лично свободными. Фактическая феодальная зависимость крестьян от феодалов существовала благодаря факту земельного держания, в силу передачи государством служилым людям и духовенству на разных условиях (икта, вакф) или безусловно (мульк) населенных земель с правом взимать в свою пользу целиком или частью харадж и другие подати. При этом налог превращался в ренту. В XI в. Низам ал-Мульк прямо говорит, что владелец икта не имел никаких прав на личность («тело») крестьянина

²⁹ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXVIII, 1949, стр. 42.

³⁰ At-Tabari, Abū Ḡaḡar, Muhammad b Ḡarir. Annales quos scripsit Abu Ḡaḡar Mohammed ibn Ḡarir at-Tabari. Cum aliis ed. M. J. de Goeje (в дальнейшем — ат-Табари), ser. I, vol. II. Leyden, 1879, p. 883.

³¹ В тексте ат-Табари — *бейт* (араб.), буквально «дом»; это, видимо, синоним. перс. термина *кеда*, как известно, употреблявшегося в значении сельской общины (сначала большесемейной, позднее соседской).

³² В тексте ат-Табари *صاحب القرية* господин селения.

и членов его семьи, на его земельный участок и хозяйство, а имел право лишь на взимание ренты³³. Таково было формально-юридическое положение крестьянина. В течение XII в. феодалы присвоили себе судебно-политическую власть над крестьянами³⁴. Однако мы не имеем сведений, которые говорили бы о том, что до XIII в. феодальная зависимость крестьян приняла форму закрепощения, с запрещением права перехода.

Напротив, мы имеем указания источников на то, что до монгольского завоевания даже в случае массового бегства крестьян феодальное государство не применяло принудительных мер. Вот несколько подобных примеров. В предисловии автора к известной поэме Фахр-ад-дина Гургани «Вис и Рамин» (написана около 446 г. х., т. е. 1054/5 г. н. э.) мы находим рассказ о том, что Исфаханский оазис при завоевании его сельджукскими огузами был до такой степени разорен, что крестьяне разбежались. Ходжа «Амид Абу-л-Фатх Музаффар, персидский везир сельджукского султана Тогрул-бека, податными льготами и пособиями привлек крестьян на прежние места поселения, не прибегая к принудительным мерам или приказам³⁵. Об этом же возвращении разбежавшихся крестьян Исфаханского оазиса на места, с обещанием предоставить освобождение от податей на три года, рассказывает и побывавший в Исфахане вскоре после его завоевания сельджуками Насир-и Хосров, также не упоминая ни о каких принудительных мерах³⁶. По словам историка Равенди, на рубеже XII и XIII вв., от тирании и тяжести податей крестьяне округов Хамадан, Рей и других разбежались и становились бродягами (аварэ) и умирали от голода³⁷. При этом не только не говорится о сыске и возвращении беглых, но, напротив, упоминается, что правитель Хамадана Айтогмыш, производя конфискацию земель, изгонял крестьян из их жилищ, дабы завладеть

³³ «Спасет-наме», стр. 22; пер. Б. Н. Заходера, стр. 34.

³⁴ См., например, грамоту хорезмшаха Текеша о пожаловании Барчилигкента сипахсалару Тадж-ад-дину Али. *Баха-ад-дин Мохаммед ибн-Моайед Багдади*. Князь ат-тавассулия-т-тарассуль. Под ред. Ахмеда Бахманяра. Тегеран, 1937, стр. 38—43. Отрывок см. в кн. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. СПб., 1898, тексты, стр. 74—75.

³⁵ Фахр-ад-дин Гургани. Вис и Рамин. Ред. и прим. Муджтеби Минови. Тегеран, «Верухим», 1935, стр. 23:

همه دیدند دهءاء صفاهان که بکسر جویباران بود ویران
زدهها مردمان آواره گشته همه بی توشه و بی باره گشته* چونام
او شیندند آمدند باز ز کوهستان و خوزستان و شیراز* یکایک
را بدیوان خواند و بنواخت بدادش گاو و تخم و کبک و کبک
ساختم* بنوماه آن ولایت را چنان کرد که کس باور نکردی
کین توان کرد

«Все видели селения Исфахана, разоренные от разрушения каналов; Люди из селений стали скитальцами, все стали нищими и обездоленными; Как услаивали имя его (Абу-л-Фатха Музаффара), снова пришли из Кухистана, Хузистана и Шираза.

Каждого поодиночке он вызвал в диван и обласкал, дав ему быков и семена и устроив дело его.

В два месяца он тот вилайет (Исфаханский) сделал таким, что никто не верил, что это можно свершить».

³⁶ Nasir ibn Khusrav. Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau... publié, traduit et annoté par C. Schefer (в дальнейшем — «Сафар-наме»). Paris, 1881, p. 93; «Сафар-наме», рус. пер. Е. Э. Бертельса. М.—Л., 1933, стр. 198.

³⁷ «The Rāhat us-sudur wa āyat-us-surar being a history of the Saljuqs. By Muhammad ibn 'Alī ibn Sulaymān ar-Rāwandī. Ed. with notes, glossary and indices by Muhammad Iqbal». «E. J. W. Gibb memorial series». Leyden — London, 1921, p. 37.

از جور و ظلم آواره شدند و از قحط ببردند

их земельными участками³⁸. Подобные факты при режиме прикрепления крестьян к земле были бы невозможны.

По сообщению Мохаммеда ибн Кайса Рази, атабек Фарса Абу Бекр (1226—1260) из династии Салгуридов, после первого вторжения монголов в северный Иран (1220 г.), но еще до завоевания ими Фарса, принял ряд мер для поднятия доходности сельского хозяйства. В частности, он податными льготами снова привлек на исконные места поселения разбегавшихся крестьян. При этом опять-таки ничего не говорится о приказах вернуться на места и о каких-либо принудительных мерах³⁹.

Нам представляется, что отсутствие в источниках сведений о прикреплении крестьян к земле в Иране, о запрещении перехода и о принудительном возвращении беглецов на места приписки не случайно. До монгольского завоевания феодальное государство, видимо, не было заинтересовано в закреплении крестьян и насильственных мерах. При отсутствии крупного барщинного собственного хозяйства феодалов, в условиях оазисного орошаемого земледелия с мелкими, часто карликовыми земельными участками, при относительно малоземелье и в то же время при густом населении страны, в деревне не было недостатка в рабочих руках и в держателях-издольщиках. Издольная система на ранних этапах своего существования предполагала право прекращения аренды земли как со стороны собственника земли, так и со стороны держателя-издольщика. И собственник земли всегда мог заменить ушедшего издольщика другим. Массовый же уход крестьян в феодально-зависимых сельских общинах был крайне затруднен вследствие косвенных мероприятий властей — введения круговой поруки: постоянная цифра податей, натурой или деньгами, как известно, устанавливалась для всей сельской общины, которая должна была путем раскладки принять на себя уплату податей за ушедших крестьян.

Крепостническая политика монгольских ханов в Иране и сопредельных странах была, прежде всего, закономерным следствием дальнейшего развития форм феодальной земельной собственности, военно-ленной системы и иммунитета и большого роста размеров феодальной ренты. Из всего

³⁸ «The Rāhat us-sudur wa āyat-us-surur being a history of the Suljuqs», стр. 395:

روستایی بیچاره را از خانه آواره کردند

³⁹ Muhammad ibn Qais (Shams ud-Din). Al-Mu'jam fi Ma'ayiri ash'ari'l-'ajam. A treatise on the prosody and poetic art of the Persians by Shams ud-Din Muhammad ibn Qays ar-Rāzi, edited by Mirza Muhammad ibn Abdu'l-Wahhab of Qazwin. [With English abstract by E. G. Browne.] «E. J. W. Gibb memorial series», p. 9*.

ساکنان قری و مزارع که بسبب غلا سر و تضرر
زراعت بجلا مبتلی شده بودند از شمول معذلت و عیوم
مرحمت اوروی باوطن مالوف باز نهاده قحط و تنگی نواحی
ازین نقیبت او برخض و فراخی مبتل شده

«Жители селений (кура, мн. ч. от карйа) и поместий (мазари, мн. ч. от мазра'а), как-то, из-за дороговизны цен и трудности [занятия] земледелием, выселившись, испытывали бедствия, благодаря всем [делам] справедливости и милосердия его [атабека], слова обратили лицо к исконным местам поселения; голод и нужда в местностях, благодаря правлению его, сменились дешевизной и изобилием». По словам того же автора, в результате податных льгот, проведенных атабеком, «крестьяне-издольщики (берзгеран) в отдаленных местностях, спокойные и свободные, сеют и жнут» (там же):

و برزگران در مواضع دوردست فارغ و آزاد تخم
میکارند و میروند

этого вытекало усиление власти феодалов над крестьянами⁴⁰. Но закрепощение стимулировалось и изменениями в сельском хозяйстве, вызванными монгольским завоеванием.

Монгольское завоевание вызвало глубокие изменения в экономике завоеванных стран: общий упадок орошения и сельского хозяйства стран и огромное сокращение численности населения, стало быть сокращение налогоплательщиков и рабочих рук в деревне и сокращение площади обработанных земель, в некоторых областях до 1/10 части всей площади, годной к обработке⁴¹. Если раньше орошенной земли не хватало для многочисленного сельского населения, то теперь, напротив, необработанных и пустующих земель было много, а рабочих рук мало. Между тем налоговая политика завоевателей, резкий рост феодальной эксплуатации, жестокий произвол и насилия феодалов, особенно военно-кочевой знати, эксплуатировавшей феодально-зависимых оседлых крестьян, вызвали массовые побег крестьян. Теперь феодальное государство и класс феодалов, особенно военно-кочевая знать, были заинтересованы в запрещении права перехода и принудительном возвращении беглых крестьян.

Это и стимулировало крепостнические мероприятия монгольских ханов. Им не пришлось придумывать новые меры в этой области. Монгольские ханы распространили на оседлое земледельческое население те положения чингизхановой ясы, которые запрещали кочевникам покидать свою сотню и тысячу и своего вождя. Но это распространение чингизхановой ясы на оседлых райиатов Ирана и сопредельных стран не совершалось чисто механически. Оно вызывалось изменениями в феодальной экономике, интересами государственного фиска и феодальной верхушки.

Закрепощение проводилось и в других частях империи Чингизидов, прежде всего в Монголии. Там рядовой воин-кочевник — харачу (не раб), считался крепостным (албату, арат) и был прикреплен к своему господину и его кочевью. Бегство арата от своего господина считалось преступлением⁴². Связь между господином и крепостным считалась нерасторжимой⁴³, кроме тех случаев, когда сам господин отдавал аратов в приданое⁴⁴ или дарил их своему нукеру-вассалу⁴⁵.

Этот порядок был закреплен в чингизхановом законнике, навязанном завоевателями покоренным странам. Яса Чингиз-хана в том виде, в каком она соблюдалась в Иране, изложена у Джувейни. Вот что говорит Джувейни о запрещении права перехода на основании законов Чингиз-хана⁴⁶: «И другой закон (яса) таков, что никакой человек из тысячи, сотни и десятка, кто там причислен, не может уйти в другое место и об-

⁴⁰ См. высказывание К. Маркса о высшей власти феодала в суде и военном деле (иммунитет) как атрибуте земельной собственности. К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1953, стр. 339.

⁴¹ Рашид-ад-дин. Джами'-ат-таварих. Стамбульская рукопись (фотокопия ИВАН; в дальнейшем — «Джами'-ат-таварих»), л. 673; «Сборник летописей», рус. пер. А. К. Арсенса, т. III. М.—Л., 1946, стр. 309.

⁴² См. «Сокровенное сказание» — Юань-чао-би-ши; рус. пер. с транскрипцией текста и словарем, изд. акад. С. А. Коэни. М.—Л., 1941, стр. 177 (рассказ о беглых аратах Отчигина, приведен в цит. нашей статье «К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране». «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 62—63); см. также В. Я. Владимирица. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 97, 111.

⁴³ «Сокровенное сказание», стр. 141—142, 155.

⁴⁴ Там же, стр. 142, 162.

⁴⁵ Там же, стр. 140.

⁴⁶ «The Tārīkh-i-jahān-gushā of Ala'ud-dīn 'Atā Malik-i Juwayni. Ed. with an introd., notes and indices from several old mss by Mirza Muhammad ibn Abdu'l Wahhab-i Qazwini» (в дальнейшем — Джувейни). Leyden — London. «E. J. W. Gibb memorial series», vol. I, p. 24.

рести убежище у кого-нибудь другого, и никто того человека к себе пустить не может⁴⁷. И если кто-нибудь поступит вопреки этому приказу, то того человека, который совершит переход, в присутствии людей убьют, а того человека, который его пустит к себе, подвергнут наказанию и истязанию. И по этой причине никакая тварь никого другого к себе пустить не может. К примеру, если бы и государев сын был, меньшого человека к себе не пустит и [нарушения] ясы остерегается⁴⁸. И другие дошедшие до нас варианты ясы говорят то же⁴⁹.

Приведенный закон в первую очередь относится, конечно, к военно-обязанным феодального ополчения (черик) — как монгольским, тюркским и курдским кочевникам, так и к оседлым таджикам, персам, азербайджанцам и другим, — причисленным к подразделениям ополчения — тысячам, сотням и десяткам, начальники которых — тысяцкие, сотенные и десятские эмиры — были чаще всего наследственными господами этих людей. Но понятия «тысячи», «сотни» и «десятка» означали не только подразделения ополчения, но и поставлявшие их военно-административные единицы со всем их населением, также и те территории икта⁵⁰ с прикрепленными к ним крестьянами, которые были отданы военным-ленникам тысяч, сотен и десятков. Из изложения ясы у Джувейни ясно, что яса относилась ко всем подданным Монгольской империи без различия, кочевникам и оседлым⁵¹.

Можно предполагать, что практика прикрепления ра'ийатов к месту приписки, наподобие прикрепления кочевников к их военно-племенным подразделениям во главе с нойонами (эмирами), в Иране и сопредельных странах проводилась вместе с переписью всего мужского населения, начиная с десятилетнего возраста, объявленной по указу великого хана Муикэ-каана в 1254 г.⁵², если еще не раньше. Армянский историк инок Магакян рассказывает, что людей, внесенных в списки налогоплательщиков, но бежавших с места приписки, ловили, вязали, секли беспощадно⁵³.

Крепостнические законы первых Чингизидов связаны также с трактовкой ясою феодальной зависимости как личной, а не поземельной зависимости, — что противоречило букве мусульманского права. Существование такой трактовки видно и из приведенного отрывка из ясы «Сокровенного сказания». Далее, монгольский термин «инджу», который в коренной Монголии обозначал личное имущество знатных людей — кочевье, скот, крепостных — аратов, рабов, в Иране и сопредельных странах получили значение собственного имущества членов ханской фамилии. Под «инджу» понимались не только земли ханской фамилии, но и сидевшие на них вассалы (пукеры), крестьяне, горожане и всякого положения люди, ком-

⁴⁷ Джувейни, т. I, стр. 24.

و یاساء دیگر آن است که هیچ مرد از هزاره و صد و ده که در آنجا معبود باشد بجائی دیگر نتواند رفت و بدیگری پناه نتواند گرفت و کسی آنکسی را بخود راه نتواند داد

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Григорий Абу-л-Фарадж бар Эбрайя. Chronicon Syriacum, Изд. Бёджа, пер. с англ. Лондон, 1932, стр. 354—355; «История первых четырех ханов из дома Чингисова», пер. с кит. монаха Иакнифа (Бичурина). СПб., 1829, стр. 231.

⁵⁰ О военных ленах икта упоминается уже в изложении ясы у Джувейни. Джувейни, т. I, стр. 23: اقطاع لشکر

⁵¹ См. там же, стр. 22.

⁵² Подробности см. у армянского историка Киракоса Гандзакского. История. Франц. пер. М. Броссе, стр. 175.

⁵³ Магакян, инок. История монголов. Пер. К. Патканов, стр. 8.

мендировавшие себя под патронат ханов, их жен (хатун) и царевичей⁵⁴. Источники приводят примеры, когда ханам и знатым людям лично принадлежали тысячи прикрепленных людей⁵⁵.

И. Я. Златкин в своей статье «К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов» отрицает высказанную нами в упомянутой статье, а еще раньше Б. Я. Владимирцовым точку зрения на феодальную зависимость у монголов XIII в. как на личную⁵⁶. Никаких доказательств и вообще никакого конкретного анализа источников И. Я. Златкин не приводит, исходя только из своей абстрактной схемы. Согласно этой схеме, коль скоро основным средством производства в кочевых (как и в оседлых) феодальных обществах была земля, то и кочевник мог быть прикреплен только к земле, а не к личности господина. По мнению И. Я. Златкина, утверждать возможность прикрепления арата к личности господина — значит отрицать роль земли как основного средства производства⁵⁷.

Но такое мнение вытекает из упрощенного понимания крепостничества, из смешения экономического содержания феодальной зависимости с ее правовыми формами, которые могут быть весьма различны. И. Я. Златкин упускает из виду, что даже в ряде оседлых земледельческих феодальных обществ, как, например, в царской России, крестьянин был прикреплен к личности господина, который мог переселить крепостного или продать без земли, хотя нет сомнения, что и здесь земля была основным средством производства.

Что касается монголов XIII в., то, конечно, земля (пастбища) была у них основным средством производства. Но во время сперва племенных войн монголов, а потом обширных монгольских завоеваний и связанных с ними миграций, пастбищные территории не были постоянными величинами. По крайней мере до начала XIV в. пастбищная территория того или другого монгольского феодала-кочевника часто изменялась, к тому же зимние равнинные и летние нагорные кочевья монголов в Иране, как известно, нередко отстояли одни от других на несколько сот километров, тогда как зависящая от него родовая или племенная община аратов оставалась величиной постоянной. С этим, а также с военной организацией монголов, видимо, и была связана правовая форма личной крепостной зависимости⁵⁸.

Эту правовую форму прикрепления к личности господина, чуждую мусульманскому праву, завоеватели пытались распространить и на крестьян-ра'ийатов в Иране. Это видно из того, что ра'ийатов в Иране иногда, не официально, а в быту, по их правовому положению приравнивали к рабам — смешение, раньше невозможное и недопустимое с точки зрения мусульманского права. В ярлыке Газан-хана о военных ленах — икта' 1303 г. сделана любопытная оговорка: владельцы икта' не должны называть своих крепостных крестьян рабами. «Пусть, — говорится в ярлыке, — они (владельцы икта'. — И. П.) не говорят, что, мол ра'ийаты этих местностей отданы нам в икта', они — наши рабы (букв. асир'положники'. — И. П.)»⁵⁹. Если понадобилось запрещать подобный взгляд

⁵⁴ См. об этом: Quatremère. Histoire des Mongols de la Perse, vol. I, p. 130—132, прим. 12 (там же приведены тексты).

⁵⁵ Вассаф, литогр. изд. 1269 г. х., стр. 51; подробнее см.: И. П. Петрушевский. Из истории Бухары в XIII в., «Ученые записки ЛГУ», серия востоковед. наук, вып. I, 1949, стр. 114—116.

⁵⁶ «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 78 сл.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См. Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 97, 111.

⁵⁹ «Джами'-ат-таварих», л. 653; «Сборник летописей», т. III, стр. 284: «Да чтобы не говорили: ра'ийаты до этих мест, которые нам отданы в икта', — наши невольники».

на крестьян, то, очевидно, он был распространен в среде монгольской военно-кочевой знати. В одном рассказе из жития шейха Сафи ад-дина Ардебилли⁶⁰ кабальная зависимость крестьян, вызванная долговыми обязательствами, также рассматривалась как личная и смешивалась с рабством (асири).

Газан-хан в ярлыке 1303 г. о военных ленах-икта⁶¹, конечно, не установил прикрепления крестьян к земле впервые. В ярлыке только еще раз подтверждено правило чингизхановой ясы о запрещении перехода. Содержания ярлыка⁶¹ текстуально мы здесь не приводим: он неоднократно цитировался в работах советских историков⁶². В ярлыке предписывалось вернуть беглых крестьян на места исконного поселения, а землевладельцам запрещалось принимать к себе беглых.

На наш взгляд, ярлык Газан-хана, при котором монголы приняли ислам, следует рассматривать как попытку юридического компромисса между чингизхановой ясой и мусульманским правом: в соответствии с ясой сохранено было запрещение перехода ра'ийатов, но вместе с тем, в соответствии с мусульманским правом, крестьяне трактовались как юридически свободные люди. Согласно ярлыку, владельцы не могли по произволу переселять крестьян из одного селения в другое, нельзя было распоряжаться ими, как угодно, нельзя было их смешивать с рабами. Согласно этому ярлыку, крестьянин прикреплен не к землевладельцу, а к месту своей приписки и к податному списку данной местности.

Это стремление к компромиссу между монгольской ясой и мусульманским правом характерно для всей внутренней политики Газан-хана. О прикреплении крестьян к определенной местности, к месту приписки сообщают и другие источники последующего времени. Благодаря этому крепостничество в Иране существенно отличалось от крепостничества, например, в Грузии и в России. В Иране крестьянин прикреплен был не к господину, а к земле; его, следовательно, нельзя было продать, передать в другие руки или завещать иначе, как вместе с землей, точнее говоря, вместе со всей деревней или имением, или с частью его. Но личная свобода крестьянина, разумеется, была не более, как юридической фикцией, понадобившейся государству собственно для того, чтобы формально не нарушить букву мусульманского права. На практике крестьянин в XIII—XIV вв. был крепостным, существом вполне бесправным. Принцип точной фиксации податей и повинностей крестьян, иначе говоря, рент-налога, установленный при Газан-хане, много раз нарушался, и соблюдение или нарушение этого принципа зависело от воли и произвола финансовых чиновников и землевладельцев.

Ярлык Газан-хана примечателен и еще в одном пункте: не было больше речи о смертной казни для беглых крестьян, не говорилось и о наказании их; очевидно, оно предоставлено было на волю владельцев селений. Требовалось лишь возвращение беглых на места их приписки, следовательно, к их владельцам. И в рассказах источников последующего времени нигде уже не слышно о смертной казни как наказании за побег крепостного крестьянина, речь идет лишь о возвращении на места исконного поселения. Это легко объясняется тем, что в XIII и в XIV вв. бегство крестьян принимало огромные размеры. Рашид-ад-дин рисует картину почти пол-

ного запустения Йездского оазиса в результате массового бегства разоренных крестьян⁶³. Применять смертную казнь к беглым крестьянам было невыгодно ни для государства, ни для отдельных феодалов.

Другой ярлык Газан-хана — о заселении запустевших земель — запрещает переходить на другие места также и крестьянам, сидевшим на землях частных землевладельцев (маллак), т. е. на мульковых (аллодиальных) землях, а другим землевладельцам — принимать этих беглецов к себе⁶⁴. Из этого ярлыка, а также из других источников (особенно «Да-стур-ал-катиб») видно, что прикрепление к земле распространялось не только на крестьян, сидевших на землях военных ленов-икта⁶⁵, но на всех крестьян, независимо от того, на землях какой категории феодальной собственности они сидели.

Срок для сыска беглых крестьян, как видно из ярлыка Газан-хана, был установлен в тридцать лет. Этот срок признавался законным и долгое время спустя. По крайней мере, тридцатилетний срок для сыска беглых крепостных удержался в последующем грузинском законодательстве, именно в законах атабега Юго-Западной Грузии — Месхетин (Самцхе Саатабаго), известного Акбуги⁶⁶.

Как применялись указы о прикреплении при Газан-хане и его ближайших преемниках? Данные источников отрывочны, но из них все же видно, что ильханские власти во всяком случае применяли строгие меры против беглых крестьян. Рашид-ад-дин говорит, что для возвращения множества беглых крестьян, уходивших со своих мест приписки в другие области, посылались специальные чиновники⁶⁷. Рашид-ад-дин в своих письмах упоминает также о массовом бегстве крестьян округа Бам в Кермане⁶⁸. Поскольку побег здесь вызваны были притеснениями местных властей и войск, Рашид-ад-дин, приказывая своему сыну Махмуду, правителю Кермана, вернуть крестьян на места их исконного поселения, в то же время обещал им льготу — освобождение от податей на три года. Но это было исключение, вызванное вынужденным характером бегства крестьян и их полным разорением.

При ильхане Ольджайту-хане возникло громкое дело, о котором упомянуто в ряде источников, — дело о возвращении на места многих ра'ийатов округов Мерва, Серахса, Абиверда, Джама и Хафа, бежавших от притеснений во владения меллика хератского Фахр-ад-дина Курта. Рашид-ад-дин писал своему сыну Гийас-ад-дину Мухаммеду, который был заместителем наместника Хорасана, дабы тот «возвратил их на старинные места поселения»⁶⁹.

Прочному прикреплению крестьян к земле мешало, помимо сопротивления крестьян (побеги и восстания), то, что отдельные феодалы, нуждаясь в землепашцах-издольщиках, охотно принимали к себе беглых ра'ийатов, как это видно из цитированных ярлыков Газан-хана из рассказа о мелике хератском.

⁶³ «Джами'-ат-таварих», л. 628; «Сборник летописей», т. III, стр. 251—252.

⁶⁴ «Джами'-ат-таварих», л. 680—681; «Сборник летописей», т. III, стр. 312. Но при этом землевладельцам разрешалось принимать к себе таких ра'ийатов, которые не числились в податных списках никакой местности. Видимо, это были давние «бродяги», вроде «ненормирующих родства» в России в крепостное время.

⁶⁵ См. «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI». Под ред. Л. З. Бакрадзе. Тифлис, 1887, раздел «Законы Акбуги», стр. 107 сл.

⁶⁶ «Джами'-ат-таварих», л. 623; «Сборник летописей», т. III, стр. 251.

⁶⁷ «Мукатебат-и Рашиди», № 5, лахорское изд., перс. текста проф. Хан Бахадур Мухаммеда Шафи, стр. 11—12; то же, рукопись ИВАН, л. 66.

⁶⁸ «Мукатебат-и Рашиди», № 27, лахорское изд., стр. 146; то же, рукопись ИВАН, л. 586; Сейфи Хереси. Тарих-намэ-и Херат. Калькуттское изд. перс. текста, 1944, стр. 464; Хафиз-и Абру. Зейл-и Джами'-ат-таварих, изд. перс. текста Хансаба Байани, стр. 20.

⁶⁰ Манакиб-и шейх-и Сафи ад-дин Ардебилли, рукопись ИВАН Узб. ССР, № 4357, л. 2026; перевод текста см. «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 68—69.

⁶¹ Текст ярлыка см. «Джами'-ат-таварих», л. 651—658; см. «Сборник летописей», т. III, стр. 282—285.

⁶² См., например, И. П. Петрушевский. Хамдаллах Казвини ... «Известия АН СССР», отд. общественных наук, 1937, № 4, стр. 885—888; А. А. Али-заде. К вопросу об институте икта. ССИА, т. I, стр. 131—132.

Прикрепление крестьян к земле и запрещение перехода сохранилось в Иране и после распада государства Хулагуидов, при Джелаиридах. Частые упоминания о беглых крестьянах мы находим в персоязычных официальных документах сборника «Дастур-ал-катиб»⁶⁹. В качестве причины бегства ра'ийатов в этих документах чаще всего указана тяжесть податей вообще и чрезвычайных податей (таклифат) и диванских ассигновок (хавалат) на взыскание сверхсметных сборов с ра'ийатов, в частности, затем — произвол и незаконные поборы и вымогательства местного правителя (хакима), иногда — разорение (харабэ) данной местности⁷⁰. Документы не упоминают, как о причине бегства крестьян, о произволе и притеснениях землевладельцев. Конечно, это не значит, что землевладельцы не притесняли своих крестьян, а значит только, что государство не вмешивалось во взаимоотношения частновладельческих крестьян и их господ. Оно, однако, требовало от владельцев икта' принудительного возвращения беглых крестьян на места их приписки⁷¹, так же, как то было оговорено в ярлыке Газан-хана о наделении войска землями икта'.

И при Джелаиридах центральная власть постоянно требовала от правителей и местных феодальных владетелей принятия мер к возвращению беглых крестьян на места их приписки⁷². Приведем здесь, в виде примера, полностью один документ — формуляр, т. е. образец указа о возвращении беглых ра'ийатов: «Ныне прошел слух, что ра'ийаты такой-то местности, по причине множества обложений (хавалат) диванских и разорения (хараби), каковое постигло их из-за разных бедствий, выселились со [своих] мест поселения и рассеялись по всяким местностям. И ради их упования на покровительство выпел сей указ (хукм), дабы, куда бы они ни ушли, пусть [снова] придут в полном довольстве на исконные места поселения. И пусть не стремятся уходить и бродяжничать. И в наблюдении и попечении над ними (ра'ийатами) да не будет нерадивости. Пусть сведующие старосты (кедхуды) придут в диван и изъяснят обстоятельства смиренного люда ('аджазэ) и свои обиды, дабы было проявлено попечение об исправлении [их] обстоятельствах. Правители (хуккам) [прочих] вилайетов пусть не оказывают им (беглым ра'ийатам) покровительства (не принимают их к себе)⁷³ и пусть со всею поспешностью отправляют их на исконные места поселения»⁷⁴.

⁶⁹ «Дастур-ал-катиб», рукопись ИВАН, без номера, копия Венской рук. № F—185, составленная В. Тизенгаузеном, л. 119б, 120а, 167а — 167б, 177б, 183а, 198а, 198б, 200а, 229а (два документа). Большинство документов не датировано, а датированные документы почти все относятся к 60-м годам XIV в., т. е. к правлению джелаиридского султана Увейса (1356—1374).

⁷⁰ См. «Дастур-ал-катиб», л. 177б, 198а (указано позвать беглых и, дабы отвести их от бегства, пересмотреть канун, т. е. податной устав вилайета), 229 а.

⁷¹ Там же; см. особенно л. 183а (второй документ).

⁷² Там же, л. 120а, 198а, 200а, 229а.

⁷³ То же указание есть и в ярлыке Газан-хана.

⁷⁴ «Дастур-ал-катиб», л. 229а (третий документ):

نوع سوم درین وقت استماع افتاد که رعایای فلان
موضع بواسطه کثرت حوالات دیوانی و خرابی که از تنوع
فترات بدیشان راه یافته جلاء وطن کرده بهر موضع متفرق
شده اند باستظهار استمالت ایشان را این حکم نفاذ یافت تا
بهر جاکه رفته باشند بدلخوشی تمام بوطن مالوف آیند و
بهیچ تفرقه و تردد بخود راه ندهند در رعایت و محافظت
ایشان اہمال نخواهند رفت کسخدای کاردان بدیوان آیند و

Приведем еще отрывок из подобного документа — указа по поводу донесения некоего ходжи «об обстоятельствах ра'ийатов [вилайета] Хамадана»: «Ра'ийаты Хамадана да будут успокоены во всех отношениях. Пусть не стремятся уходить и бродяжничать. А скрывшихся (гаибан — беглецов. — И. П.), поощрив их, пусть приведут на исконные места поселения и заставят их заниматься благоустройством и посевными работами. Ибо с сановниками дивана решено, дабы отныне в наблюдении и попечении над ними проявляли старание. И пусть установят поземельную подать (маль) и обложение [прочих] податей в определенной сумме (поджхи), так чтобы они справились с обязанностями (букв.: «не выходили из ответственности». — И. П.) и ведали бы справедливость»⁷⁵.

Из цитированных документов ясно видно: а) что бегство крестьян и во второй половине XIV в., как и при вступлении на престол Газан-хана, принимало широкие размеры; б) что, несмотря на казенно-демагогические рассуждения о «поощрении», «попечении» и «покровительстве», для возвращения беглых крестьян на места их приписки принимались принудительные меры, и что принимать беглых в других местах запрещалось.

Есть указания источников, что в XIII—XIV вв. в государстве Хулагуидов свобода передвижения была сильно стеснена, и власти принимали меры для прекращения бродяжничества. Так, в ферхенге Шемс-и Фахри, составленном в 745 г. х., т. е. в 1344 г. н. э., приведен термин «гузар-наме» — «проходная грамота», с пояснением, что подобный документ был необходим для передвижения по дорогам⁷⁶. Очевидно, лица, не имевшие при себе подобного документа, задерживались, и для выезда ра'ийата в другую местность требовалось письменное разрешение местного начальства.

Эти примеры указывают на подозрительность властей и желание всемерно ограничить свободу передвижения, что, видимо, надо поставить в связь с мероприятиями феодального государства данного периода по закреплению крестьян.

احوال عجزه وانكسار خود باز نمایند تا بتدارك اهتمام زود
حکام ولایات ایشان را بحمايت نگیرند و بزودی تمام بوطن
مالوف روانه گردانند

⁷⁵ «Дастур-ал-катиб», л. 229а (первый документ):

رعایای همدان بهمه ابواب آسوده خاطر بوده بهیچ
تفرقه و تردد راه ندهند و غایبان را استمالت داده بوطن مالوف
آرند و بمعدات و زراعت مشغول گردانند چه با اصحاب دیوان
مقرر شده که بعد الیوم در رعایت و محافظت ایشان اهتمام
نمایند و تعیین مال و توجیه متوجهات بروجهی کنند که از
عهده بیرون نتوانند آمد تا حقیقت دانند

⁷⁶ «Shams-i Fachr al-Ispahanensis Lexicon Persicum», изд. К. Заломана. Казань. 1889, стр. 134, № 200: «گذرنامه مکتوب جوان که در راهها بنمایند و بکنند» — документ для пропуска, который на дорогах предъявляют и [с ним] проходит. К этому же термину приведен стихотворный пример (там же, стр. 135, к № 200): «در مسالك مسافر تقدیر از نفاذش ریزد گذرنامه» — «На дорогах путник несет предписание на [путь] прохода его — проходную грамоту» (гузар-наме). Ср. также «Дастур-ал-катиб», л. 202б—203а — предписание эмиру «асасон (начальнику ночной стражи) о задержании бродяг из «подонков и черни» — «ауаш» —

Вопрос о прикреплении крестьян к земле и запрещении перехода в Иране в XV—XVIII вв. пока почти совершенно не разработан исследователями, хотя отдельные указания и даже ферманы о запрещении перехода сохранились от XVII и XVIII вв. Мы не будем здесь останавливаться на этом вопросе. Заметим лишь, что по крайней мере в некоторых областях (вилайеты Геррус и Курдистан) Ирана пережитки запрещения свободного перехода крестьян, в виде денежного сбора с крестьян за выдачу документа на разрешение переселиться, существовали даже в начале XX вв.⁷⁷ Только после введения конституции в Иране этот сбор был признан меджлисом «противоречащим свободе личности»⁷⁸ и отменен в 1333 г. х., т. е. в 1914/15 г. н. э.⁷⁹

Таким образом, крепостнические традиции держались в Иране чрезвычайно долго.

О ТВОРЧЕСТВЕ ЛАО ШЭ

Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Лао Шэ — литературный псевдоним известного китайского писателя Шу Шэ-юя. Родился Шу Шэ-ю в Пекине 4 февраля 1898 г. в семье бедняка. Это обстоятельство в дальнейшем сказалось и на его творчестве. Писатель неизменно изображал в своих произведениях людей труда, представителей китайской бедноты, немущих и обездоленных. Художественные произведения Лао-Шэ — его рассказы, повести и пьесы исполнены глубокого сочувствия к горькой судьбе бедняков, проникнуты подлинным гуманизмом.

Шу Шэ-ю в самом раннем детстве лишился отца, опорой семьи стала мать, которая отличалась удивительным трудолюбием. В своей биографии писатель отмечает, что именно у нее он научился добросовестно относиться к труду и уважать человеческое достоинство.

Семи лет Лао Шэ поступил в частную начальную школу, где изучал канонические книги и китайских классиков. Эти занятия уже в раннем возрасте пробудили в нем любовь к китайской древней литературе, глубокое уважение к книге.

По окончании начальной школы Лао Шэ не мог продолжать образование в средней школе, где требовалась плата за обучение, и поступил в учительскую семинарию, учащиеся которой обеспечивались бесплатным общежитием и питанием. В течение пяти лет, проведенных в семинарии, он научился писать стихи и прозу на старом книжном языке. К занятиям литературой Лао Шэ неизменно испытывал особый интерес; все свободное время он посвящал либо чтению стихов китайских поэтов, либо изучению произведений древней литературы. Благодаря этому ему уже тогда удалось заложить некоторую основу своих литературных навыков.

«Движение 4 мая» 1919 г., с которым связана культурная революция в Китае, застало Лао Шэ директором начальной школы. Преобразования в области литературы и искусства в период «движения 4 мая» коренным образом изменили взгляды Лао Шэ на книжный литературный язык. Писатель понял, какую свободу для творчества несет с собой разговорная речь и ему страстно захотелось излагать свои мысли и чувства живыми, понятными всем людям словами.

Однако Лао Шэ, знакомый лишь с немногими поэтическими произведениями, созданными в период движения за литературные преобразования, еще не владел новым стилем. Его попытки писать стихи и рассказы на живом, разговорном языке не имели успеха.

Вскоре Лао Шэ начал преподавать родную литературу в Нанькайском училище. Он с увлечением рассказывал своим слушателям о знаменитых

⁷⁷ Сейид Мухаммед-Али Джемааль-заде. Гандж-и шайган, стр. 121.
⁷⁸ Там же. مخالف باز ادی شخص
⁷⁹ Там же.

китайских произведениях, помогал им писать литературные сочинения, все это приближало его к литературе, к художественному творчеству.

В 1924 г. Лао Шэ представилась возможность поехать преподавателем китайской литературы в Лондонский восточный институт. Для него это был случай изучить язык и познакомиться с английской художественной литературой. Вначале Лао Шэ ограничивался чтением произведений английских авторов. Овладев английским языком в достаточной степени, он стал читать и наиболее известные произведения русских и французских писателей в английском переводе. С особой любовью он относился к произведениям А. М. Горького, А. П. Чехова и Л. Н. Толстого, считая последнего величайшим выразителем идей своей эпохи и несравненным художником слова.

В течение пяти лет пребывания в Лондоне Лао Шэ написал три рассказа: «Философия старого Чжана» (Лао Чжан чжэсюэ), «Чжао Цзы-юэ» и «Эр Ма». Эти произведения, по признанию самого автора, явились как бы пробой пера. Не задумываясь над тем, какие идеи ему следует проповедовать и каково должно быть содержание его произведений, Лао Шэ стремился просто нарисовать некоторые характеры. Произведения этого периода еще не отличались строгой композицией, в них отсутствовали и языковые особенности, которые выработались у писателя впоследствии.

За границей Лао Шэ чувствовал себя крайне одиноким, часто думал о своей родине. Все люди, с которыми он там встречался, представляли в его воображении прекрасными и достойными любви. Ему захотелось написать о них, воссоздать их в литературных образах и тем самым хоть в какой-то мере забыть о своем одиночестве. В Лондоне Лао Шэ чувствовал недружелюбное, часто враждебное отношение к китайцам. Это еще в большей степени вызвало в нем любовь к своей стране. Ему хотелось показать всему миру величие Китая и китайского народа.

Находясь вдали от родины, Лао Шэ страстно мечтал о своем возвращении; был полон мыслей и планов. Когда же в 1929 г., после окончания работы в Лондоне, посетив некоторые европейские государства, он вернулся в Китай и увидел свою страну попрежнему нищей и слабой, Лао Шэ был омрачен, подавлен. Он видел только трудности, лишения, не замечая здоровых сил народа, поднимающихся сил революции. Именно под впечатлением этих настроений была написана проникнутая пессимизмом книга «Записки Маочэн» (Маочэн цзи).

Вплоть до начала антияпонской войны в 1937 г. Лао Шэ вел педагогическую работу в Шаньдунском университете Цзылу. Все это время писатель много и настойчиво трудился над изучением теории литературы и искусства и создает ряд рассказов и повестей. Перед самой войной им был закончен роман «Верблюды Сиан-цзы» (Лото Сиан-цзы). Эта книга говорит об известном сдвиге во взглядах Лао Шэ. Однако и она не свободна от серьезных недостатков — в ней нет еще активного призыва к борьбе, к революции.

После начала антияпонской войны Лао Шэ вынужден был переехать из Циндао в Ухань, а затем эвакуироваться в Чунцин. В этот период, когда передовые писатели Китая своим творчеством помогали народу сражаться с врагом на фронте, Лао Шэ создал несколько драматических произведений на разговорном языке, понятном широкой массе зрителей. В пьесах «Остатки тумана» (У цань) и «Страна выше всего» (Гоцзя чжишан), Лао Шэ выступил как выдающийся сатирик, беспощадный обличитель всего темного. Эти произведения, хотя и не были еще совершенны в художественном отношении, явились первыми успехами писателя в драматургии. Как рассказывает сам автор, он обратился к драматическим формам сознательно, считая, что пьеса, благодаря свойственной ей эмоциональ-

ности и способности воздействовать на массы, независимо от того, приобщены они к грамоте или нет, предоставляет писателю такие возможности, каких не дают ему другие жанры. С помощью пьесы, по словам Лао Шэ, он имеет возможность разговаривать с такой аудиторией, какую он вряд ли имел, если бы писал только рассказы. Особенно большое значение это обстоятельство имеет в Китае, где театр всегда был очень популярен.

Отдавая должное драматургии, Лао Шэ продолжал работать и над крупными эпическими произведениями. Однако его любимым жанром оставалась повелла. Как подлинный мастер рассказа, Лао Шэ достиг большого совершенства в построении сюжета, напряженного, хорошо развитого, с внезапными поворотами и развязкой.

Очень показателен в этом смысле рассказ Лао Шэ «Черный и Белый Ли» (Хэй бай Ли), в котором автор рассказывает о двух братьях Ли. Внешне братья похожи друг на друга. Единственно, что отличает их: маленькая черная родинка над бровью старшего. По этой причине школьные друзья зовут старшего Черным Ли, младшего — Белым Ли. Умирая, мать наказывала братьям: в горе и радости быть вместе. Долгое время братья были верны завету матери. Но однажды перасторжимые, казалось бы, узы, связывающие братьев, чуть не оборвались: братья влюбились в одну и ту же девушку. Положение спас Черный Ли, он принес свою любовь в жертву отношениям с братом и отступился. Но Белый Ли не понял благородного поступка брата. Больше того, он оценил этот поступок как отсутствие воли. Упорное стремление Белого Ли поссориться с братом кажется совершенно непонятным. Секрет раскрывает рикша Ван У. Оказывается, Белый Ли является руководителем нелегальной революционной организации и, не желая подвергать опасности брата, всячески стремится спровоцировать с ним ссору. Однако старший, верный завету матери, стремится любой ценой сберечь дружбу с братом. Развязка наступает внезапно. Полиция разгоняет мощную демонстрацию, организованную Белым Ли, и младший брат скрывается. Стремясь навести полицию на ложный след и спасти жизнь брата, Черный Ли сводит над бровью родинку и становится совершенно похожим на Ли Белого. Полиция врывается в дом братьев и хватает Черного Ли, полагая, что в ее руки попал Ли Белый. Черный Ли не выдает тайны и молча идет на казнь с сознанием того, что спасает жизнь брата.

Так заканчивается этот рассказ, в котором очень ярко проявился талант Лао Шэ-новеллиста.

Замечательный знаток народного разговорного языка, Лао Шэ создал произведения, которые знает и любит народ. Многие сюжеты Лао Шэ подхвачены странствующими сказителями — шошуда, в народной речи бытует множество острых словечек, перекочевавших в разговорный язык из произведений Лао Шэ: «При нашем строе большая рыба ест маленьких, маленькая — креветок», «Он глуп, как верблюд», «Своей глупостью он прокладывает путь умным», «Он, как рыбак, старается поймать попутный ветер» и т. д. Китайский читатель высоко ценит Лао Шэ за его редкое умение в немногочисленных словах выразить многое, за исключительную лаконичность его яркого и сочного языка.

Крупный мастер слова, Лао Шэ одновременно является одним из видных знатоков древней китайской литературы. В его статьях, посвященных насущным вопросам китайской литературы, видны и вкус, и эрудиция, и глубокое понимание проблем, стоящих перед отечественной литературой.

Отмечая величие национального литературного наследия и необходимость его творческого освоения современными писателями Китая, Лао Шэ в своем докладе на конференции пекинских работников литера-

туры и искусства в октябре 1954 г. говорил: «Нам надо изучать это наследство не только для того, чтобы овладеть формой классиков. Мы должны также научиться тому, как выходить за пределы этой формы в соответствии с требованиями действительности и заменить старое новым. Новая литература должна создать свою форму — простую, прозрачную, действенную».

У каждого писателя свой путь к революции. У Лао Шэ было немного произведений, посвященных антиимпериалистической и антифеодальной тематике. Он сам признает, что в начальный период творчества недостаточно усвоил революционную теорию, не совсем ясно понимал практические средства, с помощью которых осуществляются революции. В сущности он опирался на небольшой опыт, на свои наблюдения общественной жизни, на накопившееся в его среде негодование против людей и стран, угнетавших народы. Это нашло свое выражение в его рассказах «Философия старого Чжана» и «Эр Ма», которые были созданы вскоре после того, как завершилась революция, начатая 4 мая 1919 г., в период, когда в Китае был сделан шаг от «литературной революции» к «революционной литературе». В стране началось развитие пролетарской литературы. Лао Шэ считал, что общее направление было верным, однако многие из произведений пролетарских писателей Китая в тот момент не могли его удовлетворить ни по содержанию, ни по форме. Тем не менее, вскоре он создает такой рассказ, как «Черный и Белый Ли», который характерен для творчества писателя с точки зрения влияния на него пролетарской революционной литературы. Рассказ этот, несомненно, свидетельствовал о сдвигах в сознании и творчестве Лао Шэ. Характерен и другой пример. В первом варианте повести «Серп луны» (Юэ я эр), который сгорел при пожаре Восточной библиотеки в Пекине, одним из центральных образов был отец героини — человек передовых взглядов, коммунист. Лао Шэ показал, что его героиня выросла в лишениях, подчеркнул противоречивость ее характера, но не смог раскрыть, какими путями она придет к революции. Сам Лао Шэ объясняет это тем, что его понимание революции было книжным и он не решался писать о практических делах революции на основе вычитанного в книгах. Имело также значение и то, что литературное образование писателя складывалось под влиянием европейской буржуазной литературы. «В итоге, — отмечает Лао Шэ, — моим произведениям не хватало активности, созидательного действия и той агитационной силы, которой должно обладать художественное произведение. Как говорят у нас, хотелось отведать супа, и был страх обжечься. Так обозначался мой творческий путь. Я понимаю, что нет для человека задачи сложнее, чем говорить о своем труде. Как ни хорошо зеркало, но человек, желающий рассмотреть себя в нем, многого не видит...»¹

После победы народной революции в Китае Лао Шэ вернулся в свой родной город Пекин. Великие перемены в судьбе народа, всеобщий патристический пафос в стране рождает в его сознании желание отобразить художественными средствами непреодолимое развитие нового на китайской земле, рождение новых людей и отношений в Народном Китае.

В 1950 г. Лао Шэ закончил новую пьесу «Фан Чжэнь-чжу», которая была принята к постановке несколькими театрами. Пьеса посвящена судьбе китайской актрисы, которая в новом китайском обществе обретает человеческое достоинство, гражданские права и подлинную радость творчества. Писатель не случайно избрал для своей пьесы именно эту тему. Он знает театр, быт артистической среды. Образ ар-

тистки Фан Чжэнь-чжу написан Лао Шэ с натуры. Больше того, Лао Шэ писал эту пьесу, имея в виду известную пекинскую артистку, которая будет играть роль Фан Чжэнь-чжу. Китайский зритель с благодарностью встретил эту пьесу Лао Шэ, она повсюду имела успех.

Как отмечала китайская критика, первое произведение Лао Шэ, написанное им после освобождения страны, свидетельствовало о том, что писатель нашел свое место в новом Китае.

Однако, как ни значительны были проблемы, поставленные в «Фан Чжэнь-чжу», эта пьеса рассказывала о жизни актеров, т. е. жизни среды, в такой же мере своеобразной, в какой и кастовой. Свою новую пьесу Лао Шэ хотелось написать о жизни рабочих, крестьян или солдат. Но писатель не решался браться за такую тему, полагая, что он плохо знает жизнь этих слоев населения. Начав писать «Лунсюйгоу» Лао Шэ, по его признанию, решил на шаг, чуть не самый рискованный в жизни. Он рассказывает, что непосредственным толчком к созданию пьесы явилось подлинное событие. Весной 1950 г. правительство решило реконструировать пекинское предместье, известное повсюду под именем канавы Лунсюй, и в течение нескольких месяцев претворило это решение в жизнь. На писателя, знавшего, что такое Лунсюйгоу, этот факт произвел большое впечатление.

Пьеса Лао Шэ «Лунсюйгоу» — рассказ о истине драматических судьбах людей. Здесь каждый человек — это трагедия. Вот актер Чэнь, которого заботы о куске хлеба лишили рассудка. Человек честной и возвышенной души, он олицетворяет в пьесе мечту о справедливости. Будь Чэнь человеком нормальным, многое из того, что он говорит, едва ли осталось бы для него безнаказанным в гоминьдановском Китае. Но Чэнь безумец, и власти не могут не считаться с этим. А он словно пользуется своим положением, произнося по адресу гоминьдановских правителей много обличительных слов, полных едкого сарказма. Чэнь — безумец, но народ прислушивается к его словам. У Чэня бывают периоды просветления, и тогда он мечтает о том, чтобы дать работу своим рукам, заняться трудом, который был бы полезен людям. Он терзается тем, что никому не нужен. Зритель сочувствует этому человеку, в котором так много настоящего человеческого достоинства. Среди многих радостей, которые еще доступны Чэню в его тяжелом положении, любовь к дочери Ню-цзы является самой большой. Маленькая Ню-цзы, существо чистое и нежное, олицетворяет для Чэня жизнь, ее блага и радости. Любовь к Ню-цзы является той нитью, которая связывает Чэня с жизнью, но в довершение ко многим бедам, которые уже обрушились на голову этого человека, пришло новое несчастье: крошка Ню-цзы погибает в водах канавы Лунсюй.

Неистовые проклятия Чэня в эту грозную ночь адресованы миру, который для народа всегда был миром пужды, угнетения и страха.

Если первое действие похоже на своеобразную сценическую повелю о Чэне и его семье, то во втором действии судьба Чэня как бы отодвигается на второй план и вниманием зрителя все больше овладевает рикша Дин Сы-е и его жена Дин Сы-сао. Тяжело достается рикше каждый грош. Он уже немолод — у него двое взрослых детей, но рикша не оставляет своей работы. Слово каторжника, прикованный на годы к своей тележке, движет он свой «пэдикэб» из одного конца города в другой. В знойный летний полдень в городе тише, чем в полночь, пустеют рынки, исчезают такси, тяжелые металлические шторы закрывают зеркальные витрины магазинов — город будто вымер. Единственно, что еще напоминает о том, что сейчас день, это солнце посреди горячего неба и рикша, торопливо бегущий по серому и вязкому от нестерпимого зноя асфальту. Тяжкий труд

¹ Лао Шэ. Сюаньцзи (Избр. произв.). Предисловие автора. Пекин, Каймин шудинь, 1954.

ожесточил сердце Дин Сы-е, недоверчиво, угрюмо смотрит старый рикша на мир. Ничто не в силах вывести его из состояния озлобления, разве только вино. Но напившись, Дин Сы-е забывается не надолго, придя в себя, он набрасывается на жену, и тогда маленький дворик на канаве Лунсией наполняется плачем.

Мрачный прав Дин Сы-е передался его жене. Даже для ребенка не находит она ласкового слова. Полегче была бы жизнь, — может быть и растопилась бы ледяная корка, сковавшая сердце бедной женщины.

Наблюдательный и умный художник Лао Шэ убедительно показывает, как под благодатным солнцем свободы, с ростом благосостояния человека становятся чище, благороднее, возвышеннее отношения между людьми. С освобождением Пекина на Лунсиейгоу начаты большие работы. Преображается пекинское предместье. Очищены от грязи и введены в каменное русло воды канавы Лунсией. В работах по благоустройству деятельно участвуют пекинцы. Среди них и рикша Дин Сы-е. Это до слез трогает старую Дин Сы-сао. Прежде в ее отношении к мужу было презрение, теперь — гордость.

Наконец, в третьем доме живет старуха Ван Да-ма с дочерью Эр Чунь. Подобно остальным обитателям дворика, старуха Ван Да-ма нелегким трудом добывает себе хлеб насущный. Но не только тяжелые оковы нужды несет на себе Ван Да-ма. Тьма застилает ее сознание. Ван Да-ма боится сделать шаг, не оглянувшись на небо. Она живет в такой же нищете, как и другие, но ни за что на свете не изменит своего образа жизни. Ей кажется, что каждая попытка разрушить старый уклад дорого обходится человеку, поэтому так яростно она нападет на всех, кто стремится изменить жизнь на Лунсиейгоу. Она прокликает старшую дочь, которая, выйдя замуж, ушла с канавы Лунсией, осуждает решение младшей дочери идти на завод, ею овладевает страх, когда она узнает о начале работ по реконструкции Лунсиейгоу: «Копайте, копайте, да не выкопайте дракона!». Она готова пить горькую воду из колодца, но только не строить водопровод: «Зачем водопровод? У нас колодец есть! Разве за это не надо благодарить Будду?».

На примере Ван Да-ма писатель показал, как господствующие классы отравляют сознание бедноты, превращая раба в ревностного защитника рабства. Но свет новой жизни проникает в, казалось, непроницаемую тьму, которая окружает Ван Да-ма, и тьма отступает.

Таким образом, три действия этой пьесы в сущности являются тремя новеллами. В центре каждого действия — судьба одной семьи. Но в этом произведении есть человек, который проходит через судьбы всех трех семей. Он незримо остается на сцене даже тогда, когда его там нет, олицетворяя всем своим существом идею пьесы. В сущности, этот человек скрепляет три новеллы воедино и делает их пьесой. Мы говорим о каменщике Чжао, который, на наш взгляд, является главным действующим лицом.

Лао Шэ с симпатией относится к своему герою и очень хочет, чтобы его любил и зритель. И зритель высоко оценивает чуткое и мужественное сердце Чжао, его цельную натуру, в которой отразилось пробуждающееся сознание народа.

Чжао много ездил по стране, много видел, он лучше своих соседей знает жизнь, людей, но ничем не обнаруживает своего превосходства над ними — он вместе со своими соседями во всех жизненных испытаниях. Вот в дом несчастного Чэня вломился бандит Фын Гоу-цзы. Сникнув, беспомощно опустив руки, отступает жена Чэня. Решительная Эр Чунь, дочь Ван Да-ма, бросается на бандита, но мать оттаскивает ее назад. Бандит остается лицом к лицу с окаменевшим Чэнем. В эту минуту в дверях появляется старик Чжао. В его руках нож. Гневный, непоколе-

бимый в своей решимости, он надвигается на бандита. Всем ясно, что если Фын Гоу-цзы не отступит, ему будет плохо.

Зал неистово аплодирует. Аплодисменты возникают с новой силой, когда Чжао кричит вслед бандиту: «Если бы мы каждый раз при появлении вымогателя брались бы за нож, то все деспоты давно бы уже удрали, поджавши хвост...»

Смелый поступок старика Чжао усиливает чувство доверия, которое питают к нему обитатели Лунсиейгоу. За советом к Чжао идут и юная Эр Чунь и престарелая Ван Да-ма. Не так-то легко Ван Да-ма побороть в себе суеверный страх перед прозорливостью этого человека, но и она прислушивается к его словам. Когда недуг валит Чжао с ног, обитатели дворика на канаве Лунсией сбегаются к его постели, и каждый спешит помочь старику, чем может. Не случайно, именно Чжао становится в пьесе страстным поборником реконструкции Лунсиейгоу. За Чжао идут все: и рикша Дин Сы-е, труд которого теперь приобрел общественное значение, и его сыншкя Эр Цзя-цзы, и дочь Ван Да-ма — совсем юная Эр Чунь и даже сама Ван Да-ма, которая теперь поняла многое из того, что отказывалась понимать прежде. Конец канавы Лунсией для каждого из них означал конец старой жизни и начало жизни новой...

Редкое произведение новой китайской литературы получало столь единодушную восторженную оценку, как «Лунсиейгоу». Известный китайский критик Чжоу Ян, видный знаток современной китайской литературы, отозвался на пьесу Лао Шэ статьей, весьма характерно названной: «Цун „Лун сией гоу“ сюэси шэма» («Чему учиться у автора „Лунсиейгоу?“»). Чжоу Ян называет «Лунсиейгоу» реалистическим произведением, воспевающим трудовой народ, коммунистическую партию и народное правительство. «Лао Шэ, — пишет критик, — почерпнул в революции новые творческие силы, очень многому научился и, что очень важно, продолжает учиться. И мы хотим пожелать всем работникам литературы и искусства идти по пути, которым идет Лао Шэ»².

За пьесу «Лунсиейгоу» народное правительство Пекина присвоило Лао Шэ звание «Народный писатель» и наградило его почетной грамотой.

«Лунсиейгоу» не только выражение патристических чувств Лао Шэ, но и его бесценный дар родному городу. Ничто, пожалуй, так не выражало радости писателя, вернувшегося в родной город, как эта пьеса, хотя и начиналась она с печальных событий.

«„Лунсиейгоу“, — пишет Лао Шэ в предисловии к пьесе, — это пьеса, писать которую было нелегко. Решив ее написать, я отказался от обычных драматургических законов. Подстегиваемый политическим энтузиазмом, я решил пренебречь сценическими эффектами, и они не водили моей кистью.

Пекинец, я люблю Пекин. И не могу не порадоваться, когда Пекин превращается в чистую, еще более прекрасную столицу, где все равны»³.

В этой пьесе Лао Шэ словно объединились многие из качеств, свойственных писателю: и знание жизни простых людей и быта пекинских предместий, и владение чудесным пекинским говором. Умение строить напряженный сюжет и лепить характеры помогло писателю создать произведение, одинаково увлекательное, правдивое и впечатляющее. Все это бесспорно, и тем не менее многие из достоинств этой пьесы predeterminedены качествами Лао Шэ-новеллиста, владеющего экономным и выразительным языком.

² «Жэньминьжибао», 4 марта 1954 г.

³ Лао Шэ. Лунсиейгоу. Пекин, Жэньминьжэньсэ чубаньшэ, 1953.

«Есть писатели, — говорит Лао Шэ, — которые специально наблюдают человека, чтобы потом сделать его героем произведения. То, что они делают, является своеобразным портретом с натуры. Я не пользуюсь этим средством. Я наблюдаю жизнь, в более широком смысле этого слова, и даже тогда, когда нашел нечто ценное, стараюсь сберечь эту деталь в памяти. Нередко бывает и так, что находка остается неиспользованной и пропадает, погребенная под тяжестью новых наблюдений»⁴.

Конечно, прообразами героев Лао Шэ являются люди, которых он когда-то наблюдал в жизни. Но, по признанию писателя, он почти никогда не переносит человека на страницы своего произведения буквально таким, каким он его видел. Прообраз у него часто служит не более, как зерном образа, своеобразным семенем. Задача, по словам Лао Шэ, заключается в том, чтобы заставить это семя прорасти и дать цветы и злаки. Что же касается фактов, взятых из жизни, то и они тоже не переносятся в произведение такими, какими они возникли в жизни. Работа писателя обычно сводится к тому, чтобы простые факты обогатить, а чрезмерно сложные раскрыть и объяснить, не упрощая. «Мой опыт, отмечает Лао Шэ, свидетельствует: чем лучше изучена фактическая основа произведения, чем больше накоплено материала, тем легче складывается план, тем легче пишется. Поэтому изучение фактов, длительное и тщательное накопление материала является обязательным условием каждой большой работы. Для меня эта работа так же увлекательна, как и работа за письменным столом, когда произведение пишется»⁵.

Для писателя нет ничего более интересного в нынешней жизни Народного Китая, как новый человек, рождение новых отношений между людьми. Эти новые отношения все органичнее, все глубже входят в быт китайского народа. По-прежнему сегодня относятся друг к другу учитель и ученик, шофер и пассажир, продавец и покупатель. Главное в тех переменах, которые произошли во взаимоотношениях людей, вызвано изменениями, произошедшими в отношениях личности и государства. Прежде благосостояние человека определялось тем, какие выгоды он извлекает из своих отношений с государством, с людьми. У государства и народа были разные интересы: государство могло богатеть, а народ прозябал в нужде. В новом Китае рост экономического могущества государства определяет и рост благосостояния народа. Однако Лао Шэ отнюдь не склонен представлять нынешнее положение дел в розовом свете. Он отдает себе отчет в том, что помещики и компрадоры еще не сложили оружия, что враг сопротивляется тем яростнее, чем больше успехи Народного Китая. Произведения Лао Шэ, показывающие, как обострение классовой борьбы влияет на формирование людей, на их взгляды, на их поступки, как народ, сокрушая врага, набирается сил, опыта, знаний, воодушевляют людей, зовут их на борьбу за новый Китай.

В своих новых произведениях «Лунсюйгоу», «Фан Чжэнь-чжу» «Чунхуа цю ши» (Весенние цветы и осенние плоды) Лао Шэ рассказывает о росте авторитета народного государства, о том, как близко к сердцу народ принимает радости и печали своей родины. И дело не только в том, что круг интересов Лао Шэ стал шире; много шире стала сфера его деятельности. Лао Шэ не просто признанный писатель, но и государственный деятель, активный строитель нового китайского общества. Он — депутат Всекитайского собрания народных представителей, редактор крупного столичного журнала, видный педагог.

⁴ Лао Шэ. Сюаньцзи. Предисловие автора.

⁵ Там же.

«Если бы меня спросили, — пишет Лао Шэ, — что было девизом китайского народа за последние пять лет, я бы выразил это в следующих словах: „Преодолевать трудности, не склонять перед ними голову“. Новое общество идет вперед семимильными шагами потому, что рабочие, крестьяне, бойцы, профессора, инженеры и кадровые работники не боятся трудностей. Обладая таким непреклонным духом, можно сдвигать горы и осушать моря. И действительно, досрочное завершение строительства огромной ирригационной системы на реке Янцзыцзян, Гуаньтинского водохранилища, Чэнду — Чунцинской железной дороги и многих других грандиозных сооружений — разве в наших условиях все это не является чудом. Нам, литераторам, нужно учиться у народа, обладающего такой титанической энергией»⁶.

Взыскательное отношение к себе, трудолюбие, упорство, непрестанная учеба являются обязательными условиями успеха в работе писателя. В новом обществе Китая ценность человека определяется тем, как настойчиво он совершенствует знания, как упорно он движется вперед. Если писатель перестанет учиться, говорит Лао Шэ, он перестанет расти, а если перестанет расти, то умрет как писатель.

В своих статьях Лао Шэ отмечает, что более всего его волнует участие и внимание, с которым относится к его работе народ, партия. Во времена гоминьдана никому и в голову не приходило поинтересоваться: работает Лао Шэ или нет, жив Лао Шэ или уже скончался. Власти были озабочены другим: как бы рукопись Лао Шэ не попала в печать прежде, чем упадет на нее клеймо цензурской кисти; каким образом предупредить выход книги в свет, а человека, создавшего эту книгу, упечь за решетку. Теперь у писателя — широкий простор для творчества. И государство, и общественность единодушно в своем желании помочь ему осуществить его замысел, каким бы широким и смелым он ни был. Лао Шэ испытывает глубокое волнение от одного сознания, что является свидетелем и участником строительства нового общества. И чем глубже он вникает в смысл происходящего, чем полнее постигает то, что вершит народ, тем сильнее волнение, его охватывающее. Всем своим существом он сознает, что новое общество, созданное китайским народом, стоит неизмеримо выше общества старого.

«Я люблю, — пишет Лао Шэ, — новое общество потому, что в нем живут свободные и счастливые люди, которые раз и навсегда покончили с проклятым прошлым, давшим и калечившим человека.

Сознание мне подсказывает, что новое общество во сто крат лучше общества старого. А если у человека есть что-либо радостное на душе, то он не может молчать, об этом он непременно скажет другим»⁷.

Современная литература Китая развивается по пути социалистического реализма. В самой природе метода социалистического реализма заложен важнейший принцип искусства — изображать окружающую действительность в поступательном движении, непрерывном развитии и обновлении, показывать органическую связь личности с коллективом, народом, освещать жизненные явления и процессы во всем их многообразии и специфике, в широкой исторической перспективе.

Передовые писатели сегодняшнего Китая, в том числе Лао Шэ, отобразив в своих художественных произведениях исторические преобразования на китайской земле, стремятся показать, что подлинное человеческое благородство, присущее людям труда, проявляется не в покорном смиреннии, не в безропотном терпении, а в процессе революционной лом-

⁶ Лао Шэ. О жизни, учебе и работе. «Народный Китай», 1954, № 18, стр. 32.

⁷ Там же.

ки вековых устоев эксплуататорского режима, создания справедливых взаимоотношений, утверждения новой жизни, свободной и счастливой.

Следующая пьеса Лао Шэ «Весенние цветы и осенние плоды» посвящена теме острой социальной борьбы новых сил против пережитков мира, отошедшего в прошлое. Писателем найдены верные, убедительные средства изображения передовой роли китайских рабочих, которые решительно отстаивают общественные интересы своего народного государства в наступлении против незаконных, своекорыстных действий частных предпринимателей-капиталистов. В этой пьесе, как и в других произведениях, Лао Шэ выступает суровым обличителем социального зла, которое проявляется в хищении государственных средств, уклонении от уплаты налогов, взяточничестве, подкупах. С другой стороны, в этой пьесе Лао Шэ выступает сторонником новых жизнеутверждающих сил, возглавляемых революционным рабочим классом Китая.

Лао Шэ — искренний друг советского народа, его литературы и искусства. «Выражение: „Советский Союз сегодня — это наше завтра“, — пишет Лао Шэ, — стало одним из самых любимых у китайского народа. Оно точно отражает его волю, решимость идти к социализму по примеру Советского Союза».

Наши взоры устремлены на Советскую страну еще со времени Великой Октябрьской социалистической революции. Свет Октября озарил наши сердца»⁸.

В Китае живет народная поговорка: «Сердце сердцу весть подает». Эта поговорка вполне приложима к китайско-советской дружбе. В формировании сердечных отношений между народами Китая и Советского Союза, говорит Лао Шэ, немалая роль принадлежит советской литературе. Китайский народ с горячей любовью относится к литературным произведениям советских писателей.

«После Октябрьской революции, — отмечает Лао Шэ, — передовая советская литература стала духовным учебником для китайской литературы. Герои советских романов и пьес стали нашими героями»⁹.

Полон энергии и творческих сил талантливый художник слова Лао Шэ, благороден и ясен избранный им путь служения народу, созиданию прекрасного социалистического будущего на китайской земле.

⁸ Лао Шэ. Это наше завтра. «Литературная газета», 7 ноября 1954 г.

⁹ Там же.

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОШАНИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АФГАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI—XVII вв.

М. Г. АСЛАНОВ

В данной статье сделана попытка на конкретном материале показать, в какой мере исторические события обусловили содержание произведений афганской литературы определенного периода и, соответственно, в какой мере эти литературные произведения могут быть использованы в качестве источников для изучения истории.

XVI в. в истории Индии и афганцев представляет собой важную эпоху: завоеватели, вышедшие из Средней Азии во главе с Бабуром, завладели, сначала Кабулистаном и афганскими территориями, а затем и Северной Индией, создав в первой половине XVI в. империю Великих Моголов. Эти завоевания обострили классовые противоречия в афганском обществе, которое приблизительно с XIII—XIV вв. переживало процесс разложения первобытно-общинного строя, и ускорили начавшийся процесс феодализации, протекавший неравномерно у различных афганских племен¹.

История афганцев в XVI—XVII вв. характеризуется вооруженной и идеологической борьбой с империей Великих Моголов и борьбой народных масс с афганскими светскими и духовными феодалами. Это движение возглавлялось сектой рошани.

С начала XIX в. западноевропейские востоковеды трактовали движение рошани как чисто религиозное, сектантское движение, направленное против ортодоксального ислама, или как политическое движение афганцев, направленное в целом против завоевателей — империи Великих Моголов.

Длительное изучение автором настоящей статьи афганских литературных и исторических памятников убедило его в необходимости пересмотреть эту трактовку, что и сделано в данной статье².

История рошани. Вкратце история этой секты такова³. Основателем секты (или дервишеского ордена) рошани⁴ был Баязид Ансари, родив-

¹ Подробнее об этом см. И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., Изд-во АН СССР, 1954.

² Основные выводы автора в отношении движения рошани были доложены 14 апреля 1947 г. в московской группе Института востоковедения АН СССР, а 6 июня 1947 г. — на аграрном секторе Института истории АН СССР. Краткое резюме дано им в статье «Афганистан», раздел «Литература», БСЭ, 2 изд., т. 3, 1950.

³ Очерк истории движения рошани написан на основании афганских литературных и исторических памятников XVII—XVIII вв., индийских источников, а также соответствующей литературы. К сожалению, нам не удалось использовать книгу К. Халима «Баязид Рошани». Кабул, 1954.

⁴ Рошани считаются ветвью дервишеского ордена сухраварди.

шийся, по одним данным, в 1515 г., а по другим — в 1525 г. в Джаландаре (Пенджаб). Баязид был родом из небольшой народности ормур (бараки), живущей разбросанно в Вазиристане (около Канигурама) и к югу от Кабула, в долине Логара. Отец его, шейх Абдулла Ансари — один из потомков шейха Сераджэддина Ансари, был человеком имени того происхождения.

В начале XVI в. родители Баязида бежали из Индии на родину, в Канигурам. После второй женитьбы отца жизнь мальчика в родительском доме стала значительно тяжелее. В книге «Дабистан аль-мазахиб» (Школа религий), написанной в XVII в., отмечается, что Баязид уже в детстве охранял не только свое, но и чужие поля.

В молодости Баязид увлекся суфизмом и нашел себе пира (наставника) вопреки воле отца, заявив, что «шейхом делаются не по происхождению».

Возмужав, Баязид отправился в Индию продавать закупленных в Самарканде лошадей. В Пенджабе он познакомился с муллой Сулейманом, известным исмаилитом, «крайним безбожником», по словам врагов секты. Здесь же Баязид женился на девушке из афганского племени лоди, к которому принадлежала династия, правившая в Индии до Великих Моголов.

К этому времени относится серьезный перелом в жизни Баязида. Когда после рождения сына Омара Баязид вернулся на родину, в Канигурам, он окончательно порвал с отцом и дядей. Религиозные разногласия привели к столкновению с родными. Баязид был ранен отцом и вынужден нашел приют у малика Султана Ахмада из племени моманд, входившего в союз племен горнахейль. Затем он переехал в район Пешавара и поселился среди племени халиль, также из союза племен горнахейль. Здесь Баязид, по свидетельству ахунда Дарвезы, проповедовал свое учение среди афганцев и индийцев. О Баязиде распространилась молва как о выдающемся пире. Познакомившись в Индии с учением йогов, Баязид начал проповедовать учение о переселении души, добавив к этому тезис о перевоплощении божества и заявив, что наиболее полным воплощением божества на земле являются святые пиры. Он отстаивал также «общность имущества» (подробнее см. ниже). Сторонники называли Баязида «Пир-и рошан» — «Отец (старец) света», отсюда пошло и название секты рошани.

Большинство халилей вскоре стали приверженцами учения Баязида. Позднее к его учению примкнуло и племя мухаммадзаев, по приглашению которого он переехал в область Хаштнагар. Там он поселился в местечке Каладер (по одним сведениям в 1542 г., по другим — в 1560 г.).

Из Каладера Баязид разослал по всем областям послания, в которых он излагал основы своего учения. Такие послания были направлены и представителям высшего мусульманского духовенства — сенду Али Тирмизи и его ученику, ахунду Дарвеза. Последние не замедлили выступить против Баязида. Разгорелась идеологическая борьба, в которую вмешалась держава Великих Моголов, применявшая вооруженную силу и другие средства для подавления секты рошани.

Сын императора Хумаюна, мирза Мухаммад Хаким (внук Бабура), в то время наместник в Кабуле, приказал доставить Баязида к себе. На специально устроенном диспуте с улемами (учеными богословами) Баязид одержал верх и был освобожден из заключения.

Из Кабула Баязид прибыл в Лачапур — один из пунктов области Нанграхар (соответствует приблизительно нынешней Восточной провинции Афганистана), многие жители которой стали к этому времени его сторонниками. К Баязиду примкнули также афридии и оракзаи — племена области Тирах. Собрав своих приверженцев из разных племен

и переселившись в район горы Тота (к северу от Пешавара), он объявил войну Великим Моголам и своим противникам — улемам.

По пути следования Баязида в Тирах, в пункте Чора произошла битва, показывающая, какой ожесточенный характер носила борьба и насколько решительно были настроены массы. У горцев не было оружия, Баязид вооружил триста человек крепким тростником вместо пик, и они разбили преследовавший их отряд войск Великих Моголов.

Боясь неудачи при попытке открыто захватить Баязида, наместники империи Великих Моголов вступили в тайные переговоры с некоторыми жителями Тираха. Однако переговоры не увенчались успехом, заговор был раскрыт и ненадежные элементы уничтожены. Спустя некоторое время Баязид собрал войско — несколько тысяч пехих и конных бойцов и, объявив поход против Моголов, двинулся в Нанграхар. В бою при Торрага рошани были разгромлены. Баязид бежал, заболел в пути и умер (1585).

Со смертью Баязида вооруженная борьба с Моголами не прекратилась, ее возглавили дети и внуки Баязида.

В 1586 г. целая армия рошани (двадцать пять тысяч пехих и пять тысяч конных бойцов) осадила Пешавар и прервала сообщение между Индией и Кабулом. Автор книги «Маасир аль-умара» (Подвиги вельмож) пишет, что восставшие моманды, «выведенные из терпения притеснениями со стороны управляющих именем», убили крупного феодала сенда Хамиды Бухари⁵.

Позже старший сын и преемник Баязида шейх Омар поссорился с юсуфзайским вождем Хамза-ханом; началась вооруженная борьба между рошани и сторонниками этого вождя. В двух битвах победили рошани, а в третьей — Хамза-хан. Далазаки⁶ убили в 1591 г. Омара и его брата Хайрэддина. В это же время был убит и третий сын Баязида — Нурэддин. Четвертый сын, Джелалэддин, попал в плен и был доставлен к падишаху Акбару.

Хотя Акбар областквал четырнадцатилетнего Джелалэддина, последний бежал к приверженцам своего отца и стал непримиримым врагом Акбара. В 1600 г., во время нападения на Газни, Джелалэддин был убит.

Движение рошани, которое возглавил теперь сын Омара Ахдад, продолжало расширяться. В 1611 г. рошани напали на Кабул; бои шли уже на улицах города, однако нападение было отбито. В 1619 г. произошел жестокий бой у перевала Сангпажа; армия Моголов была разбита, афганцы захватили в числе трофеев пять тысяч коней.

В это время малик Тор, вождь рода абдульазизхейль из оракзаев-давлетзаев, изменил движению рошани и перешел на сторону Моголов. Он провел их армию в Тирах и помог выбить оттуда Ахдада. Ахдад расположился в стране хаттаков, в Ловагре и укрепился там. Туда были посланы могольские войска. В течение пяти-шести месяцев шли бои. В 1626 г. Ахдад был убит в сражении, афганцы отступили. Дочь Ахдада, не желая сдаваться Моголам, бросилась с крепостной башни и погибла. Его жена, красавица Алаи, дочь Джелалэддина, оказывавшая Ахдаду большую помощь в руководстве движением рошани, бежала с сыном Абдул-Кадыром в Тирах.

В 1628 г. афганцы под руководством Абдул-Кадыра осадили Пешавар. В восстании против Моголов участвовали племена: халиль, моманд, даудзаи, гагани, юсуфзаи, лоди и, повидимому, хаттаки. В одной из исторических хроник отмечается, что афганцы высыпали, «как муравьи и

⁵ «Маасир аль-умара», т. I. Калькутта, 1888, стр. 244.

⁶ Племя, жившее близ Пешавара.

саранча». Однако среди афганских племен возникли раздоры; в результате были разгромлены участвовавшие в осаде юсуфзаи и гагани. Осада была снята.

Моголы разными посулами заманили Алаи и Абдул-Кадыра в Пешавар. Через несколько дней, вероятно от яда, Абдул-Кадыр умер. Для разгрома рошани в страну афридиев были посланы войска. Применяя свой излюбленный метод подкупа руководителей восставших, Моголы заманили к себе вождей Юсуфа африди и Азармира оракзаи и дали им джагир (поместье) в Панипате (Сярхинд).

С этого времени руководство движением взял на себя сын Джелаледдина Каримдад. В 1638 г. при императоре Шах-Джахане были разгромлены бангаши, а сам Каримдад был убит в Пешаваре. Однако еще в конце XIX столетия на северо-западной границе Индии имелось несколько тысяч рошани⁷.

Характер движения рошани. Некоторые исследователи трактовали движение рошани как религиозную борьбу, как борьбу еретиков с ортодоксальным мусульманским духовенством. Другие рассматривали это движение как борьбу афганского народа в целом против завоевателей — Великих Моголов.

Попробуем разобраться в этом вопросе. Упорный, ожесточенный и массовый характер движения говорит о том, что в основе борьбы масс были отнюдь не метафизические споры о сущности мира, о перевоплощении и познании божества. Мы считаем, что к рошанийскому движению в полной мере можно отнести то, что писал Ф. Энгельс о крестьянской войне в Германии.

«И во время так называемых религиозных войн XVI столетия вопрос шел прежде всего о весьма положительных материальных классовых интересах; в основе этих войн также лежала борьба классов, как и в более поздних внутренних кризисах в Англии и Франции. Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени...

Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости»⁸.

Далее, даже сторонники второй точки зрения, рассматривающей это движение как борьбу всего афганского народа, вынуждены признать, что ханы (вожди племен и их подразделений) не участвовали в движении рошани. Заставляет призадуматься и то обстоятельство, что различные афганские племена относились к движению по-разному: так, вазиры, среди которых Баязид как раз начал проповедь своего учения, не приняли участия в этом движении; одни племена проявляли большую стойкость (например африди, халили, бангаши и другие племена так называемой карланийской ветви), а другие оказались неустойчивыми (например юсуфзаи).

Противники Баязида обвиняли его в том, что он проповедует общность имущества⁹. Что же конкретно подразумевалось под этим?

⁷ См. D. Ibbetson. *Outlines of Punjab ethnography*. Calcutta, 1883, p. 146.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

⁹ См. J. Darmesteter. *Lettres sur l'Inde*. Paris, 1888, p. 182. В связи с этим интересно привести слова Д. Иббетсона, который, ссылаясь на отчет майора Джемса о Пешаваре (Report of Peshawar), пишет, что Баязид Ансари «проповедовал вид социального коммунизма и разрешал своим последователям захватывать землю и иму-

Разгадку мы находим в истории племени хаттаков, написанной в начале XVIII в. Афзаль-ханом, вождем этого племени, внуком известного афганского поэта XVII в. Хушхаль-хана. В своей «Тарих-и мурасса» (Украшенная драгоценностями история), написанной на пушту, Афзаль-хан рассказывает, что его дед со стороны матери, малик Тор оракзаи, участвовал сначала в движении рошани, а потом изменил ему и перешел на сторону Моголов. Вот что заявил малик Тор Ахдаду при ссоре с ним: «Я готов выполнить любое твое распоряжение, но не даю тебе права распоряжаться моим домом и моим полем»¹⁰.

Эти слова станут нам понятными, если вспомнить, что у некоторых афганских племен сохранился и поныне так называемый веш — обычай периодических переделов земли между общинниками. Причем в некоторых случаях обменивались и обмениваются не только земельными наделами, но и домами. Когда афганские племена захватили в XV в. территорию к юго-востоку от Кабула, они поделили землю между разными племенами, их подразделениями и родами. Периодический передел земли производился не только между отдельными хозяйствами: в известные сроки менялись территорией и целые селения, и роды, и подразделения племен, и даже племена. Норвежскому праистру Г. Моргенштерне, путешествовавшему в 1929 г. по северо-западной границе Индии, его проводник — патаи из области Дир — рассказывал, что каждые десять лет он переселяется со своими сородичами в новое селение, а каждые пять лет его семья меняется землей. Лишь в 1929 г. вали (правитель) феодального княжества Сват, населенного преимущественно юсуфзаими, отменил веш на территории княжества (за исключением рисовых полей).

Ясно, что такие обычаи в рассматриваемый нами период истории афганцев были распространены более широко. Заявление малика Тора свидетельствует о стремлении племенной верхушки исключить свои наделы из системы веша.

Афганская рукопись «Тазкират аль-мулук» (Памятка для царей), хранящаяся в Британском музее, говорит, что лишь в XI в. н. э. афганцы начали переходить к земледелию. Обмен домами при переделе земли как раз характерен для периода первоначального оседания на землю.

«Конечно, встречаются земледельческие общины, — писал К. Маркс, — в которых дома, хотя и перестали служить коллективным жилищем, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование комбинировано, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины несут еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более архаической к земледельческой общине в собственном смысле... «Сельская община» встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собою самый новый тип общины и, так сказать, последнее слово архаической общественной формации»¹¹.

При трактовке движения рошани как крестьянского движения, направленного против развивающегося феодализма, становится понятным, почему не участвовали в нем таджики, у которых общинное землевладение перестало существовать и феодализм к рассматриваемому времени был уже развит. Не участвовали в нем и вазиры, хотя и по другой причине: это племя в XVI—XVII вв. занималось кочевым скотоводством, и вопрос о распределении посевной площади не волновал его.

щество всех, кто не соглашался с его верой», и что «в одно время эта секта охватила половину афганского народа». См. D. Ibbetson. Указ. соч., стр. 146.

¹⁰ «Gulshan-i Roh» (Горный цветок). Ed. Raverty. London, 1860, p. 31.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 694.

Неустойчивость позиции юсуфзаев можно объяснить разными причинами: разложением родовой общины; наличием рабства, хотя бы в замаскированной форме; наличием большого числа обезземеленных крестьян из местного коренного населения (свати); феодализацией некоторых племенных подразделений (этот вопрос требует специального и тщательного исследования).

Повидимому, বেশ соблюдался и той народностью, из которой происходил Баязид, — ормурами. Можно предполагать, что рошани требовали сохранения и неукоснительного выполнения этого обычая.

Далее, мы обратили внимание на следующее обстоятельство. Сына Баязида — Джелалэддина называли просто Джелала. И вот, в индийском историческом памятнике «Маасир аль-умара», написанном на фарси навабом Самсам уд-доуле Шах Наваз-хано, редактор издания маулави Абдуррахим сделал такое любопытное примечание: «в списках обычно пишется *рошани*, а в первом списке [имеется] *ростани*, по всей вероятности, должно быть *рустани*»¹². В индексе к первому тому он тоже дает слово *рустани*¹³ при имени Джелала. Между тем слово *рустани* означает «деревенский, крестьянский». Иными словами, редактор этого издания считает вполне возможным, что у Джелалэддина было прозвище «Джелала-крестьянский».

Оставалось найти подтверждающий материал. В октябре 1948 г., благодаря любезности проф. А. А. Семенова, в Ташкенте, в тогдашнем Институте по изучению восточных рукописей при Академии наук Узбекской ССР автор получил возможность ознакомиться с рукописью индийского историка XVII в. Абдул-Кадыра Бадаони, где имеется такое место: «поэтому для борьбы с бандой (отродьем) *тайфайи рошани рустани* *روشنائی روستائی*...» был назначен Ман Синг¹⁴. Оба эпитета стоят рядом и возможность описки отпадает (слова эти подчеркнуты в рукописи).

Наконец, имеется прямое свидетельство Афзаль-хана о расслоении среди афганских племен. Он пишет в «Тарих-и мурасса», что при осаде Пешавара афганскими племенами под руководством Абдул-Кадыра против рошани выступали «три рода: пешаварские вожди (арбабы)¹⁵; род автора, поскольку Шахбаз-хан¹⁶ в то время был с Моголами; а среди оракзаев — род малика Тора»¹⁷. В то же время племенное ополчение (улус) хаттаков выступило совместно с другими афганскими племенами против могольской армии, о чем имеются данные других источников.

Таким образом, можно считать, что движение рошани было движением крестьянским и антифеодальным¹⁸.

Такая трактовка дает возможность объяснить многие высказывания противников движения рошани, объяснить и отношение к нему разных афганских писателей XVI—XVIII вв.

Значение движения рошани для истории афганской литературы XVI—XVII вв. очень велико. Оно способствовало появлению новых демокра-

¹² «Маасир аль-умара», стр. 106.

¹³ Там же, индекс, стр. 23.

¹⁴ Абдул-Кадыр Бадаони. Мунтахаб ат-таварих (Избранные истории). Рукопись Института востоковедения АН Узбекской ССР, л. 306.

¹⁵ Арбаб — господин, владетель.

¹⁶ Отец Хушхаль-хана и прадед Афзаль-хана.

¹⁷ «Gulshan-i Roh», стр. 34.

¹⁸ Напрасно В. С. Смит — автор статьи «Lower-class uprisings in the Mughal Empire» («Islamic culture», 1946, январь, стр. 34) — пытается уверить, что эта борьба «не была классовой борьбой в строгом смысле слова», и что «патанское общество в том же смысле не было классовым обществом». Ведь он сам вынужден отметить, что ханы не участвовали в этом движении.

тических тенденций и дало толчок развитию литературы на пушту. Как руководители движения рошани, так и его противники были вынуждены обращаться к массам — афганским племенам. Этим и объясняется то обстоятельство, что вожди обоих лагерей, не будучи афганцами (Баязид — ормур, а Дарвеза — таджик), очень часто писали свои произведения на пушту.

Свои взгляды Баязид Ансари изложил в книге «Хайр уль-байан» (Преблагая весть), написанной на пушту, со вставками на фарси, хинди и арабском языке. Эта книга долго считалась уничтоженной врагами секты рошани. В 1927 г. норвежский праист Г. Моргенштерне в своем этимологическом словаре языка пушту указал, что в его распоряжении находится рукопись книги «Хайр уль-байан», относящаяся к 1650 г.¹⁹, и опубликовал отрывки, написанные на пушту²⁰ (по имеющимся сведениям, эта рукопись хранится сейчас в библиотеке Британского музея, в Лондоне). В выдержках, воспроизведенных в транскрипции Г. Моргенштерне, имеется один абзац, подтверждающий обвинение Баязида в пантеизме.

Баязид пишет: «Господь повелел: [подобно тому] как рыба плавает в воде и лицо ее обращено к воде, точно так же, куда бы ни повернулись люди, лицо их обращено ко мне».

Из этого Баязид делал вывод, что при намазе необязательно обращаться лицом к Мекке. Однако из пантеистических установок следовал и другой, более существенный вывод о равенстве всех людей перед богом.

«Хайр уль-байан» — первый образец рифмованной прозы на пушту; имеются в нем и стихи, как об этом можно судить по цитатам у Дарвезы. Рифмованная проза, несомненно, использовалась автором этой книги в целях пропаганды: печатного станка не было, рукописей было мало, а еретические к тому же уничтожались, поэтому была принята устная передача. По содержанию своему это — первая на пушту книга суфийского направления, морального и религиозного содержания, за нею последовал ряд книг такого же характера.

В литературной работе Баязиду больше всех помогал мулла Арзани, автор сохранившегося, но не изданного дивана (обнаружен недавно в одном из пунктов полосы афганских племен). В стихотворной форме он излагал учение Баязида. Будучи талантливым поэтом-импровизатором, Арзани выступал литературным знаменосцем секты рошани. По вполне понятным причинам его произведения не издавались ни в Индии, ни в Афганистане, как не издаются диван и другого крупного поэта-рошанийца Давлята Лохани, хотя он и имеется в Кабуле (печатаются лишь отдельные произведения в антологиях и в органе Афганской Академии наук — журнале «Кабул»).

Наибольшую известность среди поэтов-рошанийцев приобрел Мирза-хан Ансари, внук Баязида (XVII в.), стихи которого воспроизведены в ряде антологий.

Язык Баязида и его стилистические приемы оказали большое влияние на его современников и последующих писателей, даже на таких противников учения Баязида, как ахунд Дарвеза.

Противники рошани. Противником Баязида, возглавившим в качестве союзника феодалов и могольских падишахов борьбу мусульманского, ортодоксального духовенства с сектой рошани, был ахунд Дарвеза, родившийся в 1533 г. в районе Пешавара (умер якобы в 1638 г.).

На пушту, частично на фарси, написан им «Махзан уль-ислам» (Со-

¹⁹ G. Morgenstierne. An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927, p. 110.

²⁰ «The new Indian antiquary», vol. II. Bombay, 1939.

кровищница ислама), полемическое сочинение, направленное специально против учения Баязида Ансари. Эта неоднократно издававшаяся книга представляет собою мусульманский катехизис, ставивший своей целью опровергнуть учение Баязида. «Махзан уль-ислам» объявлял греховными даже такие излюбленные развлечения афганцев, как пение и пляски; Дарвеза требует затворничества женщин и неукоснительного выполнения всех требований ислама в его суннитском толковании²¹.

На протяжении всей книги Дарвеза проклинает Баязида, приписывая его учению худшее из всего, что можно сказать о других сектах. Брат Дарвезы, мулла Асгар, поместил в этой книге стихотворную анафему по адресу Баязида, утверждая, что Мухаммед якобы предсказал появление его секты и заранее заявил, что она будет худшим видом ереси.

Раздел этой книги, представляющий собой написанную в тенденциозном духе историю рошани, был впервые переведен в начале XIX в. английским востоковедом Лейденом.

Поскольку этим источником пользуются и наши востоковеды, я должен сделать предупреждение. Перевод Лейдена весьма тенденциозный. По сути дела это даже не перевод. Лейден просто излагает своими словами то, что писал Дарвеза. Имеются и искажения. Остановлюсь на самом важном с точки зрения нашей темы. По Лейдену выходит, что, вернувшись в Канигурам, Баязид стал отшельником и завел себе келью в горной глуши («a cell which he formed in the solitude of the mountains»)²². Между тем у Дарвезы²³ сказано совсем другое:

خلو تونه ئى بنياد كمره عامى خلق ئى وربان، т. е. «он начал устраивать тайные собрания, приглашая на них невежественный народ»²⁴. Вообще Дарвеза все время подчеркивает, что Баязид обращался к «простонародью» (عوام الناس), к «черни» (عوام).

Тенденциозную историю афганцев и автобиографию самого Дарвезы представляет другое его сочинение (на фарси) «Тазкират аль-абрар ва аль-ашрар». «Разбойникам», т. е. рошани, посвящена особая глава. Кроме того, во всех остальных главах на каждом шагу встречаются выпады против этой секты и ее руководителей и проклятия по их адресу.

Наряду с этим в ней содержится ряд ценных для исследователя знаний. Так, Дарвеза пишет, что часть племени юсуфзаев он убедил выступить против рошани (конец XVI в.). Далее он указывает, что к этому движению примкнуло большинство афганцев, живших на склонах Сафедкоха (Спингара), что афганцы перестали совершать намаз, соблюдать пост, платить закят (подать с имущества), питают вражду к улемам (духовенству), сжигают коран и хадисы (книгу традиций)²⁵.

Вообще Дарвеза старается не затрагивать вопросов, представляющих опасность даже в его изложении, в частности вопроса о земле. Однако рассказывая об одном легендарном эпизоде из истории афганцев, он все же написал следующее: «старик рассказывает, что у афганцев установился такой обычай, противоречащий шариау: достигнув зрелости и возмужалости, сыновья делят имущество матери и отца²⁶ между собой, оставив матери и отцу кое-что на пропитание и похороны (упаси нас боже

²¹ См. «Махзан уль-ислам». Лахор, 1911 (литогр.) стр. 158. Враждебные выпады Дарвезы показывают, что афганские женщины принимали широкое и очень активное участие в движении рошани.

²² J. Leyden. On the Rosheniah sect and its founder Bayezid Ansari. «Asiatic researches», vol. XI. London, 1813, p. 368.

²³ Дарвеза. Тазкират аль-абрар ва аль-ашрар (Жизнеописание праведников и злодеев). Лахор, 1900, стр. 31.

²⁴ «Махзан уль-ислам», стр. 159.

²⁵ Дарвеза. Тазкират аль-абрар ва аль-ашрар, стр. 87.

²⁶ Родители по-афгански مور او پلار (мать и отец).

от такого зла!). Между тем в шариае Мухаммеда (да почиет он в мире!) повелено так: и когда сын вырастет, он должен сам добывать себе пропитание каким-либо занятием, а не требовать его у матери и отца, если только он не слеп и не калека. Если даже сын ведет дело за счет имущества отца и занимается торговлей и земледелием, ему ничего не причитается, поскольку средства принадлежат отцу, а в отношении средств сын может претендовать только на оплату своей работы, кроме случаев согласия на то отца; во всяком случае сын не может предъявлять никаких претензий на имущество отца, за исключением того, что отец дает ему из милости и по любви; а в таком случае никто этому не может препятствовать»²⁷.

Поскольку рошани — «явные кафиры», Дарвеза разрешает мусульманским правителям убивать их, брать их жен в рабство и «на законном основании присваивать себе их имущество»²⁸.

Дарвеза предлагает переименовать основное сочинение Баязида «Хайр уль-байан» в «Шарр уль-байан» (Презлая весть) либо «Хар байан»²⁹ (Ослиная весть).

Клерикальные предтечи и воспитатели светских писателей — феодалов, писавших на пушту, Дарвеза, его братья и сыновья в отношении литературного таланта значительно уступали Баязиду и его сторонникам.

Позиция светских феодалов. Наиболее выдающимся представителем светской феодальной поэзии афганцев является Хушхаль-хан, вождь племени хаттаков, поэт и полководец (1613—1691).

Хушхаль-хан стал вождем хаттаков в 1641 г.; до 1660 г. он помогал Моголам, участвовал в их походах. При падишахе Аурангзебе он впал в немилость, был заключен в крепость в Индии, откуда его освободили в 1666 г. По возвращении на родину Хушхаль-хан вскоре принял участие в войне афганцев против державы Великих Моголов, войскам которых он в союзе с афридиями нанес ряд серьезных поражений.

Несмотря на почти непрерывные войны и внутренние раздоры (Моголам помогал один из его сыновей, Бахрам-хан, добивавшийся княжеского престола), Хушхаль-хан написал много самых разнообразных произведений, преимущественно на пушту, отчасти и на фарси. Его диван, неоднократно издававшийся, свидетельствует о большом мастерстве Хушхаль-хана. Язык его произведений отличается простотой и силой.

Хушхаль-хан почти на все явления общественной и личной жизни откликнулся стихами. Диапазон его тематики очень широкий; тут и обычные темы поэта — лирика и наставление по вынашиванию ловчей птицы, автобиография и проклятие сыну-изменнику, тут и медицинский рецепт, и призыв к борьбе, и все это в стихах.

Произведения самого Хушхаль-хана и упоминавшаяся выше история племени хаттаков показывают, что он был уже настоящим феодалом и, повидимому, добивался создания афганского феодального государства, во главе которого надеялся стать сам, чем и вызвал подозрение у Моголов. Принадлежностью Хушхаль-хана к классу феодалов определяются следующие моменты в его творчестве: явно враждебное отношение Хушхаль-хана к секте рошани, к ее руководителям и наиболее стойким приверженцам, например, к племени бангаш и к поэтам-рошаньям — Арзани и другим; частое подчеркивание необходимости сильной феодальной власти, способной подавить сопротивление народа.

²⁷ Дарвеза. Тазкират аль-абрар ва аль-ашрар, стр. 88—89.

²⁸ Там же, стр. 87.

²⁹ Читая неправильно это название, Баязиду приписывали книгу «Khorran»; см. предисловие к книге J. Darmesteter. Chants populaires des Afghans. Paris, 1888—1890.

Так, в одном его стихотворении читаем:

«Среди бангашей много еретиков,
Не ведающих о велениях шарната;
Разве бангаш — пахтуны (афганцы. — М. А.)?
Посмотри на них — кто они?
Нет у них ни уважения к происхождению,
Ни веры, ни имама»³⁰.

В другом стихотворении Хушхаль-хан пишет:

«Не слышно во всем Тирахе призыва
муэдзина,
Утром ты услышишь лишь пение петуха.
Оракзан все до одного еретик,
А еще пуще еретик афридин.
В исламе есть столпы, веления,
дозволенное и недозволенное,
Не ведают о том афридин, оракзан,
Не совершают они молитвы при погребении,
Нет у них также имама.
Не платят они закята, не свершают
Поминок, бога они не боятся.
Блажен тот, кто твердо следует
шариату,
Проклят тот, кто не твердо соблюдает его
веления»³¹.

В этих строках мы слышим те же обвинения, что и у Дарвезы (см. выше).

В одном из своих стихотворений Хушхаль-хан осуждает афганцев за то, что они

«Не слушаются ни отца, ни наставника.
Сколько их есть — все они у Ахдада,
А он погубил их раздорами»³².

Характерны разночтения одного стиха. В пешаварском издании дивана Хушхаль-хана читаем:

«Чрево мое — афридий, что не печется
о вере;
Мало у него хороших мыслей,
Очень оно склонно ко злу,
Я как пророк учу его истинной вере,
А оно как сатана — внушает неверие»³³.

В том же стихотворении Хушхаль-хана, напечатанном в сборнике Раверти, вместо слова *пророк* стоит *Дарвеза*, а вместо слова *сатана* напечатано *Рошан*³⁴ (следует отметить, что пешаварское литографированное издание дивана Хушхаль-хана печаталось по рукописи, принадлежавшей его внуку Афзаль-хану).

³⁰ «Диван-и Хушхаль-хан Хаттак» (Диван Хушхаль-хана Хаттака), т. I. Пешавар, 1928, стр. 62.

³¹ Там же, т. II, 1928, стр. 218.

³² Там же, стр. 32.

³³ Там же, стр. 162.

³⁴ Там же, стр. 199.

В биографическом очерке, который предпослан английским афгановедом Раверти стихотворениям Хушхаль-хана, отмечается, что падишах Шах-Джахан подтвердил права Хушхаль-хана на феодальное владение (fief) после смерти его отца. Раверти пишет: «До того как Хушхаль стал вождем, границы страны хаттаков не были хорошо определены, т. е. каждая семья в этом племени не имела закрепленной за ней земли (курсив мой. — М. А.). Хушхаль-хан велел размежевать всю имевшуюся землю и закрепил границы; внес их в [кадастровый] реестр и в зависимости от численности каждой семьи отвел соответственное количество пахотной земли. Это устройство действует до сих пор и, насколько мне известно, от него не было отклонений...»³⁵.

У Хушхаль-хана имеется и прямой выпад против обычая веш: этот обычай высмеивается им в одном из стихотворений, где он скорбит о том, что Сват, который «предназначен для того, чтобы приносить радость и наслаждение монарху», превращен юсуфзаями «в пустыню». В другом стихотворении о Свате Хушхаль-хан, порицая юсуфзаев, делает такое любопытное признание:

«Мы говорим на одном языке — пушту,
Но мы так и не поняли друг друга»³⁶.

Взгляды Хушхаль-хана изложил в прозе на языке пушту его внук, Афзаль-хан, в книге «Украшенная драгоценностями история» (драгоценности — это стихи Афзаль-хана на пушту и фарси). Издана она в выдержках, тем же Раверти³⁷ и в еще более сокращенном виде англо-американским миссионером П. Юзом³⁸.

Рассказывая о том, как Баязид Ансари поселился в Каладере и вызвал на диспут улемов, в том числе ахунда Дарвезу, и говоря о безрезультатности спора, Афзаль-хан пишет о правителях: «В то время в этой стране не было власти правителей. Дела в ней не могли решаться как следует. Так уж заведено: в стране, где нет власти правителя (хакима), ни одно дело не может уладиться». Далее следуют стихи:

«Там, где не почитают улемов,
Такую страну раздирает смута.
Где нет уважения к дервишам,
Дурная слава у такой страны.
Если страна лишена карающей
руки хакима,
В такой стране возникает мятеж.
Если наносится ущерб ханскому роду
(Хейль-хана),
Будь у него даже царское богатство, —
и то пропадает»

«Десятка два невежд идут за одним, а два десятка — за другим» — пишет затем Афзаль-хан: «Этот не борется с тем, а тот не борется с этим»³⁹.

Ценно и такое указание Афзаль-хана: «патаны и другие последователи

³⁵ H. G. Raverty. Selections from the poetry of the Afghans. London, 1864, p. 184.

³⁶ «Диван-и Хушхаль-хан Хаттак», т. II, стр. 89.

³⁷ См. «Gulshan-i Roh».

³⁸ P. Hughes. Kalid-i Afghani (Ключ пушту). Lahore, 1872.

³⁹ «Gulshan-i Roh», стр. 29.

Пира Рошана еще больше собрались вокруг него [Ахдада]⁴⁰. Хотя здесь и не говорится, кто же эти «другие», но ясно, что в движении рошани участвовали не только афганцы.

* * *

Творчество других афганских поэтов XVII в., особенно такого крупного и популярного поэта, как Абдуррахман, пока еще изучено недостаточно.

Хотелось бы обратить внимание на следующие факты. Абдуррахман родом из племени моманд (родился он в 1632 г. и умер в 1708 г.). Известно, что в молодости он пережил сильную душевную драму. По одной версии, он стал безбожником, перестал молиться в мечети и сидел дома. По другой — он увлекался суфизмом и стал вольнодумцем. Родной брат Абдуррахмана, вождь племени момандов, посадил его в тюрьму. Были у него и какие-то разногласия с Хушхаль-ханом.

Знаменателен такой факт. Один стих Абдуррахмана гласит:

نه شی د خانانو د خوارانو سر ملی
چرتنه عزیز خان کچرتنه ملنگ عبد الرحمان

«Не могут быть в одном селе бедняки и ханы:
Где Азиз-хан и где — дервиш Абдуррахман?»⁴¹.

Между тем в антологии Раверти напечатано:

«Не могут жить в одном селе дервиш и убийца».

Такие разночтения, как данное и упоминавшееся выше, говорят о необходимости собирания афганских рукописей XVI—XVII вв., тщательного изучения их и критического издания сводных текстов. Это позволит сделать более верные выводы в отношении содержания произведений тогдашних писателей.

Мы же ставили своей задачей — познакомить исследователей Востока с некоторыми вопросами истории и литературы афганцев XVI—XVII вв. и указать на значение афганской литературы для изучения процесса феодализации афганцев.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ В ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

В апреле 1955 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялась научная сессия филологической секции Ученого совета Института, посвященная проблемам социалистического реализма в литературе народов зарубежного Востока.

В работе сессии приняли участие научные сотрудники и аспиранты Института, профессора и преподаватели вузов Москвы и Ленинграда, а также ряд других специалистов-литературоведов.

Сессия открылась докладом д-ра филол. наук И. С. Брагинского «Об утверждении метода социалистического реализма в литературе народов зарубежного Востока».

Касаясь вопроса об условиях возникновения социалистического реализма в странах, где еще не победил социализм, И. С. Брагинский отметил, что утверждение социалистического реализма в литературе это не одновременный акт, а длительный процесс зарождения и становления, развития и усовершенствования. Такой метод, сказал он, может появиться одновременно с развитием социалистической идеологии, ибо социалистический реализм это прежде всего изображение правды жизни, опирающееся на марксистское мировоззрение. Метод социалистического реализма может утвердиться во всех странах Востока (равно как и Запада), где имеются сознательные кадры борцов за социализм. Писатель-коммунист, идейно связанный с партией, с революционным авангардом народа, в условиях массовой и острой революционной борьбы может овладеть методом социалистического реализма и до победы социалистической революции в его стране. Остальных прогрессивных писателей И. С. Брагинский считает представителями метода критического реализма нового типа, который растет и развивается в сторону социалистического реализма.

В заключение докладчик призвал советских востоковедов-литературоведов продолжать глубокое и систематическое изучение литературы зарубежного Востока для того, чтобы еще лучше понять, на какой почве развивается метод социалистического реализма и каковы стоящие перед писателями стран Востока задачи.

Доклад о современной китайской литературе сделал канд. филол. наук Л. З. Эйдлип.

Начиная с антифеодального и антиимпериалистического «движения 4 мая» 1919 г., а в особенности со времени создания Коммунистической партии Китая в 1921 г., заявил докладчик, все стремления прогрессивных писателей были направлены к правдивому отображению действительности в ее революционном развитии.

В качестве основоположника социалистического реализма Л. З. Эйдлип назвал Лу Синя — писателя, продолжавшего в своем творчестве народные реалистические традиции китайской классической литературы. Уже в конце 20-х годов Лу Синь создает произведения, в которых рисует образ активно действующего положительного героя — человека, ведущего народ на борьбу с реакцией. Революционные повести и пьесы Лу Синя, Го Мо-жо, Мао Дуня и других писателей старшего поколения предшествовали новой литературе, которая родилась в освобожденных районах Китая, где могла быть впервые осуществлена подлинная связь писателя с народом. Чжоу

⁴⁰ «Gulshan-i Roh», стр. 29.

⁴¹ Цит. по Мунши Ахмад-джан. До кассахани гап (Рассказы сказочников, Пешавар, 1929, стр. 23.

Ли-бо, Дин Лин, Чжао Шу-ли и другие писатели освобожденных районов, обладавшие самой различной манерой письма, стремились к единой для них центральной теме — теме формирования нового человека, перестраивающего общество. Развивая народные традиции, указывает докладчик, они сочетали их с новым содержанием, показывая борьбу китайского народа за национальное и социальное освобождение.

В июле 1949 г. состоялся первый Всекитайский съезд работников литературы и искусства, который отметил достигнутые успехи и призвал писателей и деятелей искусства к созданию высококачественных художественных произведений. Четыре года, прошедшие от первого до второго Всекитайского съезда работников литературы и искусства (1949—1953), были периодом борьбы Коммунистической партии Китая за подъем пролетарской культуры, за дальнейшее развитие литературы и искусства по пути социалистического реализма.

В заключение Л. З. Эйдинг отметил, что борьба с влиянием буржуазной идеологии, развернувшаяся в последнее время, еще более укрепила китайскую литературу на позициях социалистического реализма.

Доклад о проблеме социалистического реализма в монгольской литературе сделал канд. филол. наук Г. И. Михайлов.

Зарождение новой монгольской литературы относится к эпохе вооруженной борьбы монгольского народа за освобождение своей страны от феодализма и интервентов. Первые ее произведения — партизанские песни и рассказы были созданы героями партизанами. После победы революционного аратства решающую роль в объединении молодых литературных сил сыграли печатные органы Монгольской народно-революционной партии.

Докладчик подробно охарактеризовал значение переписки А. М. Горького с молодыми монгольскими писателями, а также значение решений VII съезда МНРП (1928 г.) для развития современной монгольской литературы, для становления в ней метода социалистического реализма. По мнению Г. И. Михайлова, современная монгольская художественная литература вступила на путь социалистического реализма еще в первые годы народной революции. Однако к признанию того факта, что их творческим методом является метод социалистического реализма, монгольские писатели пришли лишь в пятидесятых годах.

Далее Г. И. Михайлов анализирует весьма разнообразные по своей тематике произведения современных монгольских писателей и делает вывод, что символизм, натурализм и прочие подобные течения уже пройденный этап; социалистический реализм стал единственным общепризнанным творческим методом писателей МНР.

Канд. филол. наук Д. С. Комиссаров сделал доклад на тему: «Образ положительного героя в современной персидской художественной прозе». Персидская художественная проза зарождается лишь в конце XIX — начале XX в. В произведениях новой персидской прозы критиковались пороки иранского общества. Однако критика эта была непоследовательной, политически ограниченной.

Поворотным периодом для персидской литературы, указал Д. С. Комиссаров, был период второй мировой войны, когда в стране изменилась политическая обстановка, обозначился рост демократических сил. Именно в послевоенные годы наступает расцвет творчества талантливых писателей Садека Хедаята, Бозорга Аляви, Беха-зина Нушина, поэтов Табарии и Афранше.

Большое значение для развития прогрессивной персидской литературы, по мнению докладчика, имели развивавшиеся культурные связи Ирана с Советским Союзом, в частности широкое знакомство писателей с выдающимися произведениями русской и советской литературы, с передовым художественным методом социалистического реализма.

Анализируя произведения, написанные в 40—50-х годах, Д. С. Комиссаров показал стремление прогрессивных иранских писателей овладеть очень важной стороной передового художественного метода — создать образ положительного героя, революционера. Мотивы уныния и безнадежности уступают место протесту, призыву к борьбе за человеческие условия жизни. На основе всего этого докладчик делает вывод, что

наряду с критическим реализмом в персидской прогрессивной прозе появляются новые черты, присущие более передовой демократической литературе.

Канд. филол. наук В. А. Новикова (Ленинградский университет) сделала сообщение о литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Пориной» (Обозрение), являющемся боевым органом современных прогрессивных писателей Бенгалии.

«Пориной» раньше других бенгальских литературно-художественных журналов организовал постоянный отдел критики и библиографии, в котором помещались обзоры зарубежных новинок и критические статьи об отечественной литературе. На страницах журнала «Пориной» впервые было организовано широкое обсуждение вопросов реалистического метода и его значения для развития художественной литературы Бенгалии, велась напряженная полемика с представителями «чистого искусства».

Выражая жизненные интересы, чаяния и надежды широких народных масс, сказала в заключение В. А. Новикова, «Пориной» горячо отстаивает дело мира во всем мире, борется за дружбу между народами, за укрепление и развитие культурных и деловых связей Индии с Советским Союзом и странами народной демократии.

Доклад канд. филол. наук В. В. Логуновой был посвящен творчеству прогрессивной японской писательницы Миямото Юрико.

Подробно рассказав о жизненном пути Миямото Юрико, В. В. Логунова проанализировала наиболее крупные произведения писательницы: «Нобуко», «Два дома» и «Вехи». Изображение народа как революционной силы является тем новым в творчестве Миямото Юрико, что позволяет отнести ее к числу писателей, вставших на путь овладения методом социалистического реализма.

Говоря о недостатках в творчестве Миямото, В. В. Логунова указала на противоречия между формой и содержанием в ее произведениях. Так, две последние части вышеупомянутой трилогии носят характер «повестей о себе». Несмотря на это, произведения Миямото Юрико зовут к борьбе за светлое будущее японского народа, они внушают веру в силу и способности человека, показывают, что только в рядах народа и его партии интеллигент обретает силу. Все это делает произведения Миямото Юрико ценным вкладом в прогрессивную японскую литературу.

Мл. научный сотр. Института В. И. Иванова посвятила свое выступление творчеству корейского писателя Ли Ги Ена и его роману «Земля».

Мировоззрение и творческий метод Ли Ги Ена — одного из основоположников современной корейской литературы, отметила В. И. Иванова, складывались и развивались в условиях колониальной Кореи. Многие произведения писателя посвящены тяжелой жизни корейского крестьянина. Уже в романах «Праздничные огни», «Родина», написанных в 30-х годах, писатель показывает, как в деревне постепенно обостряются классовые противоречия, начинается борьба между помещиками и арендаторами-бедняками.

Созданный в 1946 г. роман «Земля», указывает В. И. Иванова, является социально-историческим и художественным обобщением коренных изменений, происходивших в жизни корейского народа, трудового крестьянства после освобождения.

В романе «Земля», где показаны рост и формирование новых людей — строителей народно-демократического государства, черты метода социалистического реализма проявились особенно ярко. Этот роман, сказала В. И. Иванова, свидетельствует об умении Ли Ги Ена показывать носителей положительного, революционного начала и вместе с тем бичевать все реакционное, отсталое, мешающее движению вперед.

О деятельности журнала «Ат-Тарик» в борьбе за прогрессивную арабскую литературу рассказал канд. филол. наук Д. И. Юсупов.

Журнал «Ат-Тарик», первоначально основанный как орган сирийско-ливанской Лиги борьбы с фашизмом, ведя борьбу за реалистическое искусство, выступает за литературу, которая вторгалась бы в жизнь и переделывала ее. На его страницах печатаются рассказы, отображающие не только человеческие страдания, но и борьбу народа за его жизненные права, за мир и национальную независимость. «Ат-Тарик», подчерк-

нул докладчик, способствует росту идейного и художественного мастерства прогрессивных арабских писателей.

Интересные сообщения сделали также канд. филол. наук А. А. Бабаев («О творчестве демократических писателей Турции»), канд. филол. наук А. З. Розенфельд («Опыт характеристики творчества Садека Хедаята») и аспирантка Института Ю-Фэй Бострем («Социалистический реализм в китайской литературной критике»).

Выступавшие на заседаниях канд. филол. наук Л. Д. Позднеева, Л. О. Алякова и другие высказали критические замечания по поводу отдельных положений докладчиков.

В заключение заседания было принято решение опубликовать материалы сессии в специальном выпуске «Кратких сообщений» Института.

Отмечая некоторые недостатки в работе сессии, следует указать на плохую организационную подготовку, в результате чего были слабо привлечены литературоведы, работающие вне Института востоковедения АН СССР.

А. А. Калимов

XIV СЪЕЗД ПОЛЬСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

10—12 июня 1955 г. в Неборове (Варшавское воеводство) состоялся очередной, XIV (седьмой после освобождения Польши) съезд польских востоковедов. В работе съезда приняли участие представители всех научных учреждений и организаций Польской Народной Республики, занимающихся изучением различных проблем Востока. На съезд прибыли также представители Академии наук СССР, Академии наук Чехословацкой Республики и немецкие востоковеды.

Съезд открыл академик-секретарь первого отделения Польской академии наук проф. Я. Васильковский. Он указал на огромный интерес, проявляемый польской научной общественностью к странам современного Востока, и подчеркнул, что дальнейшее развитие польского востоковедения даст возможность еще лучше познать народы Востока и их культуру.

Затем выступил председатель Комитета востоковедения Польской академии наук проф. А. Зайончковский, заявивший, что польские ученые должным образом оценивают все возрастающую роль народов Азии и Африки в борьбе за освобождение от колониального гнета, а также громадное значение Народного Китая и его место в лагере мира и демократии.

Далее проф. Зайончковский кратко остановился на итогах работы польских востоковедов за период, прошедший с момента предыдущего съезда, т. е. с июня 1954 г. по июль 1955 г. За отчетный период были изданы следующие труды польских востоковедов: «Rocznik Orientalistyczny» (XVIII и XIX тт.), в одном из которых содержится исследование известного семитолога проф. С. Стрельцына, посвященное абиссинским магическим заклинаниям; сборник «Цюй Юань», содержащий сообщения о поэтике Цюй Юаня, о значении его произведений для изучения истории китайского языка и другие материалы; «Очерки по османско-турецкой дипломатике» А. Зайончковского и Я. Рейхмана. Кроме того, регулярно выходили выпуски научно-популярного трехмесячника «Przegląd Orientalistyczny».

В настоящее время ведется подготовка к изданию следующих трудов: А. Дембицкий «Периодизация древней истории Китая»; Н. Пильшикова «Глагольная система в языке хауса»; А. Зайончковский «Хосров и Шприн», издание золотоордынского текста; «Очерки по истории польского востоковедения» под редакцией проф. С. Стрельцына; В. Яблонский, «Антология китайской литературы»; Сочинения Цюй Юаня в переводах

В. Яблонского и О. Войтасевич; «Кебра Негас» (абиссинская эпопея), перевод С. Стрельцына; «Сборник староегипетской литературы», перевод А. Анджиевского, «Избранные газели Хафиза» перевод А. Зайончковского; «Арабские источники по истории Восточной Европы и славянских стран» (готовит Т. Левицкий); «Древнееврейские источники по истории Восточной Европы и славянских стран» (готовит Ф. Купфер и Т. Левицкий). Готовится к печати «Rocznik Orientalistyczny» тт. XX и XXI. В XXI томе, который будет посвящен памяти проф. Станислава Шейера, примут участие зарубежные ученые, в частности, индийские.

Проф. Зайончковский отметил, что известные трудности при публикации восточоведных изданий вызваны недостатком или отсутствием восточных шрифтов и транскрипционных литер.

Проф. Зайончковский остановился также на общественно-популяризаторской деятельности польских востоковедов, которая выразилась в организации и проведении ряда литературных вечеров, посвященных творчеству писателей и поэтов Ближнего и Дальнего Востока, в подготовке переводов и обработке таких памятников культуры народов Востока, как, например, известное философское сочинение «Хай-либи-Якзан» (Живой сын бодрствующего), «Тысяча и одна ночь» и другие. Особо была отмечена работа польских востоковедов, связанная со столетием со дня смерти А. Мицкевича. Были освещены вопросы о восточных мотивах в творчестве великого польского поэта и об откликах на его произведения в странах Востока.

Подчеркнув необходимость дальнейшей перестройки польского востоковедения по линии усиления внимания к исследованиям на общественно-исторические темы, проф. А. Зайончковский сказал, что должны продолжаться и работы филологического характера. Большое внимание в докладе было уделено проблеме подготовки кадров и усовершенствования аспирантуры.

Докладчик отметил все более крепнущие международные связи польского востоковедения, особенно научное сотрудничество польских ученых с советскими учеными, в третий раз принимающими участие в работе съезда польских востоковедов. В заключение оратор высказал пожелание о дальнейшем укреплении связей востоковедов Польши с советскими востоковедами и востоковедами других стран. Это пожелание встретило полную поддержку со стороны участников съезда и было конкретизировано в последующих беседах. Конкретные предложения сводились к следующему. Востоковедным центрам заинтересованных стран, прежде всего СССР, Польши, Чехословакии и ГДР, следовало бы обмениваться информацией о выходящей востоковедной литературе, о темах научной работы и планах издательской деятельности, об учебных пособиях и конспектах, по которым ведется преподавание востоковедных дисциплин в вузах. Для повышения уровня научной критики следовало бы организовать взаимное рецензирование трудов, подготовленных к печати этими востоковедными центрами. Было бы полезно осуществлять научные командировки аспирантов и младших научных сотрудников одной страны в другую сроком от шести месяцев до года, а также взаимные посещения востоковедных центров крупными учеными сотрудничающих стран. Кроме того, участники съезда высказались за организацию в отдельных случаях коллективных научных исследований с участием востоковедов заинтересованных стран и за проведение ежегодных конференций востоковедов вышеназванных стран.

После вступительной речи проф. А. Зайончковского с докладом на тему: «Оценка современной буржуазной историографии по востоковедению» выступил проф. Я. Рейхман. Доклад был подготовлен группой польских ученых под его руководством. Необходимость постановки этого доклада совершенно правильно была обоснована тем, что в исследовательской работе ученым постоянно приходится пользоваться публикациями буржуазных востоковедов, представляющими собой весьма разнородный с точки зрения научной ценности материал.

В докладе было указано на следующие основные особенности буржуазной историографии в области исследования стран Востока: а) фактография, б) детерминизм географической среды и идеологии, в первую очередь — религии, в) постулирование решаю-

щей роли выдающихся личностей и г) недооценка или отрицание (a priori) основных положений исторического материализма. Авторы доклада отмечали также, что некоторые буржуазные ученые открыто фальсифицируют историю народов Востока, подтасовывая факты и тенденциозно освещая события.

В. Яблонский, В. Котанский, С. Стрельцын, М. Н. Иванова, Э. Шиманский, Л. Гиршович и другие, выступавшие по докладу проф. Я. Рейхмана, отметили правильность его основных положений и, вместе с тем, указали, что изложенными выше пороками страдают историографические труды буржуазных ученых не только Запада, но и Востока, где исследователи не всегда правильно представляют действительный ход исторических процессов.

Доклад проф. Рейхмана и его обсуждение показали, что польские востоковеды, опирающиеся на передовую марксистско-ленинскую методологию, отходят от исключительно филологической тематики и проявляют большой интерес к историко-экономической тематике, а также к изучению проблем современности, в особенности национально-освободительного движения в странах Востока.

С докладом на тему «Арабские и еврейские источники по истории славян в период раннего средневековья» выступил проф. Т. Левицкий. Он подчеркнул различный характер арабских и еврейских источников, содержащих сведения о славянах, отметил заслуги русских, советских, польских, венгерских и чехословацких востоковедов в области изучения этих источников и обрисовал дальнейшие перспективы исследования этих источников в Советском Союзе, Польше и Чехословакии, где развернута работа над изданием арабских источников по истории славян раннего средневековья (в Польше уже заканчивается печатание первого тома собрания таких документов). Появление самих ранних арабских источников было связано с развитием арабско-славянской торговли, начало которой относится к первым десятилетиям VIII в. и связано с завоеванием арабами Хорасана, Хорезма и Испании. Из Средней Азии и Испании открылись два главных пути арабской торговли со славянскими странами. Интерес к славянским странам имел и военно-политический характер, поскольку арабы в тот период видели в лице славян возможных союзников в своей борьбе против Византии.

Главными источниками информации о славянах для арабских писателей, по мнению докладчика, были: сведения и наблюдения, полученные во время арабских походов на Византию и Хазарию; сообщения рабов; рапорты послов; информации и сообщения купцов и различные литературные источники европейских писателей, внимательно изучавшиеся арабскими авторами. Особенно ценными являются рапорты послов, например, Ибн Фадлана и Ибрагима ибн Я'куба и купцов. Среди последних были как арабы, так и еврей из мавританской Испании и Западной Европы, а также русы, которые достигали даже Багдада, где они через посредство местных славянских пеоольников вели переговоры с арабами. Однако большинство арабских источников о славянах раннего средневековья носит характер компиляций, переработок и сокращений более ранних арабских же сочинений, иногда без указания авторов последних. Среди существующих нескольких десятков текстов арабских источников о славянах едва можно выделить 10—20 оригинальных (конца IX, X, XI и XII вв.). Поэтому пользование ими сопряжено с кропотливыми и длительными изысканиями. Эти арабские сочинения содержат сведения о ремесле, поселениях, строительной технике, торговле, средствах сообщения, об оружии и военной организации, гигиене, одежде, украшениях, религии, обычаях и антропологии славян. Арабские писатели рассказывают также о дань — главной форме эксплуатации населения, о княжеском хозяйстве и управлении, о дружине у западных славян и русов, о рабстве, праве и судопроизводстве у славян.

Вторая часть доклада была посвящена еврейским источникам. Проф. Т. Левицкий отметил, что эти источники, по сравнению с арабскими, являются более оригинальными и в общем касаются тех же сторон славянской жизни, которые описываются и в арабских сочинениях. Еврейские авторы интересовались торговлей, которую вели западно-европейские еврейские купцы со славянскими странами, и еврейскими поселениями на славянской земле, рассеянными на главных торговых путях от Магдебурга и

Праги до Киева и Чернигова, где евреи появились в начале VIII в. Особенно интересны те еврейские сочинения, в которых содержатся славянские глоссы, преимущественно старочешские. Этих глосс имеется свыше сотни, и состоит они либо из одного какого-либо выражения, либо из ряда коротких предложений.

В заключение Т. Левицкий подчеркнул, что сведения арабских и еврейских авторов о славянах имеют большое значение для истории материальной культуры славян раннего средневековья.

По докладу Т. Левицкого высказались: Р. Оли, Э. Шиманский, Л. Згуста, Б. Эпцель, В. Яблонский, Э. Слушкевич, А. Зайончковский и С. Стрельцын. Выступавшие отметили большое значение исследований польских востоковедов, которые заняты изучением арабских, еврейских, турецких и иных восточных источников по истории славянских народов.

Доклад на тему «Система родства у тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов», подготовленный группой под руководством проф. М. Левицкого, был оглашен С. Калужским. На основании изучения большого лингвистического материала и историко-этнографических данных авторы доклада пришли к весьма интересным выводам, например, о том, что у алтайских народов система родства принадлежит к классификационным системам так называемого турано-ганованского типа, что в период XII—XIII вв. у большинства этих народов «элементы родовой общности уступали элементам феодализма». Это тем более важно, поскольку некоторые исследователи иногда переоценивают родовые отношения и игнорируют классовое расслоение у народов алтайской группы даже применительно к недавнему прошлому. Вместе с тем авторы доклада отмечают, что условия существования общественных групп (потребности скотоводческого хозяйства, защита собственности и т. д.) в тот период еще не давали возможности отдельным семьям или мелким группам выделиться из экзогамного рода и жить самостоятельно. Эти роды (так их можно назвать лишь условно) в дальнейшем преобразовались в политические, административные или территориальные единицы, хотя и продолжали сохранять родовую структуру.

Следует отметить тот широкий лингвистический размах, с которым польские востоковеды-языковеды ведут исследование системы родства у алтайских народов: привлекаются данные тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (словари, отдельные сочинения и т. д.), изучаются материалы по истории и этнографии носителей этих языков.

В. Зайончковский, М. Левицкий, С. Стрельцын, А. Зайончковский, Я. Рейхман и Г. Д. Санжеев отметили важное значение зачитанного С. Калужским доклада прежде всего для алтайского сравнительно-исторического языкознания, в котором подобного рода этимологические исследования по существу еще не пачаты. Были высказаны пожелания, чтобы авторы доклада в ходе дальнейшей работы привлекли бы весь имеющийся по данной проблеме материал (словари, этнографические монографии и другие пособия, которыми пока еще не располагают библиотеки востоковедных центров Польши).

Кроме польских востоковедов, с докладами на съезде выступали советские и чехословацкие ученые. Проф. Г. Д. Санжеев выступил с докладом на тему «Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики», а канд. ист. наук М. Н. Иванова с докладом на тему «Из истории национально-освободительного движения в Северном Иране» (о событиях в Иранском Азербайджане и Гиляне, происходивших в 1918—1921 гг.).

Чехословацкий востоковед, проф. Л. Згуста рассказал о результатах своих исследований собственных имен в городах Северного Черноморья скифо-сарматского времени. На основании лингвистического, анализа соответствующего материала проф. Згуста пришел к выводу, что скифская речь западной части указанного района отражает древнеиранские языковые черты, а сарматская речь восточной части того же района — среднеиранские.

Другой чехословацкий ученый, проф. О. Клима, сделал интересное сообщение о результатах изучения им византийских источников, в которых описывается «конечная

трагедия» маздакитского движения на рубеже V—VI вв. нашей эры в Сасанидской Персии. Проф. О. Клима подверг при этом тщательному анализу книги Иоанна Малала (вторая половина VI в.) и Теофана (более позднего времени), из которых последний дает более точные сведения о маздакитском движении.

В день закрытия съезда польских востоковедов с заключительной речью выступил заместитель секретаря первого отделения Польской академии наук проф. Б. Билинский, видный польский специалист по классической филологии. Проф. Б. Билинский отметил успешный ход работы XIV съезда польских востоковедов, наметивший в их работе поворот в сторону изучения историко-экономических проблем современного Востока. Необходимость такого поворота диктуется, по мнению оратора, теми глубокими изменениями, которые ныне происходят в странах Востока. Проф. Б. Билинский подчеркнул необходимость еще большего укрепления научных связей польских и советских востоковедов, братского сотрудничества всех востоковедов стран народной демократии.

С ответным словом выступили представители советских, чехословацких и немецких востоковедов (немецкое востоковедение на съезде было представлено проф. Г. Юнкером и д-ром Гертрудой Пэтч). В этих выступлениях были отмечены несомненные успехи, которых добились польские востоковеды за последние годы, и была выражена уверенность в том, что закончившийся съезд будет способствовать дальнейшему укреплению и развитию тесных научных связей между востоковедами различных стран.

XIV съезд показал, что польское востоковедение значительно выросло и делает заметные успехи на пути продвижения от методов старой ориенталистики к новым, марксистским методам исследования, что польские востоковеды начинают проявлять серьезный интерес к проблемам современного Востока.

М. Н. Иванова и Г. Д. Санжеев

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В УЛАН-БАТОРЕ

Одним из последних крупных событий в научной жизни МНР явилась лингвистическая конференция, созванная Кабинетом языка Комитета наук МНР в мае 1955 г. Участники конференции заслушали и обсудили доклады «О состоянии изучения монгольского языка в МНР и дальнейших задачах» (канд. филол. наук Л. Мишиг); «О второстепенных членах предложения» (действительный член Комитета наук МНР Ш. Лувсанвандан); «О классификации частей речи монгольского языка» (сотрудник Комитета наук Л. Лувсандэндэв).

Л. Мишиг охарактеризовал пути развития монгольского языкознания за годы существования народно-демократического строя. Он отметил рост научных кадров в МНР; рассказал о работе монгольских лингвистов, Кабинета языка Комитета наук МНР, языковых кафедр Государственного университета имени Х. Чойбалсана и Педагогического института. Докладчик остановился и на недостатках в работе указанных выше организаций и отдельных монгольских лингвистов.

Выступавшие в прениях, отметив успехи в области монгольского языкознания, констатировали также наличие в работе лингвистических учреждений и отдельных лингвистов многих серьезных недостатков. К ним относятся в первую очередь слабое овладение монгольскими лингвистами теорией марксизма-ленинизма. Не устраивает научную общественность медленный темп развития языкознания в МНР и несовершенство методов исследовательской работы монгольских лингвистов. Участники конференции отмечали также неудовлетворительное состояние научной критики, отсутствие лингвистических сессий и конференций, плохую координацию в работе лингвистов и лингвисти-

ческих учреждений. Обращалось внимание на отсутствие учебников по монгольскому языку для высших и специальных учебных заведений, а также на недостаточное использование специальной литературы на русском языке. Выступавшие критиковали Кабинет языка Комитета наук МНР за то, что он слабо знакомится с языком широких масс, ограничивая свою деятельность кругами интеллигенции столицы. Выступавшие констатировали факт отставания монгольского языкознания от политического, экономического и культурного развития страны.

На конференции был высказан ряд конкретных предложений. В ходе обсуждения участники предлагали в кратчайший срок принять необходимые меры к усовершенствованию орфографии, создать учебник по грамматике для высших и специальных учебных заведений и к 1 июля 1957 г. — нормативную грамматику монгольского языка. Было рекомендовано упорядочить правила написания редуцированных и подверженных метатезе гласных, мягкого знака и т. д., руководствуясь фонетическими и морфологическими нормами монгольского языка.

Говоря о терминологической и словарной работе, выступавшие отмечали, что необходимо активизировать деятельность терминологической комиссии, выработать терминологию на строго научных основах. Предлагалось улучшить качество словарей, ускорить выход в свет составляемых в настоящее время монгольско-русского, русско-монгольского и краткого толкового словарей.

На конференции вновь был поднят вопрос о необходимости направить всю исследовательскую работу на изучение грамматического строя, словарного состава и основного словарного фонда монгольского языка. Впервые была поставлена задача изучать местные диалекты. Такого рода работы имели бы большое научное значение, ибо о диалектах современного монгольского языка имеются пока что очень скудные данные.

Доклады Ш. Лувсанвандана и А. Лувсандэндэва были посвящены изучению отдельных проблем грамматического строя монгольского языка.

Важный вопрос грамматики монгольского языка, волнующий также и советских лингвистов, осветил Ш. Лувсанвандан. Категория определения, если не считать приложения, не вызывает никаких споров у грамматистов; более или менее согласованное мнение существует и в отношении дополнения. Наличие же обстоятельств признается не всеми лингвистами; очень часто обстоятельственные слова рассматриваются как косвенные дополнения.

Докладчик и большинство выступавших в прениях признали вполне обоснованным разделение второстепенных членов предложения на три группы — определение, дополнение, обстоятельство. В таком плане, по мнению участников конференции, и надлежит излагать в школьных грамматиках материал, относящийся к обсуждаемому вопросу.

К необходимости ввести в школьные грамматики раздел об обстоятельствах монгольские лингвисты пришли после соответствующих исследований. В частности, дополнению и обстоятельствам в монгольском языке была посвящена кандидатская диссертация Л. Мишига. После решения вопроса о второстепенных членах предложения для школьной грамматики монгольским лингвистам предстоит еще много потрудиться для окончательного решения проблемы обстоятельств в плане теоретической грамматики.

А. Лувсандэндэв в своем докладе говорил о принципах лексико-семантической и грамматической классификации словарного состава монгольского языка. Докладчик выдвинул положение о том, что при классификации частей речи в монгольском языке синтаксический и морфологический признаки следует считать главными, а лексико-семантический — второстепенным. Исходя из этих положений, А. Лувсандэндэв дал подробную классификацию частей речи в монгольском языке.

Главные разногласия наблюдаются при трактовке именных частей речи. Одни склонны считать, что в монгольском языке нет имен существительных и прилагательных, а есть имена предметные и качественные; другие признают наличие существительных и прилагательных. Некоторые же лингвисты считают, что в монгольском языке есть и та и другая категория имен. Так как вопрос об име-

нах в монгольском языке является спорным, то наибольший теоретический интерес представляет трактовка докладчиком именно этой проблемы. Однако материалы, которые публикует печать, не позволяют установить точно точку зрения докладчика и конференции по этому вопросу. Не имея доклада, трудно сказать определенно, что скрывается под *бодисийн нэр* и *тэмдгийн нэр*. Термин *бодисийн нэр* может быть приложим к имени существительному и к имени предметному. Равным образом *тэмдгийн нэр* может обозначать как имя прилагательное, так и имя качественное.

Классификация частей речи, предложенная А. Лувсандэндэвом, была одобрена. Участники конференции поддержали предложение докладчика о применении этой классификации в школьной грамматике. Естественно, решение вопроса о частях речи для школьной грамматики не исключает необходимости разрабатывать этот вопрос в теоретическом плане.

Лингвистическая конференция, на которой впервые подверглись широкому обсуждению важнейшие вопросы монгольского языкознания, справедливо рассматривается в МНР как крупное событие в научной жизни республики. Эта конференция явится стимулом к расширению лингвистических исследований в МНР, сделает их более целеустремленными и продуктивными.

Г. И. Михайлов

БРОШЮРЫ О ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕНАХ В НОВОМ КИТАЕ¹

Государственное издательство политической литературы выпустило ряд брошюр, посвященных Китайской Народной Республике. Брошюры изданы массовым тиражом и рассчитаны на широкий круг читателей. Они несомненно сыграют важную роль в ознакомлении советских людей с успехами нового Китая.

Рецензируемые брошюры свидетельствуют о том, что за последние годы заметно повысился теоретический уровень советского Китаеведения. Основываясь на трудах руководителей коммунистической партии и правительства КНР, на материалах сессий Народного политического консультативного совета и Всекитайского собрания народных представителей, советские китаеведы смогли по-новому осветить ряд важнейших вопросов китайской народной революции и более глубоко изложить экономические и политические проблемы переходного периода в Китае. Брошюры о Китае издавались и раньше, но в отличие от них, рецензируемые брошюры содержат большой фактический материал по важнейшим вопросам внутривосточного и международного положения Китайской Народной Республики.

Перед читателем встает величественная картина героической борьбы китайского народа за построение основ социалистической экономики в стране, за усиление народной власти, за мир и укрепление международных позиций Китайской Народной Республики.

Китайская Народная Республика в 1953 г. закончила восстановление разрушенного войной народного хозяйства и приступила к выполнению первого пятилетнего плана, чтобы в годы пятилетки заложить фундамент для социалистической индустриализации страны и социалистической перестройки сельского хозяйства. Коммунистическая партия Китая ставит перед трудящимися задачу в течение трех пятилеток построить социалистическое общество в Китае, а к концу текущего столетия превратить КНР в цветущее социалистическое государство.

Первым шагом на этом великом пути должна явиться социалистическая индустриализация страны, в результате проведения которой доля промышленности в продукции народного хозяйства должна быть доведена до 70% (в 1954 г. она составляла 33%). Основное внимание при этом уделяется развитию тяжелой промышленности, доля продукции которой во всем промышленном производстве должна подняться до 60% (в 1954 г. доля производства средств производства составляла 42% всей промышленной продукции страны).

Приступая к социалистической индустриализации, китайский народ развертывает огромное промышленное строительство. В первой пятилетке намечено строительство 694 крупных промышленных объектов, причем 156 из них сооружаются при бескорыстной помощи Советского Союза.

¹ А. Адриановский и А. Фомин. Китайский народ в борьбе за социализм. М. Госполитиздат, 1955, 136 стр.; В. И. Михеев. Китай — великая мировая держава. М., Госполитиздат, 1954, 68 стр.; И. Курдов. Народный Китай — в борьбе за мир. М., Госполитиздат, 1954, 48 стр.; М. Капица. Великая дружба народов Советского Союза и Китая. М., Госполитиздат, 1954, 64 стр.

В рецензируемых брошюрах приводится интересный материал о новостройках Китая. В частности, авторы уделяют много внимания описанию строительства китайских металлургических предприятий.

В настоящее время в КНР создаются три базы металлургической промышленности. На Северо-Востоке коренным образом реконструируется Аньшаньский металлургический комбинат. В 1953 г. здесь были построены две домы и был введен в действие ряд других объектов. Это позволило поднять выплавку чугуна и производство проката стали на 60% по сравнению с 1952 г. У города Ухань на реке Янцзы ведется строительство второго металлургического комбината. Первая очередь комбината будет введена в строй в 1955 г. Крупный металлургический завод возводится на севере в районе города Баотоу. Завершение строительства на этих трех крупных комбинатах в 4 раза увеличит выплавку стали по сравнению с 1952 г.

1953 г. был знаменательным для Китая еще в одном отношении. В этот год по всей территории КНР, за исключением некоторых национальных районов, завершилась аграрная реформа, проводившаяся в силу закона от 28 июня 1950 г. В результате этой реформы произошла коренная ломка старой, полуфеодальной системы землевладения. 300 млн. крестьян получили почти 47 млн. га обрабатываемой земли и навсегда освободились от уплаты кабальной арендной платы помещикам, равной стоимости примерно 50 млн. тонн зерна. Помещики как класс были ликвидированы, а основной фигурой китайской деревни стал середняк (около 80% всех крестьянских дворов по сравнению с 20% в 1952 г.). Осуществление демократической аграрной реформы открыло путь для социалистической перестройки сельского хозяйства Китая.

Много внимания в рецензируемых брошюрах уделяется вопросам развития кооперативного движения в китайской деревне и механизации сельского хозяйства. В целях пропаганды среди крестьянства преимуществ механизированной обработки и уборки урожая создано 59 государственных механизированных хозяйств, имеющих около 18 млн. га пахотных земель. В китайской деревне, помимо этого, создана широкая сеть опытных сельскохозяйственных агротехнических станций и других учреждений, помогающих крестьянству внедрять в своих хозяйствах передовой агротехнический опыт. Непосредственную помощь в механизации сельскохозяйственных работ оказывают крестьянам многочисленные машинопрокатные станции. Государство создает первые МТС. Если в 1953 г. насчитывалось только 11 МТС, то к 1957 г. намечено создать 194 новых МТС.

В результате проведения вышеуказанных мероприятий народному правительству удалось добиться роста урожая и сбора зерновых культур. В 1954 г. в КНР было собрано 170 млн. тонн зерновых, а к 1957 г., последнему году первой пятилетки, правительство КНР намеревается увеличить сбор урожая зерновых до 192,8 млн. тонн.

Успехи, достигнутые Китайской Народной Республикой, были завоеваны в упорном героическом труде. Рецензируемые брошюры дают читателю представление об огромном трудовом подъеме, которым охвачены широкие массы китайских трудящихся. Этот подъем нашел свое отражение в производственном патристическом соревновании, развернувшимся в промышленности и сельском хозяйстве. Звание «отличник труда», которое присваивается сейчас передовикам производства, стало одним из самых уважаемых в стране. В брошюре А. Адриановского и А. Фомина, в частности, рассказывается о трудовом подвиге передового рабочего Чжан Мин-шаня, зачинателя движения за рационализацию производства и технические усовершенствования, а также о героическом труде крестьянина Ли Шунь-да, выступившего инициатором движения за применение передовой агротехники и выращивание высоких урожаев.

На основе исторических завоеваний народной революции и трудовых успехов китайского народа повышается материальный и культурный уровень жизни трудящихся Китая. Постепенно уходит в прошлое некультурность и темнота, оставшиеся в наследство от старого полукolonиального и полуфеодального Китая. Авторы рецензируемых брошюр приводят интересный материал о культурной революции, развернувшейся сейчас в стране. Правительство создало широкую сеть школ ликбеза, которые к 1954 г. уже закончили около 50 млн. трудящихся, организованы краткосрочные сред-

ние школы, позволяющие рабочим и крестьянам за 3—4 года получить среднее образование, расширяется начальное, среднее и высшее образование. Всеми видами учебы в КНР в настоящее время уже охвачено более 10% населения.

Широкий размах получила в стране массовая культурно-просветительная работа среди трудящихся. В самых отдаленных уголках Китая имеются дома культуры, проводятся лекции и доклады, работают кружки общеобразовательной и технической учебы, существуют группы коллективной читки газет и прослушивания радиопередач.

В рецензируемых брошюрах подробно говорится о расцвете культуры, науки и искусства в новом Китае.

Значительный интерес не только для широкого советского читателя, но и для лиц, специально занимающихся изучением Китая, представляет изложение в брошюрах некоторых экономических проблем переходного периода, а также ряда вопросов внутриполитического и международного положения Китайской Народной Республики. К сожалению, многие из этих вопросов еще слабо освещены в нашей политической литературе, поэтому на них стоит остановиться подробнее.

В брошюре А. Адриановского и А. Фомина, а также в брошюре В. И. Михеева большое место отводится ознакомлению советских читателей с многоукладным характером экономики Китая в переходный период.

Уклад как форма хозяйства базируется на тех или иных формах собственности на орудия или средства производства. Поэтому В. И. Михеев в своей брошюре, прежде всего, определяет формы собственности, существующие сейчас в Китае, указывая, что в настоящее время там существует четыре основные формы собственности на орудия или средства производства: 1) государственная или общенародная собственность; 2) кооперативная собственность; 3) мелкая частная собственность трудящихся крестьян-единоличников и ремесленников; 4) капиталистическая собственность (стр. 48). Этим формам собственности, пишет далее автор, соответствует пять секторов в китайской экономике: государственный, кооперативный, мелкотоварный, капиталистический и государственно-капиталистический (стр. 48—50). Отсюда автор делает вывод, что экономика Китая в переходный период является многоукладной (стр. 48). Вывод совершенно верный, однако автор нигде не оговаривает, что не всем перечисленным им в брошюре секторам соответствуют существующие в Китае экономические уклады. У читателя может создаться впечатление, что в Китае имеется государственный уклад. Между тем, это не точно. В Китае нет государственного уклада, а есть социалистический уклад, в который целиком входит государственный сектор, а также часть кооперативного сектора.

А. Адриановский и А. Фомина в отличие от В. И. Михеева в разделе, посвященном экономике переходного периода, отмечают, что в Китае существует три основных экономических уклада: социалистический, мелкотоварный и капиталистический (стр. 23), и дают краткую характеристику каждого из этих укладов.

Авторы отмечают, что помимо этих трех основных форм хозяйства на данном этапе в Китае существуют две переходные формы хозяйства: государственно-капиталистический сектор и кооперативный сектор (стр. 30, 47).

Сектор госкапитализма, удельный вес которого в 1953 г. в общей массе промышленной продукции составлял 6%, является переходным от капиталистического уклада к социалистическому. Кооперативный сектор является переходным от мелкотоварного уклада к социалистическому. В брошюре сообщается, что кооперация в китайской деревне имеет разнообразные формы. Простейший вид кооперации — сезонные и постоянные группы трудовой взаимопомощи, в которых обобществляется в основном труд их членов, а общественный фонд незначителен. В группы трудовой взаимопомощи к августу 1954 г. было вовлечено 60% крестьянских дворов. Более высокой формой кооперации являются сельскохозяйственные производственные кооперативы. Здесь имеется значительный общественный фонд — земля, орудия труда, которые остаются в частной собственности их владельцев, но объединяются в кооперативы на паевых началах. Такие кооперативы носят полусоциалистический характер. В эти кооперативы к февралю 1955 г. входило 13% всех крестьянских хозяйств. В настоящее

время коммунистическая партия ставит перед собой историческую задачу — в ходе двух пятилеток объединить в сельскохозяйственных производственных кооперативах все крестьянские хозяйства Китая.

В кооперативный сектор входят также хозяйства, основанные на коллективной собственности трудящихся и носящие, как известно, социалистический характер. К ним относятся пока еще немногочисленные колхозы и, кроме того, снабженческо-сбытовая и потребительская кооперация.

От сезонных групп трудовой взаимопомощи через производственные сельскохозяйственные кооперативы к коллективным хозяйствам — вот путь социалистического переустройства китайского сельского хозяйства, разработанный коммунистической партией применительно к своеобразным историческим условиям Китая.

Большой интерес представляет глава брошюры А. Адриановского и А. Фомина «Укрепление народно-демократического государства». Эта глава посвящена внутриполитической жизни КНР, недостаточно еще освещаемой в нашей печати.

Первый раздел этой главы знакомит читателя с борьбой народно-демократического государства против контрреволюционных сил. Факты, приводимые авторами, показывают, насколько остры формы классовой борьбы в Китае после победы народной революции. Борьба против контрреволюции в 1949—1950 гг. своим острием была направлена главным образом против гоминьдановских бандитских шайк, состоявших из остатков разгромленных гоминьдановских войск. После уничтожения этих шайк, с 1951 г. народное государство при поддержке широких масс трудящихся сосредоточило внимание на борьбе против чанкайшистской подрывной агентуры, религиозно-феодалных организаций и сект, вроде «Игуандао», и различных католических «благотворительных» организаций, являвшихся рассадниками шпионажа и диверсий против народного строя. Авторы указывают, что в итоге этих массовых кампаний по борьбе с контрреволюцией был в основном ликвидирован массовый военный бандитизм, подорвано влияние различных феодально-религиозных организаций на широкие слои населения.

В другом разделе этой же главы рассказывается о борьбе народного государства против преступной деятельности реакционной части буржуазии. Всенародная кампания, направленная против экономического саботажа буржуазии и ее агентуры в государственном аппарате, успешно развернулась в конце 1951 г. и в первой половине 1952 г. Она явилась одним из проявлений острой классовой борьбы в КНР в переходный период.

Первым этапом этой борьбы была кампания против «трех зол»: коррупции, расточительства, бюрократизма. Эта кампания велась в системе государственного аппарата, была направлена против буржуазных перерожденцев, пролезших в органы власти КНР. Вторым этапом этой борьбы была кампания против «пяти зол»: взяточничества, уклонения от налоговых обязательств, расхищения государственного имущества, недобросовестного выполнения государственных заказов, хищения экономической информации.

Трудящиеся КНР приняли активное участие в проведении этих кампаний. По всей стране проходили массовые собрания, открытые судебные процессы, на которых выявлялись факты противозаконной деятельности буржуазии и ее агентуры. Только на массовых митингах в Тяньцзинь, говорится в брошюре, было вскрыто до 20 тыс. случаев взяточничества и других махинаций антинародных элементов. По требованию трудящихся виновные понесли наказания. В итоге кампаний экономический саботаж буржуазии был в основном сломлен. Однако авторы подчеркивают, что цель этих кампаний заключалась не в том, чтобы применять массовые репрессии против буржуазии, а в том, чтобы поставить деятельность буржуазии под государственный контроль (стр. 92).

Интересный материал собран авторами и в разделе, посвященном демократическому переустройству местных и центральных органов власти. Как известно, с 1950 по 1953 г. в Китае существовал институт местных конференций народных представителей, которые временно осуществляли функции местных органов власти. Эти конференции

созывались на основе представительства от демократических партий и групп, были выборными лишь частично и находились под контролем местных военно-контрольных комитетов. Функции верховной власти временно выполнял Народный политический консультативный совет (НПКС), составившийся на той же основе, что и местные собрания народных представителей.

Народное правительство постепенно расширяло представительный характер местных органов власти, а в феврале 1953 г. приняло положение о подлинно демократических выборах во Всекитайское собрание и местные собрания народных представителей. Выборы начались в мае 1953 г. и закончились в 1954 г.

Созданные в результате этих выборов местные собрания народных представителей, в свою очередь, избрали делегатов в верховный орган КНР — Всекитайское Собрание народных представителей (ВСНП). Авторы подробно знакомят читателей с первой сессией ВСНП, на которой 20 сентября 1954 г. была принята Конституция КНР, а также дают детальный анализ Конституции, зафиксировавшей и отразившей в своих статьях исторические завоевания и победы китайского трудового народа.

В июле 1955 г. состоялась вторая сессия ВСНП первого созыва. На ней был принят ряд важных решений и, в частности, утвержден законопроект о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства КНР (1953—1957).

Первая пятилетка явится важным шагом Народного Китая на пути строительства социализма. К 1957 г. в стране значительно вырастет промышленное и сельскохозяйственное производство. Серьезные изменения произойдут и в структуре китайской экономики. Доля продукции государственных, кооперативных и смешанных государственно-частных промышленных предприятий в стоимостном выражении к 1957 г. поднимется до 87,8% всей промышленной продукции в стране, а доля продукции частных промышленных предприятий понизится до 12,2%. В деревне в производственных сельскохозяйственных кооперативах к 1957 г. будет объединена 1/3 крестьянских хозяйств. За годы пятилетки намного улучшится и материальное положение китайских трудящихся. Средняя заработная плата фабрично-заводских рабочих и служащих увеличится на 33%. За период до 1957 г. государство построит для трудящихся 46 млн. квадратных метров жилой площади.

Сессия приняла также решение о строительстве гидротехнических сооружений на реке Хуанхэ. В среднем и нижнем течении реки намечено построить 46 плотин. Мощность электростанций, которые будут возведены на Хуанхэ, в 10 раз превысит мощность всех электростанций Китая, находившихся в эксплуатации в 1954 г.

Сессией ВСНП был утвержден бюджет Китайской Народной Республики на 1955 г. По этому бюджету 60,67% всех ассигнований будет направлено на экономическое строительство, социальные, культурные и просветительские нужды. Расходы на оборону составят 24,19%. Государственный бюджет КНР отражает глубокую заинтересованность китайского народа в мирном строительстве и свидетельствует о подлинно миролюбивой политике правительства КНР.

Народный Китай строит новую жизнь не в одиночку, а при дружеской помощи и поддержке всего лагеря демократии и социализма. Это многократно увеличивает силы китайских трудящихся и помогает им быстрее осуществлять грандиозные преобразования в своей стране. Особенно большое значение имеет для Китая дружба и сотрудничество с Советским Союзом. Вопросы дружбы и сотрудничества китайского народа с народами Советского Союза и других стран демократического лагеря разбираются во всех рецензируемых брошюрах, а брошюра М. Капицы «Великая дружба народов Советского Союза и Китая» специально посвящена данной проблеме. Брошюра написана живо, простым языком и содержит много интересного хорошо подобранного фактического материала.

В начале автор останавливается на советско-китайских отношениях до победы народной революции в 1949 г. Он отмечает, что Советский Союз — единственная из великих держав, которая аннулировала все кабальные договоры и установила с Китаем равноправные отношения. Этим Советский Союз пробил брешь в системе неравноправных

договоров, навязанных Китаю, и серьезно помог китайскому народу в борьбе против иностранного гнета.

Советский Союз оказал действительную помощь китайскому народу в его борьбе против японских захватчиков.

Автор приводит в брошюре интересное высказывание генерального секретаря Общества китайско-советской дружбы Цянь Цзюнь-шуя, который заявил:

«Когда в 1937 г. японские империалисты напали на Китай, Советский Союз заключил с Китаем договор о ненападении, оказал нам помощь, послав в Китай много самолетов, пушек, летчиков и военных специалистов, а также предоставив Китаю кредит в несколько сот миллионов рублей» (стр. 12).

После победы народной революции в Китае в 1949 г. Советский Союз был первым государством, признавшим КНР и установившим с ней дипломатические отношения. 14 февраля 1950 г. был подписан советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, а также ряд важных соглашений политического и экономического характера. Автор подробно анализирует эти документы и подчеркивает, что они являются незыблемой основой всестороннего политического, экономического и культурного сотрудничества между СССР и КНР. Это сотрудничество покоится на полном равноправии и взаимном уважении и выражает обоюдное стремление китайского и советского народов защитить мир и помочь друг другу добиться общего экономического подъема.

Значительное место в брошюре отводится анализу советско-китайского экономического сотрудничества. На примере экономических соглашений, заключенных в 1953—1954 гг., автор показывает бескорыстную братскую помощь, которую оказывает Советский Союз Народному Китаю. В брошюре специально подчеркивается, что советско-китайские экономические отношения носят взаимный характер. Это особенно ярко видно в соглашениях о научно-техническом сотрудничестве между СССР и КНР, предусматривающем взаимный обмен передовым опытом во всех областях народного хозяйства.

За последние годы, по мере успешного осуществления социалистической индустриализации, Китай сам начинает оказывать все более значительную экономическую помощь другим братским странам лагеря демократии и социализма. В 1953 г. было заключено, например, соглашение между Китайской Народной Республикой и Кореической Народно-Демократической Республикой, в соответствии с которым Китай поставляет свои машины, сельскохозяйственные орудия, суда и транспортное оборудование в разрушенную войной КНДР. Китай оказывает значительную промышленную помощь и Демократической Республике Вьетнам.

Значительное место во всех рецензируемых брошюрах отводится международному положению Китайской Народной Республики, борьбе китайского народа за мир и восстановление международных прав Китая как великой мировой державы.

Выше уже указывалось, что рецензируемые брошюры в большинстве своем представляют значительную ценность в познавательном отношении. Однако в отдельных из них имеются и серьезные недостатки.

Общим недостатком рецензируемых брошюр, за исключением брошюры, написанной М. Капицей, является недостаточное умение авторов в популярной форме рассказать широким массам читателей о великих переменах в Народном Китае. Писать о Китайской Народной Республике — одной из величайших стран мира, вступившей на путь исторических преобразований, на путь строительства социализма, весьма ответственное и почетное дело. По содержанию и по форме книга или брошюра, посвященная описанию героического труда шестисотмиллионного китайского народа, должна отвечать самым высоким требованиям. К сожалению, так бывает далеко не всегда. В этом отношении характерна брошюра И. Курдова «Народный Китай в борьбе за мир». Автор, стремясь как можно популярнее изложить материал, зачастую пишет стандартными, стереотипными фразами, порой мало убедительными для читателя. Особенно заметно это во втором, основном разделе брошюры. В отличие от остальных рецензируемых работ, которые содержат, хотя и не всегда удачно обработанный, но обширный фактический материал, брошюра

И. Курдова наименее интересна и с познавательной точки зрения. Из брошюры И. Курдова советский читатель очень мало извлечет новых и ярких фактов из жизни и борьбы китайского народа, тогда как этих фактов много.

А. Адриановский и А. Фомин в своей брошюре приводят далеко не обобщенный ими огромный цифровой материал, что затрудняет чтение и восприятие текста. Подобная форма изложения была бы оправдана в солидной монографии, но совершенно не подходит для научно-популярных брошюр, рассчитанных на массового читателя.

В рецензируемых брошюрах нет крупных ошибок по принципиальным вопросам, однако ошибки фактического порядка встречаются довольно часто, как и небрежные формулировки и опечатки, искажающие смысл. Все это свидетельствует не только о недостаточно внимательном отношении самих авторов части брошюр к делу, но и о недостаточном внимании к редактированию массовых брошюр о Народном Китае в Государственном издательстве политической литературы. В частности, много таких погрешностей допущено в работе А. Адриановского и А. Фомина. Например, на стр. 7 этой брошюры имеется такая фраза: «Уже в 20-х годах XIX в. большинство промышленных рабочих в Китае было занято на предприятиях, насчитывавших более 500 рабочих». Ясно, что здесь вкралась опечатка, речь идет не о XIX, а о XX в. Но эта опечатка не оговорена, и у читателя создается неправильное представление о промышленном развитии старого Китая. В этой фразе имеется ошибка и по существу, так как приведенным в ней фактом авторы подкрепляют вывод о том, что, «несмотря на свою сравнительную малочисленность, китайский пролетариат отличался большой сплоченностью и организованностью» (стр. 7). Между тем, термин «организованность рабочего класса» означает не что иное, как ту или иную степень объединения рабочего класса в пролетарских организациях, а не степень концентрации рабочей силы на производстве.

На стр. 12 говорится: «Старая колониальная Азия, уделом которой в течение столетия были жестокий беспробудный гнет и порабощение народов иноземными силами, уходит в прошлое». Но из истории известно, что завоевание Индии англичанами началось в XVIII в., а португальцы, нидерландцы и французы пытались установить свое господство над Индией в еще более ранние времена. Имеется в брошюре и ряд других неточностей.

То же самое можно сказать и о брошюре В. И. Михеева. В разделе, посвященном государственному сектору в сельском хозяйстве (стр. 35), автор подробно описывает роль и значение государственных хозяйств и машинопрокатных станций, но ничего не говорит о МТС как важном рычаге государственного воздействия на сельскохозяйственное производство. Правда, МТС в Китае пока еще не много, но им будет принадлежать решающая роль в деле механизации сельского хозяйства. По мере роста числа сельскохозяйственных производственных кооперативов и кооперативов высшего типа будет резко возрастать роль и значение МТС. Сказать об этом в брошюре следовало бы, чтобы помочь читателю правильно представить вопрос о путях механизации сельского хозяйства в Китае.

В брошюре В. И. Михеева неточно указана цифра валового сбора урожая зерновых в 1953 г. (стр. 33), есть и некоторые другие мелкие неточности.

Государственное издательство политической литературы делает чрезвычайно важное дело, выпуская брошюры по Китаю, рассчитанные на массового читателя. Но следует пожелать, чтобы издательство больше внимания уделяло литературной обработке публикуемых им массовых брошюр, значительно улучшив качество их подготовки к печати.

С каждым годом советское востоковедение пополняется новыми кадрами ученых-китаеведов. Госполитиздат имеет широкие возможности опираться на таких авторов, которые способны дать весьма хорошие книги и брошюры по странам Востока.

Ю. В. Георгиев

КНИГА О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ НАРОДОВ АФРИКИ¹

Колониальная система находится в состоянии распада. Об этом свидетельствует, в частности, и подъем национально-освободительного движения в Африке, анализу которого посвящен рецензируемый сборник статей о современной Африке, опубликованный Институтом экономики Академии наук СССР. Статьи, включенные в сборник, посвящены не только одним экономическим вопросам. В них также достаточно полно анализируется политическое положение стран Африки до конца 1953 г.

Сборник открывается двумя статьями общего характера, авторами которых являются И. Лемпин и И. Потехин.

Остальные статьи посвящены событиям последних лет в основных районах Африки, за исключением Эфиопии и Мадагаскара, которые почему-то из поля зрения составителей сборника выпали. Ряд статей (Л. Ватолиной, Б. Киселева, В. Аникина, А. Белявского) охватывает круг вопросов более широкий, чем название самих статей.

В статьях И. Ястребовой, И. Потехина, С. Датлина отражено также развитие и углубление противоречий иностранных монополий в Африке, особенно в связи с экспансией в Африке американских монополий.

В сборнике показано не только усиление эксплуатации населения Африки, расширение ее природных богатств после второй мировой войны, но и раскрываются формы и методы усиленной эксплуатации коренного населения. Отмечая факт увеличения притока в Африку американского и западноевропейского капитала, И. Лемпин пишет, что норма прибыли на вложенные капиталы достигает нередко нескольких сот процентов (стр. 7).

Внешняя торговля Африки в послевоенные годы увеличилась в несколько раз. Намного возросла добыча стратегического сырья. По данным, приведенным в сборнике, Африка дает ныне почти 100% алмазов, четыре пятых кобальта и колумбита, добываемых в капиталистическом мире; около одной трети хромовой и марганцевой руды, значительную долю меди, олова, ванадия, сурьмы (стр. 6). Африка является крупнейшим поставщиком урановой руды. Немалое значение имеет и то, что в Африке добывается свыше половины золота, поступающего в оборот капиталистических стран (стр. 6). Наконец, Африка — важнейший производитель какао, пальмового масла, sisal.

Спекулируя на данных статистики ввоза и вывоза и добычи полезных ископаемых, буржуазные экономисты выдают эти данные за доказательства «расцвета» экономики стран Африки. Но в действительности — и это хорошо показано в сборнике — эти данные отражают усиление эксплуатации колоний, ибо из всего добываемого в Африке сырья только 8% остается в самой Африке, а остальные 92% вывозятся в капиталистические страны (стр. 53). Монополии попрежнему всеми мерами тормозят развитие обрабатывающей промышленности в колониях, удерживая Африку на положении аграрно-сырьевого придатка к своей промышленности.

В то время как монополии, орудуя в добывающей промышленности, ежегодно получают прибыль в размере многих десятков и даже сотен процентов к акционерному капиталу (стр. 15—16), рабочий-африканец за тяжелый труд получает мизерную плату, на которую он может купить от 250 до 500 граммов хлеба в день (стр. 11).

Торговля западноевропейских стран с Африкой принимает все более ярко выраженные формы неэквивалентного обмена. По официальным данным, за 100 кг земляных орехов, собранных крестьянином Сенегала или Берега Слоновой Кости, он мог получить в 1939 г. 116 кг риса, в 1949 г. — всего лишь 35 кг (стр. 8).

Повсеместно монополии вытесняют коренное население с хорошей земли. В Южно-Африканском Союзе, африканцы, составляющие четыре пятых всего населения, вти-

снуты в резервации, под которые отведено не больше одной десятой всей земельной площади, притом преимущественно непригодной к обработке земли (стр. 9).

Многочисленные данные, приведенные в сборнике, характеризуют упадок экономики стран Африки (особенно сельского хозяйства) в результате колониального гнета монополий и консервации ими пережитков феодального и родоплеменного строя.

В Африке обрабатывается только 8% всей имеющейся площади, из которых обширные земельные массивы уже непригодны для обработки в результате эрозии.

Авторы статей отмечают фактическое бесправие африканцев, своеволие европейских чиновников, использование колонизаторами отживших институтов докапиталистических формаций, узаконение принудительного труда, господство отсталой идеологии и практики расизма, устрашение населения.

Усиление экономической эксплуатации и политического гнета в Африке в послевоенные годы связывается авторами статей с экспансией американских монополий.

Как американские, так и западноевропейские монополии в своих планах делают ставку на относительную слабость антивоенного движения в Африке, которое далеко еще не достигло такого огромного размаха, как в Восточной Азии. Авторы показывают всю беспочвенность подобных расчетов сил реакции. Монополии в африканских странах сами готовят себе могильщика. Несмотря на искусственную задержку колонизаторами развития промышленности, кадры рабочего класса быстро растут. Как отмечается в сборнике, в Бельгийском Конго число лиц, занятых по найму, за одно десятилетие увеличилось на две трети (стр. 10). Несмотря на маневры колонизаторов, направленные к увековечению племенной раздробленности, племенная рознь уходит в прошлое, ускоряется процесс формирования наций. Участие большого числа африканцев в войне против фашистских агрессоров подорвало престиж всех колонизаторов.

Рост влияния коммунистических партий в Северной Африке, развитие и офоюзного движения и создание массовых антивоенных организаций даже в наиболее отсталых частях африканского материка, всенародный характер, который приобретает борьба против колониального гнета за независимость, — все это свидетельствует о том, что освободительное движение двухсотмиллионного населения этого материка поднялось после второй мировой войны на новую, более высокую ступень.

Наибольшей силы и организованности национально-освободительное движение достигло в ряде стран Северной Африки, где дрогнули самые основы чужеземного господства.

Но и в Тропической и Южной Африке с их еще недавно таким отсталым и забитым населением народ тоже не хочет уже жить по-старому, а монополии уже не могут хитрить по-старому. Открытая фашизация Южно-Африканского Союза не смогла помешать африканцам и индийцам, живущим в этой стране, провести широкую кампанию неповиновения изуверским расистским законам. Провокация монополий в Кении привела к неожиданным для них результатам: африканское население не дало запугать себя казнями, арестами и ссылками и усилило сопротивление произволу колонизаторов. «Конституционные реформы», проведенные властями в британской Западной Африке, преследуют цель убаюкать трудящихся и привлечь на сторону колонизаторов усилившуюся за последние годы национальную буржуазию. Но самый факт даже формального признания права этих колоний на известную долю самоуправления, предоставление министерских постов африканцам показывает, как трудно приходится сторонникам колониализма, привыкшим разговаривать с жителями колоний языком кнута и пули.

В Бельгийском Конго, в столице этой африканской вотчины американских и западноевропейских монополий, в 1952 г. развернулось настолько мощное забастовочное движение, что впервые в истории страны власти были вынуждены частично удовлетворить требования рабочих.

Авторы статей рецензируемого сборника стоят, на наш взгляд, на методологически правильных позициях. Они приводят большой, нередко мало известный фактический материал, соединяют научность изложения с доступностью его для широкого читателя.

Политическая заостренность рецензируемого сборника вызвала довольно сильную

¹ «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», М., Изд-во АН СССР, 1953.

реакцию со стороны журнала «New commonwealth»². Рецензент журнала выступает против всех положений, выдвигаемых в сборнике. Особенно не устраивает его то, что в сборнике ничего не говорится о положительной работе, якобы проделанной монополиями в колониях. Но он и сам не в состоянии сказать что-либо серьезное относительно тех «благ», какими монополии одарили народы колониальных и зависимых стран. Недоволен он и тем, что в сборнике подчеркивается усиление экспансии американских монополий в странах Африки. Рецензент пытается голословно отрицать факты, приводимые в сборнике. Он, наконец, утверждает, будто советские ученые отказались от прежних марксистских представлений о том, что в колониях и зависимых странах не происходит процесса индустриализации. Но эта выдумка рецензента, разумеется, не становится более правдоподобной от жонглирования цитатами, выхваченными из текста статей.

В сборнике, однако, имеются действительные недостатки и фактические ошибки, которые рецензент английского журнала не заметил. Прежде всего нужно отметить, что в книге недостаточно полно освещается аграрная проблема, а беглые упоминания о союзе рабочего класса с крестьянством не дают сколько-нибудь полного представления о формировании этого союза в странах Африки.

Следовало бы также указать, что создание американских военно-морских баз в Африке и военно-воздушных баз используется американцами для подрыва позиций западноевропейских партнеров в Африке.

Весьма важный вопрос о формировании в Африке наций поднят, к сожалению, только во вступительной статье И. Потехина, а остальные авторы этого вопроса не касаются. Между тем, некоторые положения, выдвинутые в этой связи И. Потехиным, представляются нам неубедительными.

Едва ли приходится сомневаться в том, что освобождение Африки от колониального гнета произойдет раньше, чем процесс становления наций (который действительно тормозят, но не могут прекратить монополии) будет завершен во всех частях материка. Однако это освобождение не может служить неслучайным условием завершения указанного процесса в передовых районах Африки, поскольку достижение национальной независимости вовсе не является обязательной предпосылкой окончательного становления той или иной нации.

Если обратиться к статье И. Потехина о британских владениях в Западной Африке, то, на наш взгляд, станет совершенно очевидной возможность завершения формирования, скажем, нации ашанти (конечно, в качестве нации угнетенной) даже в условиях колониального режима. Мы уже не говорим о Северной Африке, где процесс формирования наций идет интенсивнее, чем в Западной. Между тем, следуя своей установке, И. Потехин почему-то даже египетскую нацию характеризует только как «в значительной степени сформировавшуюся» (стр. 37).

Во вводных и других статьях сборника закономерно уделяется значительное внимание формированию в Африке классов буржуазного общества. Однако только в статьях о Северной Африке проводится деление местной буржуазии на компрадорскую и национальную. Между тем это деление имеет, конечно, немалое значение для будущего (и даже настоящего) ряда стран Тропической Африки, где монополии используют компрадорские элементы в качестве своей агентуры в освободительном движении.

В странах Магриба, а также в Южно-Африканском Союзе имеются многочисленные кадры рабочих европейского происхождения. Само собой разумеется, что успех освободительной борьбы африканских трудящихся этих стран во многом зависит от отношения к их борьбе не только пролетариата метрополий, но и пролетариата-выходцев из Европы, живущих бок о бок с ними. Во Французской Северной Африке под руководством коммунистов складывается единый фронт французских и африканских рабочих. Однако В. Васильева в своей статье уделяет этому столь важному факту совершенно

² См. J. Clews. Moscow looks at Africa. «New commonwealth», 1954, ноябрь, стр. 504—505.

недостаточное внимание, а затрагивая его, почему-то приводит данные, относящиеся лишь к 20—30-м годам (стр. 77).

Иное положение, чем в странах Магриба, сложилось в Южно-Африканском Союзе. В этой стране силам реакции удается еще сеять рознь между трудящимися различного цвета кожи. Однако и в ЮАС постепенно создаются условия для образования единого фронта трудящихся. В своей статье И. Ястребова приводит немало фактов, свидетельствующих о стремлении среди рабочих европейского происхождения к единству с африканцами. Следовало бы отметить объективные факторы, порождающие это стремление. Мельком упомянув о расслоении среди фермеров европейского происхождения, И. Ястребова ничего не говорит об экономическом положении массы рабочих-европейцев, не выделяет особо рабочую аристократию, заинтересованную в угнетении африканцев, чего нельзя сказать о рядовых пролетариях. Следовало бы также подчеркнуть, что разгул расизма в ЮАС в конце концов не может не способствовать преодолению расовой вражды в среде рабочих, поскольку расистские законы направлены и против рабочих европейского происхождения. Это особенно ярко показывают антипрофсоюзные законы 1953—1954 гг. Будучи формально нацелены против профсоюзов, объединяющих африканцев, эти законы, по сути дела, лишают элементарных прав даже и те профсоюзы, куда африканцы не принимаются.

Недостатком сборника в целом является неудовлетворительный научный аппарат. Некоторые статистические данные сильно устарели. Так, число лиц, занятых по найму в ЮАС, приведено в статье И. Лемпина по состоянию на 1941 г. (стр. 10), в то время как в статью И. Ястребовой включены значительно более поздние данные (стр. 139), причем разница между цифрами, указанными этими авторами, довольно значительна.

В ряде статей, наряду с экспансией американского капитала, отмечается и экспансия западногерманского. Однако в статье Л. Ватолиной последняя не упомянута, хотя в послевоенные годы отмечается усиленное внедрение в Египет западногерманских монополий. Они нередко связаны с американскими монополиями, которые используют их для вытеснения английских, но западногерманские монополии явно преследуют и собственные цели, а за последнее время вступают уже в конкуренцию и с американцами.

Сборник был подписан в печати в декабре 1953 г. Однако в некоторых статьях (Б. Киселева о Бельгийском Конго, В. Анкина о бывших итальянских колониях) изложение почему-то доведено только до 1952 г. В ряде других статей не отмечены некоторые важные события 1952—1953 гг. В статье Л. Ватолиной, например, не упоминается факт образования организации «Демократическое движение национального освобождения», в которое входили египетские коммунисты и другие прогрессивные элементы страны. Эта организация вела неустанную борьбу за подлинное освобождение Египта. В той же статье обойден важный вопрос о Восточном Судане.

Неполной и односторонней, по нашему мнению, является характеристика военного переворота 23 июля 1952 г. и свержения королевского режима в Египте в статье Л. Ватолиной. Рассматривая события в Египте лишь как результат империалистических противоречий, автор не анализирует внутренних причин переворота (стр. 24).

В статье И. Потехина принимаются на веру отчеты о судебных преследованиях жителей Кении, обвиняемых в принадлежности к обществу «Мау-Мау» (стр. 200). Отчеты об этих судебных преследованиях не заслуживают доверия. Давным-давно установлено, что колонизаторы вырывают нужные «признания» у обвиняемых при помощи пыток (об этом прямо говорится в двух письмах представителей народа кикую, опубликованных в лондонской «Дейли Уоркер» за 7 сентября и 31 октября 1953 г.).

И. Ястребова в своей статье убедительно опровергает миф об индустриализации Южно-Африканского Союза за последние годы (стр. 136), но в другом месте статьи она отмечает быстрый рост обрабатывающей промышленности за те же годы (стр. 156). Это может ввести читателя в заблуждение, поскольку И. Ястребова не разъясняет, что указанный рост обрабатывающей промышленности не относится к тяжелой индустрии, к производству средств производства. Это упущение автора особенно досадно

потому, что, как уже отмечалось выше, зарубежные «рецензенты» пытаются приписать советским ученым признание правильности утверждений буржуазных реакционных экономистов о якобы происходящей индустриализации колониальных и зависимых стран Африки и других континентов.

В статье В. Аникина в качестве руководителя повстанческого движения в Сомали назван Мед-Мулла (стр. 289). Между тем «Мед-Мулла» (английское: «сумасшедший мулла») — не имя, а бранная кличка, данная реакционерами Мухаммеду ибн-Абдаллаху. В статье В. Васильевой вождь восстания марокканцев в XX в. — Абд эль-Керим спутан с руководителем освободительной борьбы алжирцев в XIX в. — Абд эль-Кадером (78).

Указанные недостатки до известной степени снижают ценность сборника, но в основном вошедшие в него статьи, написанные на важную, политически актуальную тему, представляют значительный интерес.

В. Я. Голант и А. М. Голдобин

THAKIN NU. Burma under the Japanese, Pictures and Portraits. Ed. and trans. by J. S. Furnivall. London, 1954, XXVIII, 132 p.

У Ну¹, автор этой небольшой книги, не только выдающийся деятель бирманского национального движения и бессменный премьер-министр Бирманского Союза со дня провозглашения независимости, но также крупный журналист и писатель по призванию.

Все это нашло отражение в рецензируемой книге, которая была написана для бирманских читателей в августе—ноябре 1945 г. В форме живых «картин и портретов», У Ну хотел объяснить бирманскому народу, поднявшемуся на борьбу за уничтожение колониального господства, что происходило в Бирме в период японской оккупации, каковы были мотивы и действия бирманских политических деятелей, которые, как и он сам, в той или иной мере сотрудничали с японскими захватчиками. У Ну признает при этом, что он не принимал активного участия в широком нелегальном движении Сопротивления японским захватчикам. Поэтому он не был в курсе многих событий, связанных с деятельностью бирманского подполья, стремившегося совместно с силами, которые возглавлялись национальным героем Аунг Саном, организовать единый народный фронт — Антифашистскую лигу народной свободы (АЛНС). Однако

¹ В марте 1952 г. Такин Ну заявил, что в дальнейшем следует обращаться к нему, как к У Ну («У» дословно «дядя» — в значении господни; У — традиционная бирманская форма вежливого обращения к уважаемым лицам).

Слово «такин» — по-бирмански означает «повелитель», «высокородный господин», «полновластный хозяин» (в Бирме слово «Такин», как и «У», может быть и собственным именем). Приставка такин к имени Ну объяснялась тем, что он принадлежал к группам молодой бирманской интеллигенции, создавшим в начале 30-х годов партию такинов (ассоциацию «Добама» — что означает: «Мы — бирманцы», или «Бирма для бирманцев») — борцов за то, чтобы бирманцы стали полными хозяевами (такинами) в своей родной стране. Называя себя такинами, эти революционно настроенные бирманцы бросали вызов колониальным угнетателям. Вскоре подобное титулование высокопоставленных англичан и других европейцев исчезло в Бирме. Долгое сохранилось использование термина «такин» в качестве напоминания о принадлежности к прежней партии такинов, из левого крыла которой вышел и ряд современных руководителей Коммунистической партии Бирмы (ее генеральным секретарем до настоящего времени является Такин Тан Тун). Так как рецензируемая книга написана и издана по-бирмански до 1952 г., то в английском переводе сохранено прежнее имя автора Такин Ну.

как видный бирманский политический деятель У Ну — особенно, когда он был министром иностранных дел (1943 г.) и министром информации (1944—1945 гг.) созданного японцами марионеточного «правительства независимой Бирмы», — многое знал о растущих силах национально-освободительной борьбы, сочувствовал и, в пределах легальных возможностей, помогал этой борьбе, сталкивался со многими представителями японской военной и оккупационной гражданской администрации.

Несмотря на сложность положения для У Ну, рецензируемая книга содержит немало ценных сведений о том, что происходило в Бирме в период японской оккупации. У Ну делает попытку объяснить не только причины первоначальных иллюзий среди части бирманцев относительно «помощи» со стороны Японии как сильной азиатской державы в освобождении Бирмы от английского господства, но и показывает также, насколько быстро исчезали эти иллюзии даже среди бирманских политических деятелей, которые, в силу ряда обстоятельств и сложных мотивов, продолжали сотрудничать с японскими захватчиками — угнетателями, оказавшимися не лучше прежних.

Коммунисты Бирмы, пишет У Ну, понимали это и раньше. В рецензируемой книге приводятся немало примеров самоотверженной борьбы бирманских коммунистов за независимость страны в период японской оккупации (стр. 2, 12—13, 98—99, 102—103), за безоговорочную поддержку демократической коалиции держав в войне против фашизма (стр. 6), в организации всепартийного восстания против японских захватчиков (стр. 104—106).

Книга У Ну не представляет собой обстоятельных мемуаров и не является историческим исследованием внутреннего положения Бирмы в период японской оккупации. Это — политический документ, не потерявший своей актуальности до наших дней. В книге У Ну много ценного фактического материала, представляющего интерес для советских историков-востоковедов и для более широкого круга читателей, которые желают узнать о подъеме национально-освободительного движения в Бирме в период 1942—1945 гг., а также о деятельности бирманских политических деятелей в недавнем прошлом.

В восьми главах рецензируемой книги умело сгруппированы основные события и тенденции политического развития Бирмы в период японской оккупации. Необходимо, однако, подчеркнуть, как выражается У Ну, мораль книги. Эта мораль состоит в том, что сам У Ну и представляемые им общественные группы в Бирме в тот период поняли необходимость отстаивать национальную независимость страны собственными силами, а не прислушиваться к «музыке наемных флейтистов» любых колониальных держав.

Достоинством рецензируемой книги является также и то, что при переводе ее на английский язык без изменения использован текст 1945 г.

Введение к английскому изданию книги У Ну, написанное Дж. Фёрнивалем, интересно тем, что в нем дан исторический и политический фон, облегчающий понимание содержания книги в целом. Этой же цели содействуют и краткие справочные данные о политических деятелях Бирмы и словарь бирманских терминов.

Н. И. Лазарев

第一次國內革命戰爭時期的工人運動 • 人民出版社

Рабочее движение в Китае в период первой гражданской революционной войны. Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 1954, 2, 5, 556 стр.

В КНР ведется большая работа по сбору и публикации источников по важнейшим проблемам истории Китая. Уже вышли из печати многотомные сборники документов о народных восстаниях XIX в. — тайпинского, восстаний мусульманских народов, ияньцзуней, ихэтуаней. Изданы документы по вопросу о движении за реформы. Го-

товятся к печати сборники материалов по истории синьхайской революции 1911—1912 гг. и другим важным событиям. Продолжается публикация документов по проблемам истории Китая. Уже опубликовано 7 таких сборников. Третий институт АН КНР новейшей истории Китая приступил к изданию специального периодического журнала, в котором также публикуются документы по истории страны — «Цзиньдай ши цзылю» (материалы по современной истории). Вся эта работа окажет большую помощь в деле марксистского освещения истории Китая.

Рецензируемая книга «Рабочее движение в Китае в период первой гражданской революционной войны» — один из сборников документов по вопросам новейшей истории страны. В ней собраны материалы о работе и решениях всекитайских и провинциальных съездов отраслевых профсоюзов периода 1924—1927 гг., хроники забастовок того периода, описания важнейших из них. Особое внимание в сборнике уделено освещению революционной борьбы рабочего класса против империализма и внутренней реакции. В сборник включены документы, освещающие руководство рабочим движением и революционными профсоюзами со стороны коммунистической партии.

Документы, помещенные в рецензируемом сборнике, взяты в основном из периодической печати 1924—1927 гг., органа ЦК КПК журнала «Сяндао чжоукань», органа левого крыла гоминьдана журнала «Синь миньго», органа Всекитайской федерации профсоюзов журнала «Чжунго гунжэнь», газеты «Жэсюэ жибао», издававшейся в Шанхае в период движения 30 мая, буржуазной газеты «Шэньбао» и других изданий.

Сборник представляет большую ценность для советских историков, так как многие периодические китайские издания, из которых можно почерпнуть сведения по рабочему движению в период первой гражданской революционной войны, в наших библиотеках отсутствуют.

Сборник открывается статьями известного китайского коммуниста Дэн Чжун-ся, казенного гоминьдановца в 1933 г., «Рабочий класс Китая» и «Некоторые важнейшие вопросы периода возрождения рабочего движения». Эти статьи содержат интересный фактический материал и оригинальные высказывания автора по исследуемому вопросу.

Правильно дается, в частности, периодизация рабочего движения в стране в те годы. Началом второго подъема рабочего движения Дэн Чжун-ся считает вторую половину 1924 г., после милитаристского переворота. Свидетельством этого подъема были забастовки на текстильных фабриках Шанхая и Циндао, забастовки печатников в Пекине, водителей городского транспорта, железнодорожников в Ухане и Пекине и т. д.

В статье отмечается, что в 1925 г. в Китае насчитывалось 1850 тыс. рабочих, занятых на предприятиях современного типа, и в мелкой промышленности свыше 8 млн. кустарей и ремесленников (стр. 3).

Интересно освещает Дэн Чжун-ся первые шаги профсоюзного движения в Китае, процесс образования местных отделений профсоюза железнодорожников и Генерального совета профсоюза железнодорожников. В статье сообщается, что в 1924 г. на Пекин-Мукденской железной дороге насчитывалось более 8 тыс. членов профсоюзов, а всего на железных дорогах — 44 800. В статье приведены данные о развитии профсоюзного движения среди моряков и горняков Китая, в частности отмечается, что в 1924 г. в профсоюзах моряков состояло около 45 тыс. человек и в профсоюзах горняков 26 200 человек. Материалы статьи свидетельствуют о том, что Хуань была не только центром крестьянского движения в стране, как считалось ранее, но, обладая промышленным Уханем, уже в период начала первой гражданской войны становилась и центром рабочего движения.

Дэн Чжун-ся правильно ставит вопрос об участии пролетариата в национальной революции, подчеркивая, что национальная революция, безусловно, является первым шагом освободительного движения пролетариата.

В рецензируемом сборнике помещены важные для исследователей рабочего движения в Китае материалы II Всекитайского съезда профсоюзов и некоторые сведения о забастовочном движении в 1925—1926 гг. Приведенные данные позволяют отметить

антияпонскую и антианглийскую направленность рабочего движения уже в тот период.

К 1925 г. 27 текстильных фабрик в Шанхае и 9 — в Циндао принадлежали японцам. На этих фабриках работало свыше 88 тыс. рабочих. Положение рабочих на японских фабриках было крайне тяжелым — ничем не ограниченный рабочий день, бесправность, зверское обращение со стороны администрации, поборы, штрафы и т. п. В феврале 1925 г. свыше 40 тыс. рабочих японских текстильных фабрик Шанхая забастовали. Против них были двинуты войска и полиция. На одной из фабрик в Шанхае 15 мая 1925 г. был убит один рабочий и 10 рабочих ранено. Солдаты морской пехоты в Циндао 28 мая открыли огонь по рабочим и убили 8 человек. Все это вызвало гнев и возмущение китайского народа и послужило поводом к трагическим событиям 30 мая 1925 г., когда иностранная полиция зверски расправилась с мирной студенческой демонстрацией. Китай поднялся. Коммунистическая партия организовала комитет действия и направила представителей в различные общественные организации для координации действий и агитации. В сборнике приведена основанная на официальных сообщениях органа Генерального совета профсоюзов Шанхая «Хайбао» хроника забастовочного движения в Шанхае в период с 15 мая по 13 июня 1925 г. В этой хронике даны названия бастовавших предприятий, число рабочих на них, сведения о том, монополии какой страны владели данными предприятиями; приведены даты начала забастовок и описание их хода, отмечены также предприятия, где имелась профсоюзная организация.

В период с 15 мая по 13 июня забастовки имели место на 39 японских фабриках (из 44 имевшихся в Шанхае). В них приняло участие 63 тыс. рабочих. На 26 английских фабриках бастовало 36 тыс. человек. Всего в Китае бастовало 118 фабрик, причем число бастовавших достигало 156 тыс. человек (стр. 72—79). Наибольшего размаха борьба рабочих достигла 2—6 июня 1925 г. Данные хроники позволяют сделать вывод, что забастовочная борьба в период движения 30 мая носила ярко выраженный анти-японский и антианглийский характер.

В сборник включена статья «Правда об убийствах в Ханькоу» из журнала «Сяндао чжоукань» (1925 г., 2 июня). В ней описан процесс подготовки всеобщей забастовки в Ханькоу в июне 1925 г. и отмечено, что крупная буржуазия Уханя (представители крупных уханьских торговых палат) отклонила неоднократные обращения представителей рабочих, студенческих и других организаций о проведении всеобщей забастовки, продемонстрировав враждебное отношение к нарастающей революции.

Статья Дэн Чжун-ся «Новые явления в рабочем движении Китая после движения 30 мая 1925 г.» имеет большое познавательное значение. Автор особенно подчеркивает, что в этот период рабочий класс стал руководителем национальной революции. В статье указывается также, что после движения 30 мая 1925 г. для рабочего движения стало характерным создание местных провинциальных, городских профсоюзных организаций. В тот период были созданы Генеральный совет профсоюзов Шанхая, Хэнаньский генеральный совет профсоюзов, Цзинаньский генеральный совет профсоюзов, Тяньцзиньский генеральный совет профсоюзов, Пекинский генеральный совет профсоюзов и т. д. (стр. 100).

В книге есть материалы и I Всекитайского съезда моряков, сыгравшего большую роль в истории борьбы моряков в антиимпериалистической и антифеодальной революции. В сборнике имеются сведения о числе делегатов на съезде, а также освещена работа съезда. На съезде присутствовали представители от моряков провинции Гуандун (122 человека), от моряков Шанхая (14 человек) и другие. Не были представлены моряки Тяньцзиня и моряки провинций Шаньдун и Хубэй (стр. 171). Как видно из этих данных профсоюзное движение развернулось сначала среди моряков, плавающих на судах во внешних водах, и лишь потом перекинулось на матросов судов, плававших по рекам Янцзы, Хуанхэ и другим. В сборник включены обращения I Всекитайского съезда моряков к морякам Китая и обращение съезда к морякам мира.

Довольно полно в сборнике показаны масштабы японского проникновения в Китай в первой четверти XX в. К 1925 г. японский капитал, инвестированный в предприятия

Китай, составил более 800 млн. юаней (стр. 235—236). В специальной таблице показаны сумма японских инвестиций, число фабрик, принадлежавших японцам в текстильной, горной, энергетической и других отраслях промышленности Китая. В другой таблице даются сведения о забастовках на японских предприятиях в Китае в период 1918—1925 гг.

Имеются в сборнике и материалы, показывающие широкое развитие забастовочного движения в Китае в период революции. Хорошо освещен подъем забастовочного движения в Шанхае в мае — сентябре 1926 г. Этот подъем был вызван многими причинами и прежде всего ухудшением условий жизни рабочих и дальнейшим наступлением иностранного и китайского капитала. Тот факт, что новый подъем движения начался в годовщину событий 30 мая 1925 г. — свидетельство огромного стимулирующего значения революционных боев 1925 г.

На первом этапе движение ставило перед собой задачу добиться удовлетворения экономических требований. В забастовке 30 мая 1926 г. участвовало 40 предприятий, 67% забастовок произошло по экономическим причинам, а 33% — по политическим (стр. 247—248). В решении III съезда профсоюзов Шанхая были сформулированы основные требования бастовавших: 1) заработная плата должна быть не меньше 15 юаней в месяц; 2) заработная плата должна повышаться в зависимости от повышения цен на продукты и товары первой необходимости; 3) рабочий день не должен продолжаться более 10 часов и т. д. (стр. 279). Движением в Шанхае руководил Генеральный совет профсоюзов города. Важнейшей особенностью этого забастовочного движения было то, что через 2,5 месяца забастовочная борьба переросла в общенациональную политическую борьбу. Рабочие вступили на путь борьбы против иностранного империализма — август — сентябрь 1926 г. (стр. 295—311).

В сборник включен разнообразный материал и по вопросу о забастовочном движении 1926—1927 гг. в провинции Хунань, где, так же как и в Шанхае, имели место бои рабочих против империалистов. Приведены данные о забастовках на английских текстильных фабриках Ханькоу (с середины мая по 3 июня 1926 г.), о забастовках рикш в мае — июне 1926 г.¹ (стр. 312—315).

Победы национально-революционной армии в Северном походе еще более содействовали широкому развитию забастовочного движения в Хунани, как и в других районах страны. В декабре 1926 г. — январе 1927 г. под руководством ханькоуского отделения профсоюза моряков происходили забастовки моряков на судах, принадлежавших японским и английским компаниям (стр. 375—377). Крупная забастовка работников почты и телеграфа произошла в конце 1926 г. в провинциях Хунань и Хубэй².

В сборник включен ряд новых материалов о январских боях 1927 г. в Ханькоу, где рабочие под руководством Лю Шао-ци изгнали английских колонизаторов с территории их селения в Ханькоу и возвратили занимавшуюся ими территорию народу. «Это, — указывается в сборнике, — первая большая победа в столетней борьбе китайского народа против империализма» (стр. 383). В сборнике освещены также причины антианглийских демонстраций в Ханькоу в конце декабря 1926 г. и в начале января 1927 г.³ и борьбы населения Ханькоу против английских империалистов.

¹ В 1926 г. в Ханькоу было около 15 тыс. рикш, их трудом на 2/3 обслуживался городской транспорт. Ужасные условия жизни рикш и бесчеловечное отношение к ним подняли их на борьбу с предпринимателями. 14 июня 1926 г. в Ханькоу была проведена всеобщая забастовка рикш.

² Забастовкой руководили революционные профсоюзы, созданные после того, как революционная армия, начав Северный поход, двинулась к Уханю.

³ Английские власти на территории английской концессии в Тяньцзинь опечатали помещение тяньцзиньского городского отдела гоминьдана и, арестовав 17 его членов, передали их в руки охранки Чжан Цзо-лина. В Шанхае английские власти запретили издание газеты «Миньго жибао».

26 декабря в Ханькоу был созван общегородской митинг с участием более 200 тыс. человек, представлявших все слои населения. На митинге было принято обра-

В сборнике имеется богатый фактический материал о втором и третьем восстаниях пролетариата Шанхая. В период второго восстания, начавшегося 19 февраля 1927 г., за четыре дня в забастовках приняло участие более 360 тыс. человек⁴.

В статье Цюй Цзин-бо «Борьба пролетариата в Кантоне после контрреволюционного переворота» освещен важный период в истории рабочего движения в Китае — рабочее движение после 12 апреля 1927 г. Несмотря на внезапность контрреволюционного переворота уже 28 апреля начались забастовки моряков, автомобилистов, рикш, печатников, рыбаков, части торговых служащих. Бастовавшие опубликовали воззвание, призывая «Бороться с Чан Кай-ши и всеми новыми милитаристами», «Освободить всех политических заключенных», «К контрнаступлению против предпринимателей» и т. д. В день годовщины кантон-гонконгской забастовки 19 июня 1927 г. была организована рабочая демонстрация, в которой участвовало 20 тыс. человек.

Сборник заканчивается материалами, освещающими рабочее движение после 12 апреля 1927 г., когда произошел отход крупной китайской буржуазии от революции. Конец первой гражданской войны относится к периоду после апрельских событий 1927 г., когда в результате измены национальной буржуазии делу революции фактически наступил конец первой гражданской войне.

В целом рецензируемый сборник представляет значительную ценность, так как позволяет сделать ряд обобщений по важнейшим вопросам рабочего движения в период первой гражданской революционной войны в Китае.

В сборник не вошли материалы, использованные ранее в книге Дэн Чжун-ся «Краткая история профсоюзного движения в Китае», что позволило избежать повторений по ряду вопросов.

Составители сборника при подборе материалов не ограничились центральными печатными изданиями, но широко использовали и местную периодическую печать — газеты, издававшиеся в период забастовок, в частности орган совета профсоюзов Шанхая газету — «Жэсюэ бао».

Сборник содержит лишь материалы о развитии рабочего движения в Китае в 1924—1927 гг. Было бы интересно, если бы в сборник были включены также материалы, освещающие моральное сочувствие и поддержку мирового пролетариата, и в особенности рабочего класса и крестьянства Советского Союза рабочему движению в Китае. Материалы этого характера, как известно, имеются в китайской периодической печати, в особенности в журнале ЦК КПК — «Сяндао чжоукань».

Разумеется, пользование материалами сборника было бы значительно облегчено, если бы к нему был также дан алфавитно-предметный указатель.

Сборник «Рабочее движение в Китае в период первой гражданской революционной войны» имеет важное научное значение, являясь ценным и серьезным источником и для советских историков, изучающих проблемы рабочего движения Китая.

Р. А. Мировицкая

шение к населению всего Китая с призывом выступить против вмешательства колонизаторов во внутренние дела Китая, потребовать, чтобы национальное правительство добилось освобождения арестованных; в случае, если английские власти откажутся выполнить это требование, арестовать англичан, ведущих пропагандистскую и агитационную деятельность в Китае, и прекратить экономические и дипломатические отношения с Англией.

1 и 2 января 1927 г. в Ханькоу происходили торжественные собрания, посвященные победам революционной армии в Северном походе. 3 января произошла демонстрация, в которой приняло участие до 100 тыс. человек. Она была обстреляна полицией и войсками. В ответ на расправу с мирной демонстрацией, поднявшиеся на борьбу рабочие, студенты и т. д. сломали сопротивление полиции и подняли китайский флаг на территории концессии.

⁴ Забастовки в Шанхае вспыхнули тогда, когда революционная армия приближалась к границам провинции Чжэцзян.

Directory of Taiwan 1955. Taipei, 1955, 151 p.

Чанкайшисты идут на всевозможные ухищрения, чтобы ввести в заблуждение мировое общественное мнение о действительном положении дел на Тайване. По эфиру, в прессе, в кино они восхваляют существующий режим на Тайване и клеветают на Народный Китай. Смысл этой пропаганды сводится к тому, что на Тайване якобы все хорошо, а в Китайской Народной Республике все плохо. Именно в целях такой пропаганды, по указке Чан Кай-ши, на Тайване издан статистический справочник на 1955 год.

Этот статистический «справочник» рассчитан, разумеется, на иностранную аудиторию, так как на самом Тайване никто не поверит тем данным, которые в нем приводятся.

Внешне справочник выглядит научно. Как в любом справочнике, в нем даны сведения по физической географии острова, приводятся различные данные об экономике, транспорте и т. д. Однако главная задача этого справочника заключается в том, чтобы в розовом свете представить положение на острове после захвата его чанкайшистами. Для достижения этой цели составителям справочника пришлось прибегнуть к фальсификации статистики. В справочнике нет сводных данных, сопоставимых даже с периодом японской оккупации Тайваня, приводятся лишь разрозненные сведения, которые и призваны служить иллюстрацией к «прогрессу» Тайваня под властью чанкайшистов.

В справочнике читателям, прежде всего, сообщается, что на Тайване успешно прошли выборы в органы местного самоуправления, показавшие якобы небывалую активность избирателей. В то же время никаких данных о социальном составе этих органов местного самоуправления предусмотрительно не приводится. По сообщениям иностранной прессы, чиновники, руководившие выборами, утверждали, что избиратели уклонялись от участия в избирательной кампании, поскольку она проходила в условиях террора, а состав местных органов самоуправления был фактически назначен заранее.

Столь же туманно выглядят в справочнике и данные о состоянии народного образования на Тайване. По утверждению составителей справочника число детей, обучающихся в школах, повысилось с 1944 г. на 19%. Такой ничтожный рост за десятилетний период объясняется тем, что бюджетные ассигнования на Тайване идут на военные расходы, а не на народное образование и улучшение положения трудящихся. Вся система просвещения на острове подчинена военным целям. Чанкайшисты «осчастливили» тайваньскую молодежь учреждением так называемого христианского университета. Созданный ярым носителем милитаризма и военных авантюр, этот «христианский университет» вряд ли станет светочем знаний.

Большое место в справочнике отводится так называемой аграрной реформе на Тайване. Составители справочника уверяют, что реформа проводилась под лозунгом: «Земля — земледельцам». Но о том, чем была вызвана эта реформа, умалчивается. На деле же чанкайшистам было известно, что до крестьян Тайваня дошли сведения о великих переменах в деревне Китайской Народной Республики, где была успешно проведена подлинная демократическая аграрная реформа и нанесен сокрушительный удар помещикам. Именно это и заставило правителей Тайваня встревожиться и сделать вид, что они также готовы пойти навстречу вековым чаяниям крестьян и удовлетворить их надежды на получение земли. Однако спешить с аграрными преобразованиями чанкайшисты не собирались, как не собирались они и всерьез задевать интересы помещиков. «Аграрная реформа» была подразделена на три стадии. На первой стадии было объявлено, что арендная плата за землю вместо 50—60% урожая будет понижена до 37,5%. Составители справочника уверяют, что это было якобы осуществлено, и что у 383 тыс. арендаторов доходы повысились на 20—30%. Но составители справочника скрыли от читателей, что провозглашение уменьшения арендных платежей сопровождалось повышением налогов на крестьянство более чем на 30%.

На второй стадии аграрной реформы (1951 г.) лицам, не имеющим земли, по утверждению справочника, в течение трех лет было продано немногим более

25 тыс. га общественной и кооперативной земли. Но какие категории безземельных крестьян приобрели эту землю, в справочнике не говорится. И это не случайно, так как беднейшие крестьяне были не в состоянии приобрести землю, и она оказалась в руках зажиточных крестьян и помещичье-кулацких элементов, бежавших из Китайской Народной Республики и располагавших средствами.

На третьей, заключительной стадии аграрной реформы, начавшейся в 1953 г., дело свелось к выкупу части земли у помещиков. Размер выкупа устанавливался в размере 250% стоимости годового урожая на данном участке земли. Землевладелец получал земельные облигации на 70% и товарные акции на 30% стоимости выкупаемой земли, с условием погашения задолженности в течение 10 лет, причем до полного расчета помещикам гарантировался ежегодный доход в размере 4% стоимости выкупаемой земли. «Правительство», проявляя трогательную заботу о помещиках, решило также приравнять стоимость земельных облигаций к 1260 тыс. тонн зерна и 440 тыс. тонн сладкого картофеля, чем помещики были застрахованы от ущерба при инфляции, постоянно происходящей в условиях чанкайшистского режима. Гарантируя помещиков от инфляции, правительство пошло на то, чтобы, получая натуральный налог с крестьян, вознаграждать помещиков за счет этой замаскированной ренты продуктами.

При проведении земельной реформы продажа земли была ограничена размерами не меньше 3 га. На более мелкие участки делить землю при продаже не разрешалось. Но на Тайване, где имеется возможность собирать по два и три урожая в год, участок в 3 га является значительным (большинство арендаторов обрабатывало обычно в 4—5 раз меньше по размерам участки). Таким образом, провозглашенное чанкайшистами право арендаторов на «преимущественное приобретение земли, которую они арендовали», было обманом, так как покупка 3 га для арендаторов-бедняков была не под силу.

В результате проведения этой «аграрной реформы» большая часть земли оказалась в руках или зажиточных крестьян или контрреволюционеров, бежавших из КНР. Ясно, что реформа была рассчитана на расширение кулацкой прослойки в деревне, на усиление ее удельного веса как одной из социальных опор чанкайшистского режима. Поэтому аграрная реформа на Тайване не могла устранить и не устранила кабальной аренды и других форм полуфеодальной эксплуатации и, в частности, ростовщичества.

Даже по тем данным, которые приводятся в справочнике, а эти данные были заблаговременно профильтрованы, можно проследить антинародный характер проведенной «аграрной реформы». Составители справочника уверяют читателей, что 75% крестьян стали «независимыми и полунезависимыми» (стр. 82), т. е. остальные 25% крестьян остались зависимыми крестьянами (арендаторами). Загадочная формула «независимые и полунезависимые» означает на деле, что и среди этих крестьян большинство зависимые. Такая маскировка не случайна, ибо составителям справочника трудно признаться, что в тайваньской деревне ничего не изменилось со времени японской оккупации, что «аграрная реформа» почти ничего и не дала безземельным крестьянам, а их материальное положение явно стало еще более тяжелым, поскольку увеличились налоги.

Составители фальсифицированного справочника пытаются доказать недоказуемое. В справочнике, например, утверждается, что в результате аграрной реформы сельскохозяйственное производство на Тайване быстро растет, что на острове в 1954 г. будто бы было собрано 1700 тыс. тонн риса по сравнению с 1402 тыс. тонн в 1938 г. Но даже если бы эти данные о сборе риса и соответствовали истине, на что полагаться нельзя, все же они не дают правильного представления о положении в сельском хозяйстве. В справочнике умалчивается о том, что чанкайшисты, форсировав производство риса, необходимого для содержания вооруженных сил, привели к полному упадку производство других культур (сахарного тростника и др.).

В искаженном виде приводятся данные и о положении трудящихся масс на Тайване, в особенности беднейшего крестьянства. Однако составители справочника

не могли скрыть, что на Тайване до сих пор существует институт так называемых приемных дочерей, попросту говоря институт, узаконяющий продажу родителями детей в рабство. В справочнике сообщается, что Комитетом по защите приемных дочерей еще в декабре 1951 г. было учтено до 135 343 девушек (4,5% женского населения Тайваня), «переданных» своими родителями другим лицам за плату (стр. 85). Вышеупомянутый «комитет», состоящий из ярых чанкайшистов, за 2,5 года своей деятельности, в 1129 случаях был вынужден выступить против бесчеловечного обращения с девушками со стороны тех, кто их «удочерил». Используя бедственное положение бесправных людей, обреченных на болезни и вымирание, темные дельцы усиленно рыскают по городам и деревням и закупают девушек, перепродавая их затем кулакам, администрации публичных домов и т. д., поскольку спрос на рабыню со стороны состоятельных людей и военщины растет.

Так в действительности выглядит положение на Тайване. Как ни подтасовывали факты составители справочника, как ни извращали они действительное положение дел на острове, даже те разрозненные, отрывочные данные, которые они вынуждены были сообщить читателям, приподнимают завесу над произволом, творимым на Тайване врагами китайского народа.

А. И. Стадниченко

М. М. МЕНТА. *Combination movement in Indian industry*. Allahabad, University of Allahabad, 1952, III, 98 p.

В последние годы в Республике Индии опубликован ряд содержательных трудов по экономическим проблемам. В противовес некоторым английским и американским экономистам, которые неправильно освещают развитие экономики Индии в целях оправдания колониализма, ряд индийских экономистов, в том числе и буржуазных, стремятся в своих работах дать научный анализ закономерностей и отличительных черт индийской экономики. К числу таких трудов относится и рецензируемая книга профессора Аллахабадского университета М. М. Мехты «Концентрация в индийской промышленности».

Собрав и систематизировав значительный фактический материал, автор пришел к заключению, что большая часть фабрично-заводского производства в Индии сконцентрирована в руках английских и индийских монополий. «Наиболее яркой чертой промышленного развития Индии, — пишет Мехта, — является концентрация собственности и контроля в руках немногих лиц и немногих компаний. В развитии промышленной организации наша индустрия следует по тому же пути и обнаруживает тенденции, удивительно похожие на те, которые характерны для более развитых в промышленном отношении стран» (стр. 1).

Свои выводы Мехта подтверждает многочисленными фактами. Он указывает, что свыше 600 компаний в ведущих отраслях фабрично-заводской промышленности Индии находились под контролем всего 35 управляющих агентств¹. Десять крупнейших управляющих агентств возглавляли 320 компаний. Еще более показательны данные о сосредоточении контроля над промышленностью Индии в руках финансовой олигархии: 100 крупнейших английских и индийских финансистов и промышленников занимали 1712 постов в советах директоров промышленных, транспортных, энер-

¹ Управляющее агентство — форма монополистического объединения в Индии. Агентства финансируют подчиненные им компании, снабжают их сырьем, ведут сбыт произведенной продукции и т. д., осуществляя всеобъемлющий контроль над ними.

гетических и других компаний, 10 магнатов занимали 400 директорских постов, а если к ним добавить еще 20 дельцов, то эти 30 человек занимали 860 директорских постов. Автор, характеризуя положение в экономике Индии в 1950—1951 гг., писал: «Несколько ведущих управляющих агентств осуществляют всеобъемлющий контроль над большей частью нашего промышленного производства... Горстка владельцев управляющих агентств господствует почти во всех областях экономической жизни страны, контролируя многочисленные предприятия — от небольших фабрик, занятых очисткой и прессованием хлопка, до огромных металлургических заводов, гидроэлектростанций и верфей, в которые вложены десятки миллионов рупий и где заняты тысячи рабочих» (стр. 4—5).

Концентрация и централизация производства развивается в каждой из отраслей индийской промышленности. Особенно высокого уровня централизация производства достигла в тех отраслях промышленности Индии, где весьма ощутимо влияние иностранных монополий, более мощных, чем местные — индийские. В металлургии, в цементной и джутовой промышленности влияние иностранных монополий еще больше. В частности, в джутовой промышленности из 85 компаний, существовавших в Индии в 1949 г., 42 принадлежали семи английским управляющим агентствам, из них два английских агентства — «Маклеод энд К°» и «Эндрю Юл энд К°» контролировали 21 джутовую компанию. Пять виднейших английских и тесно связанных с ними индийских дельцов — Уотерс, Канорпа Оффисер, Джатна и Спм — занимали 65 директорских постов в джутовых компаниях, иначе говоря, осуществляли контроль почти над всей индийской джутовой промышленностью. В чайной промышленности 11 управляющих агентств владели 128 компаниями; крупнейшим из них — «Дункан энд К°», «Маклеод энд К°» и «Эндрю энд К°» принадлежало 60 чайных фирм. В угольной промышленности 60 компаний находились под управлением и контролем 14 управляющих агентств, среди которых преобладали английские. Четыре управляющих агентства захватили контроль почти над 30 фирмами, владеющими основными угольными бассейнами страны. Это — английские агентства «Эндрю Юл энд К°», «Хейлгерс энд К°», «Лоу энд К°», а также индийское агентство «Тхапар энд К°». Так называемая большая пятерка промышленников, целиком состояла из англичан. В цементной промышленности из 25 заводов в Индии и Пакистане 15 принадлежали компаниям «Ассошиэйтед симент компани лимитед», связанной с английским капиталом, и пять — индийской финансовой группе Далма.

Наиболее высокая степень концентрации достигнута в черной металлургии, где 90% производства приходится на заводы, принадлежащие индийской монополии «Тата» и английскому управляющему агентству «Мартин Бэрн энд К°».

В тех отраслях промышленности, где господствующее положение занимает национальный капитал, концентрация производства такого размаха еще не достигла. Традиционными для вложения индийского национального капитала отраслями являются прежде всего хлопчатобумажная и сахарная отрасли промышленности. Свыше 30% предприятий хлопчатобумажной промышленности по производственной мощности контролировалось менее чем 13 управляющими агентствами. 25 крупнейших промышленников захватили в этой отрасли 150 директорских постов. Пять ведущих управляющих агентств — индийские монополистические группы Бирла, Гагалбхай, Лалбхай и Парекх, а также английская «Корпорация Британской Индии» владели 33 хлопчатобумажными компаниями. Еще выше концентрация была в отдельных промышленных центрах страны. Так, в Ахмедабаде 18 семей контролировали 80% производственной мощности хлопчатобумажных фабрик города. В сахарной промышленности из 166 фабрик 51 принадлежала 16 управляющим агентствам, в том числе 32 фабрики контролировались всего пятью агентствами — упомянутой «Корпорацией Британской Индии» и индийскими группами Тхапар, Далма, Наранг и Бирла. Таким образом, в отраслях, куда вложен в основном национальный капитал, ярко выражена та же тенденция — концентрация производства, сосредоточение контроля над целыми отраслями промышленности в руках кучки монополистических группировок.

Концентрация капитала не ограничивается лишь промышленностью. Довольно высокого уровня достигла концентрация и централизация также и банковского капитала. Наиболее мощные банки страны принадлежали, как известно, английским финансовым группам. Так, в совете директоров крупнейшего «Империял банк оф Индия», наряду с представителями английских монополий «Эндрю Юл энд К^о», «Маклеод», «Мартин-Бэрн», «Джардайн Гендерсон», «Гилландерс Арбетнот», «Шоу Уоллас» и «Киллик Никсон», участвовали также индийские магнаты Тата и Гоэнка. В годы второй мировой войны и в послевоенный период увеличилось число и усилились позиции банков, принадлежащих индийским финансовым группировкам. Шесть из них (Тата, Бирла, Далма, Сингхания, Гоэнка и Тхапар) владели или были связаны с 14 банками, 13 «инвестиционными трестами», занимающимися финансированием промышленных предприятий и 14 страховыми компаниями, при помощи которых они централизовали свободные капиталы и денежные доходы страны. Таким образом, в индийской экономике господствует несколько финансовых группировок, опирающихся на крупные банки и распространяющих свое влияние на все отрасли промышленности. «Руководство промышленностью, — отмечает Мехта, — перешло от предпринимателей-промышленников в руки финансовых магнатов» (стр. 50).

В книге индийского экономиста подробно исследована структура крупнейших управляющих агентств и приведены данные, характеризующие соотношение силы и влияния группировок английского и индийского капитала. Однако противоречия между этими группировками проследить по книге трудно. Из приведенной в книге Мехты таблицы, суммирующей данные о распространении влияния английских управляющих агентств, тесно связанных с английскими монополиями, видно, что наиболее сильными финансовыми группировками являлись именно английские монополистические объединения, которым принадлежали командные высоты в индийской экономике еще до того, как начали складываться монополии в Индии.

Достаточно сказать, что 23 крупнейших английских монополистических объединения владеют 386 фирмами во всех отраслях индийского народного хозяйства. Старейшие колониальные компании, выросшие и разбогатевшие в результате использования дешевого труда рабочих Индии и ее природных ресурсов, оказывали и все еще оказывают серьезное влияние на экономику страны.

Английские монополии ведут борьбу за упрочение своего влияния в индийской экономике. Поглощая и вытесняя более слабые управляющие агентства и отдельные компании, они все время стремились и стремятся усилить свои позиции. В 1947 г. агентство «Маклеод энд К^о» подчинило себе одно из старейших калькуттских управляющих агентств — «Бегг Дэплов», владевшее 14 фирмами. Крупнейшее английское монополистическое объединение «Мартин-Бэрн лимитед» возникло в результате слияния управляющих агентств «Мартин энд К^о» и «Бэрн энд К^о». Два известных калькуттских управляющих агентства «Берд» и «Хейлгерс» образовали объединенную организацию для закупки сырья и сбыта готовой продукции. Вскоре после окончания войны произошло слияние крупных английских управляющих агентств «Джардайн Скиннер энд К^о» и «Джордж Гендерсон энд К^о» в мощное монополистическое объединение «Джардайн Гендерсон энд К^о», сразу же поглотившее еще две химические фирмы.

Во время второй мировой войны произошел важный сдвиг в структуре финансовой олигархии Индии.

Громадное обогащение в военные годы местных промышленников и торговцев привело к резкому усилению нескольких монополий, существовавших до войны (Бирла, Тата, Далма и др.), и к появлению новых.

К крупнейшим из местных финансовых группировок относятся объединения Бирла, Тата, Далма-Джайн, Джагджиал Камлапат, Сингхания, Карамчанд Тхапар, Валчанд Хирачанд. Они контролируют ныне значительную часть экономики страны. Так, многочисленные представители девяти семейств индийских финансистов занимают 600 постов в советах директоров банков, промышленных, транс-

портных и прочих компаний (семьи Сингхания, Далма-Джайн, Райа, Бирла, Гоэнка, Поддар, Бангур, Джатна и Тхапар).

Индийские финансовые группировки частично зависят от английского монополистического капитала. Характерно, что и сама форма организации индийских монополистических объединений — управляющее агентство — заимствована ими у английских монополий. Местные финансово-промышленные группы связаны с английскими банками и в известной мере контролировались из-за границы. Следует отметить, что Мехта, обходя факт многообразия связей крупнейших объединений с английскими монополиями, сводит эти связи к простому переплетению интересов. В книге приведены данные лишь о связях группы крупных индийских дельцов-компрадоров, активно участвующих в деятельности английских управляющих агентств.

Высокая степень концентрации производства в промышленности Индии, господство в ней монополистических объединений, в том числе и индийских, препятствовали развитию в Индии тяжелой индустрии. Последствия двухвекового колониального режима в стране продолжают сказываться и в экономике сегодняшней Индии. Это, в частности, находит свое яркое выражение в структуре монополистических объединений. Из 600 с лишним компаний, принадлежавших крупнейшим управляющим агентствам, только 30 были машиностроительными фирмами, которые располагали, главным образом, ремонтными и сборочными предприятиями. В то же время лишь в пяти отраслях добывающей и легкой промышленности (хлопчатобумажной, джутовой, угольной, чайной, сахарной) было занято 320 фирм, в области транспорта — 33 компании, в области финансов — 34 и т. д. Еще более ярко проявлялись эти черты в структуре английских управляющих агентств. Примерно из 260 компаний, принадлежавших десяти крупнейшим английским управляющим агентствам, в упомянутых пяти отраслях добывающей и легкой промышленности и в области транспорта действуют около 190.

Фактический материал в книге Мехты весьма содержателен и помогает читателю создать представление о положении в экономике Индии, создавшемся вскоре после освобождения из-под ига колониализма, что не могло не сказаться в дальнейшем на тенденциях развития экономики Индии.

К числу недостатков рецензируемой книги следует отнести известную недооценку самостоятельности монополий Индии. В книге отсутствует характеристика противоречий, которые существуют между английскими и индийскими финансовыми группировками. Между тем, деятельность иностранных монополий, стремящихся к усилению своего влияния в Индии, противоречит интересам индийского капитала, в том числе и крупного. В послевоенные годы, в условиях сужившейся сферы деятельности английских монополий, последние развертывают наступление на позиции индийской буржуазии. Как известно, Федерация торговых и промышленных палат и Всеиндийское объединение промышленников выступали с протестами против иностранной конкуренции на внутреннем рынке Индии.

В книге также не освещается заметное проникновение в Индию американских монополий, особенно усилившееся после второй мировой войны. Прочные позиции в экономике Индии, однако, продолжают занимать английские монополии, на долю которых приходится более 72% иностранных инвестиций. По данным переписи, проведенной Резервным банком Индии, в 1948 г. американские частные капиталовложения составляли около 1/13 части английских. Финансовая группа Моргана в послевоенные годы учредила несколько смешанных индо-американских компаний в ряде отраслей хозяйства Индии (производство и сбыт радио и электрооборудования, искусственного шелка, бумаги и др.). Рокфеллеровским фирмам «Стандарт Вакуум ойл компани оф Нью-Дели» и «Калтекс (Индия) лимитед оф Бомбей» удалось захватить значительную часть переработки сбыта нефти в Индии. Компания «Стандарт-Вакуум» закончила недавно строительство крупного нефтеочистительного завода близ Бомбея. Группа Меллона создала алюминиевую фирму «Индиян алюминум компани», а крупнейшая резиновая американская мо-

нополия после войны учредила свое дочернее предприятие «Гудийр тайр энд разбер компани (Индия)». Американским монополиям удалось также закрепиться в индийской автосборочной промышленности. Экономическая экспансия американских монополий встречает упорное сопротивление английских монополий, что ведет к углублению противоречий между английскими и американскими монополиями. В то же время попытки американских монополий внедриться в экономику Индии и закрепиться на индийском рынке ведут к обострению противоречий между ними и индийскими финансовыми группировками.

Приводя многочисленные цифры и факты о роли монополистического капитала в промышленности Индии, автор ограничивается, в основном, их констатацией. Он уклоняется от выводов о характерных чертах финансовой олигархии Индии, но содержащийся в рецензируемой книге оригинальный фактический материал о концентрации и централизации капитала в индийской промышленности, а также о монополистических объединениях Индии представляет большой политический интерес.

В. В. Журкин

日本の労働運動・服部之總監修・理論社・東京.

Рабочее движение в Японии. Под ред. Хаттори Корэфуса. Токио, Риронся, 1953, 258 стр.

Славная история борьбы рабочего класса Японии против эксплуататоров привлекает к себе внимание многих японских прогрессивных историков. К опубликованым в последние годы работам по данному вопросу относятся и рецензируемый труд группы японских историков «Японское рабочее движение», опубликованный в 1953 г. под редакцией крупного ученого — специалиста по новой и новейшей истории Японии проф. Хаттори Корэфуса.

Авторами работы являются члены Общества по исследованию новейшей истории Японии, созданного японскими демократическими учеными. Их книга — одна из серии популярных книг по социальным и политическим вопросам, публикуемых издательством Риронся для ознакомления масс с «новыми идеями» (стр. 12). История японского рабочего движения излагается в книге на основе марксистской методологии. Книга представляет собой серию хронологически связанных между собой очерков, охватывающих период с 80-х годов XIX в. вплоть до конца 1952 г.

Первые симптомы рабочего движения в Японии авторы находят в появлении в конце 80-х годов мелких профессиональных объединений рабочих, созданных с помощью филантропов из числа прогрессивных буржуа и интеллигентов. Наиболее видную роль сыграл тогда владелец ряда издательских предприятий, автор статей по рабочему вопросу Сакума Тэйити, прозванный впоследствии «японским Оуэном». Это было время, когда пролетариат Японии, которая поздно вступила на путь капиталистического развития, окончательно не сложился еще в особый класс, в связи с чем деятельность первых профессиональных объединений «не поднималась до уровня движения с ясно осознанными классовыми целями» (стр. 17).

Первый яркий луч в истории японского рабочего движения забрезжил, как образно пишется в книге, в июле 1897 г., когда небольшой группой прогрессивных интеллигентов и передовых рабочих во главе с Катаяма Сэн было образовано Общество по созданию профсоюзов (стр. 19). Общество занялось организацией на предприятиях профсоюзных организаций и приступило к социалистической пропаганде в рабочей среде через первый в Японии рабочий журнал «Родо сокай» (Мир труда). Редакторы журнала считали себя марксистами, но в действительности находились под влиянием реформизма, несовместимого с революционным марксизмом.

Зарождение профсоюзного движения в Японии авторы рассматривают в тесной связи с развитием японского капитализма, ускорившимся после японо-китайской войны 1894—1895 гг. Война и контрибуции с Китая обогатили японскую буржуазию и дали новый толчок развитию японской промышленности. Но чем шире развертывалось в стране капиталистическое производство, тем больше ухудшалось положение народных масс, тем больше обострялся классовый антагонизм. Созданные социальными сравнительно немногочисленные профсоюзы металлистов, печатников, железнодорожников и рабочих других специальностей сразу же были использованы рабочими для борьбы против предпринимателей. В 1897—1898 гг. имела место первая вспышка стачечной борьбы. Экономические забастовки, организованные в эти годы группой Катаяма Сэн, вызвали заметную тревогу среди правящих кругов, которые пытались воспрепятствовать пробуждению японского рабочего класса. В марте 1900 г. был опубликован полицейский «закон об охране порядка». Закон был направлен против рабочих-забастовщиков и социалистов. На основании закона полиция стала жестоко подавлять стачки и преследовать социалистов, несмотря на то, что программа последних в то время имела сугубо реформистский характер.

Это был период усиленного роста милитаризма. «Затонувшие первые ростки рабочего движения», — пишут авторы, — японский капитализм, сделавший военное производство своей основой, направил копье империализма в сторону континента и начал там вооруженную экспансию» (стр. 25). Результатом политики правящих классов Японии явилась русско-японская война 1904—1905 гг., которая принесла трудящимся массам Японии небывалые лишения. Уже в период пробуждения японского рабочего движения определились особенности, характерные для его последующего развития. Рабочее движение в Японии с самого начала развивалось в условиях полицейского террора буржуазно-помещичьей монархии, враждебной не только социализму и демократизму, но и буржуазному конституционализму, в условиях разгула милитаризма, вовлекавшего нацию в бесконечные военные авантюры.

Первые бои молодого японского пролетариата были крайне тяжелыми. Авторы справедливо называют «подвигом» антивоенную борьбу небольшой группы японских социалистов, объединившихся в годы русско-японской войны вокруг газеты «Хэй-мин симбун». Большое значение придается в книге стихийным антивоенным волнениям масс в Токио и других городах Японии в сентябре 1905 г., сопровождавшимся поджогами правительственных зданий и столкновениями с полицией. Эти события, по словам авторов, «послужили толчком к росту рабочего движения» (стр. 40). В рецензируемой работе подробно рассказывается о бурных забастовках рабочих в 1907 г. на рудниках Асио и Бэсси, в шахтах Юбари, на верфях концерна Мицубиси в Нагасаки. В ходе этих забастовок рабочие смело вступали в неравную борьбу против полиции и солдат.

Стойкость и мужество рабочих активизировали деятельность японских социалистов, подвергавшихся постоянным преследованиям полицейских властей. Но в условиях полицейского террора социалистам не удалось сохранить постоянную связь с рабочим движением и они не смогли выработать правильной революционной тактики борьбы и преодолеть мелкобуржуазные воззрения. В результате часть социалистов во главе с Котоку Дэндзиро стала на путь анархистских «прямых действий», а другие стали социал-реформистами. Котоку и его товарищи оказались вскоре жертвами спровоцированного властями «дела о покушении на императора» и были казнены в январе 1911 г., а некоторые руководители социал-реформистского течения (Абэ Иссо и др.) скатились на путь реакции. Лишь небольшая группа японских социалистов во главе с Катаяма Сэн оказывала сильное идейное влияние на передовых рабочих и сплачивала их для борьбы против буржуазного общества. Катаяма Сэн и его товарищи организовали стачку токийских трамвайщиков в конце 1911 г., завершившуюся победой бастовавших.

В период первой мировой войны социалистическое движение, которое, по словам авторов, многие считали уже похороненным после «дела Котоку», «словно птица феникс, опять появилось из пепла и вновь объявило войну правя-

щим классам» (стр. 68). Тщетными оказались попытки властей и предпринимателей установить свой контроль над рабочим движением. Созданное в 1912 г. капиталистами и буржуазными интеллигентами в целях пресловутой «гармонизации труда и капитала» профсоюзное рабочее объединение «Юайкай» в годы первой мировой войны под нажимом рабочих масс вышло в своих действиях за рамки первоначально поставленных его организаторами задач и стало использоваться рабочими для борьбы против предпринимателей.

В период войны, в которой участвовали и японские империалисты, быстро расширилась экономическая борьба японского пролетариата, выступавшего с требованиями увеличить заработную плату. Если в 1915 г. произошло 64 забастовки, то в 1918 г. — 417 (стр. 69). Война завершилась в Японии грозными для властей выступлениями народа, так называемыми рисовыми бунтами, охватившими большинство префектур, десятки городов и деревень. В массовых выступлениях приняло участие до 700 тыс. человек (стр. 74).

Авторы отмечают прямое влияние Великой Октябрьской социалистической революции в России на размах рисовых бунтов, а также на усиление недовольства масс посылкой японских войск в Сибирь для участия в интервенции против страны Советов (стр. 70—71). Рисовые бунты, в авангарде которых были рабочие, «послужили стимулом к подъему демократического движения в целом» (стр. 75).

Последующие годы характеризовались увеличением численности профсоюзов, появлением ряда легальных демократических, социалистических организаций и ростом популярности демократических и социалистических идей среди широких народных масс Японии. Число профсоюзов в Японии с 1921 по 1927 г. выросло с 300 до 580, а численность членов профсоюзов — со 102 тыс. до 309 тыс. человек (стр. 102). Под давлением масс в середине 20-х годов власти несколько ослабили суровые ограничения общедемократического и рабочего движения, но попрежнему расправлялись с теми, кто призывал рабочих к революционной борьбе против господства буржуазии и помещиков.

В рассматриваемой книге большое значение придается созданию 15 июля 1922 г. нелегальной Коммунистической партии Японии (КПЯ), которая по праву называется авторами «авангардом японского рабочего класса и крестьянства» (стр. 75, 82). Базируясь на решениях КПЯ и работах ее руководителей, авторы подробно пишут о том, как компартия преодолевала оппортунистические уклоны в своих рядах, как боролась за развитие и единство рабочего класса.

Крупным достижением КПЯ явилось образование в мае 1925 г. левого профсоюзного центра «Ниппон родо кумпай хёгикай», возглавившего стачечную борьбу. Этот центр в 1926 г. организовал стачки на предприятиях компаний «Кёдо инсан» и «Ниппон гакки» — самые длительные и упорные стачки того периода. Первая из них продолжалась 58 дней, а вторая — 105 дней. Эти стачки были поддержаны рабочими других предприятий. «Ниппон родо кумпай хёгикай» и другие прогрессивные организации провели по стране сбор средств в фонд помощи забастовщикам. «Вместе со славным именем „Ниппон родо кумпай хёгикай“, — пишут авторы, — эти две крупнейшие исторические забастовки, в которых проявились стойкость и упорство японских рабочих, не могут быть забыты никогда» (стр. 111).

Книга знакомит читателя с выдающимися руководителями японского рабочего движения того времени. Это — токийский рабочий Ватанабэ Масаносукэ, один из организаторов КПЯ, ставший затем генеральным секретарем партии и находившийся на этом посту до дня своей гибели в 1928 г. на острове Тайвань от рук палачей (стр. 120—123). Это — Ямамото Сэндзи, депутат парламента от рабочей партии Роното, который в 1929 г. один выступил в парламенте против полицейского произвола императорской власти и погиб от руки убийцы, подосланного властями (стр. 124—125). Это — неустрашимые руководители КПЯ в период разгула в стране фашистской реакции — Итикава Сенти и Норо Эйтаро, сочетавшие кипучую организаторскую партийную подпольную деятельность с глубоким изучением революционного опыта КПЯ и разработкой ее стратегии и тактики. Оба они героически погибли.

в тюремных застенках (стр. 126—128, 136—141). Страницы книги, посвященные героям революции, павшим в борьбе с реакцией, читаются с большим волнением и вызывают у читателя восхищение непреклонным мужеством японских пролетарских революционеров.

Яркие страницы рецензируемой книги посвящены борьбе рабочего класса Японии против вооруженной интервенции в Северо-Восточном Китае, развязанной японскими империалистами в 1931 г. Несмотря на полицейский террор и массовые аресты рабочих по подозрению в принадлежности к компартии, передовые слои пролетариата мужественно откликались на призывы КПЯ и проводили антивоенные стачки, митинги и демонстрации. Все это придало забастовочной борьбе пролетариата в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. политический, антивоенный, антифашистский характер.

Но сил у рабочего класса Японии было тогда еще недостаточно, чтобы обуздать правящие круги Японии, толкавшие страну на путь войны и фашизма. Даже в 1935—1936 гг., когда число организованных в профсоюзы рабочих было наибольшим за период между двумя мировыми войнами, оно едва превышало 400 тыс., что составляло менее десятой части всего рабочего класса страны. Слаба была еще и связь революционной борьбы пролетариата с антипомещичьим движением крестьянства, находившимся, в значительной степени, в плену монархической, милитаристской идеологии. К началу нападения Японии на Китай в 1937 г. ряды КПЯ, вследствие массовых полицейских арестов, сильно поредели, многие демократические профсоюзы были разгромлены и руководство крупнейшими профсоюзами перешло в руки правых социал-реформистов.

В книге разоблачается предательство некоторых лидеров правых социал-демократов из партии Сякай тайсюто, демагогически выступавших с антивоенными антифашистскими лозунгами, а затем, после начала японской агрессии в Китае, сбросивших с себя маску и вставших на путь открытой поддержки фашизма, милитаризма и агрессивных войн. В 1940 г. лидеры Сякай тайсюто стали в первые ряды «движения» за установление в стране фашистской «новой политической структуры». В угоду правящим кругам они распустили национальный реформистский профсоюзный центр «Ниппон родо содомэй» и все другие рабочие профсоюзы, призвав рабочих вступать в фашистские «общества служения отечеству через производство», создававшиеся властями и предпринимателями в целях мобилизации пролетариата на поддержку империалистической войны за передел мира (стр. 148).

Годы второй мировой войны были мрачным периодом в истории японского пролетариата. Милитаристы свели тогда почти на нет все предыдущие завоевания японского пролетариата и поставили трудящиеся массы в бесправное положение.

Изложение истории рабочего движения в Японии после второй мировой войны авторы начинают волнующей сценой выхода из тюрьмы после долгих лет заточения руководителей японской компартии: Токуда Кюнти, Сигэ Есио и других, встреченных ликующими массами трудящихся. Говоря о военном поражении Японии и переменах, происшедших в политической жизни страны после ее капитуляции во второй мировой войне, авторы пишут: «Демократические силы всего мира во главе с рабочим классом необычайно окрепли и оказали дружескую помощь демократическим силам Японии в деле создания мирного и демократического государства» (стр. 152), авторы разоблачают подлинные цели американских монополистов, которые «с первого же дня оккупации установили связь с лагерем японской реакции и начали осуществление заговора с целью затормозить демократизацию Японии, предусмотренную Потсдамской декларацией, и превратить Японию в плацдарм для нападения на международный лагерь мира и демократии» (стр. 152).

Убедительно показан авторами стремительный подъем пролетарского революционного движения в стране в первые же месяцы после капитуляции. Широкое распространение получила в то время рожденная революционной инициативой трудящихся масс и весьма характерная для того периода форма классовой борьбы — ра-

бочий контроль над производством, примененный впервые во время забастовки печатников на предприятиях газетной компании «Иомбури» осенью 1945 г. «Этот контроль над производством, — говорится в книге, — представлял собой тактику борьбы рабочих в период спекулятивной инфляционной вакханалии, когда капиталисты путем вздувания цен на находившиеся в их руках материальные ценности саботировали производство и разрушали промышленность и жизнь всего народа» (стр. 156). Характерные особенности борьбы японского пролетариата авторы видят в широком распространении запрещенных ранее коллективных соглашений рабочих с предпринимателями, в движении рабочих за восстановление производства, саботировавшегося буржуазией, в массовом участии в забастовках женщин и молодежи (стр. 167).

Уже в течение первого послевоенного года число организованных в профсоюзы рабочих достигло четырех миллионов, т. е. почти в десять раз превзошло довоенный уровень. Характерной чертой рабочего движения в Японии после войны стало тесное переплетение экономической борьбы с политической борьбой за демократические свободы против господства в стране реакционных милитаристских элементов, поддерживаемых американскими монополиями. Ведущую роль в этой борьбе приобрела Коммунистическая партия Японии, выступившая за объединение всех прогрессивных сил нации в единый демократический фронт.

С интересом читаются страницы книги, посвященные описанию многочисленных массовых митингов и демонстраций 1946 г. Движение народных масс в то время приняло небывалые в политической жизни Японии формы. Такие события, совершенно немыслимые прежде, произошли, например, в Токио 13 мая 1946 г., когда на массовом митинге трудящихся города, проходившем под лозунгом «Дайте риса!», была избрана большая депутация, которая должна была вручить императору резолюцию с требованием создать подлинно народное правительство. Свыше сотни делегатов от участников митинга построились в колонну и с алым знаменем и песнями вторглись на территорию императорского дворца, где оставались до тех пор, пока не вручили резолюцию митинга по адресу (стр. 158—159).

К началу 1947 г. массовое пролетарское движение вылилось в подготовку к всеобщей политической стачке с участием не только коммунистов, но и правых социалистов, не рискнувших открыто игнорировать волю масс. Авторы вскрывают основные причины того, почему мощный подъем рабочего и общедемократического движения в Японии в 1946—1947 гг. не привел к разгрому реакционных сил. Авторы с полным основанием усматривают эту причину в реакционной, враждебной демократическим силам Японии политике американских монополистических кругов, которые уже с мая 1946 г. оказали поддержку японской реакции и «преградили дорогу японским народным массам» (стр. 165). Запрещение оккупационными американскими властями всеобщей политической забастовки 1 февраля 1947 г. и их усиливающиеся репрессии против японского пролетариата привели к временному спаду рабочего движения и к активизации в нем оппортунистических элементов в лице правых лидеров социал-демократии.

В книге разоблачается демагогическая политика правых лидеров социал-демократии в период пребывания у власти так называемого социалистического кабинета Катаяма Тэцу, созданного реакционерами в качестве «плотины для сдерживания натиска рабочего класса» (стр. 181). Много внимания уделено также последующим маневрам правых социалистов, в частности, деятельности так называемых лиг демократизации, создававшихся ими в профсоюзах в 1946—1949 гг. в целях раскола пролетариата, саботирования стачечной борьбы и подрыва влияния компартии.

На большом фактическом материале показана борьба японских рабочих против курса реакции на возрождение в стране прежних милитаристских порядков, отчетливо проявившегося уже в 1948—1950 гг. Наиболее острыми моментами этой борьбы были забастовки рабочих против закона о запрещении забастовок служащих государственных и коммунальных предприятий, а также прогремевшая по всей стране забастовка работников киностудии «Тохо» в защиту демократического киноискусства.

При поддержке оккупационных властей японской реакции в тот период удалось нанести тяжелые удары рабочему движению. Кампания «чистки красных», развернутая властями в 1950 г., превратилась в открытый полицейский террор против передовых рабочих и Коммунистической партии Японии, в результате чего левый профсоюзный центр «Дзэнрорэн» был распущен, свыше 1700 демократических газет и журналов было закрыто, а руководители компартии под угрозой ареста ушли в подполье. Одновременно власти затеяли провокационные судебные процессы над рабочими, клеветнически обвиненными в терроризме («Дело Митака», «Дело Мацукава» и др.), и использовали эти процессы для подрыва престижа компартии среди политически отсталых слоев пролетариата. Но все попытки реакции предотвратить рост рабочего и демократического движения в стране оказались в конечном счете обреченными на провал.

Угроза вовлечения Японии в новую военную авантюру, ставшая реальной с начала войны в Корее, побудила рабочий класс Японии удвоить усилия в борьбе за мир и демократию. Как показано в книге, с войной в Корее начался новый этап в развитии японского рабочего движения. «С этого времени, — пишут авторы, — основным требованием в самых различных рабочих организациях стали лозунги: „Защитим мир!“, „Долой перевооружение!“, „Долой сепаратный мир!“» (стр. 224). Борьба пролетариата под этими лозунгами привела к новому, еще не виданному ранее в истории страны подъему рабочего движения.

Особенный размах эта борьба получила после подписания Японией Сан-Францисского мирного договора между США и Японией. В книге подробно описаны незабываемые события 1 мая 1952 г., когда на улицах Токио произошли кровопролитные столкновения между полицией и сотнями тысяч демонстрантов, вышедших с антивоенными, патристическими призывами. Сравнивая эти события с рисовыми бунтами 1918 г., авторы отмечают, что в данном случае стихийное выступление масс «опиралось на организованность рабочих» (стр. 238).

Свидетельством быстрого роста политической сознательности, боевого духа и организованности японского пролетариата явились в 1952 г. всеобщие забастовки протеста против реакционного «закона о предотвращении подрывной деятельности», в которых одновременно участвовали миллионы рабочих во главе с Генеральным советом профсоюзов — «Сохё».

Генеральный совет профсоюзов — крупнейший профсоюзный центр Японии, — объединяет ныне более трех миллионов японских рабочих и служащих. Он был создан в 1951 г. по указке оккупационных властей правыми лидерами социал-демократии в целях раскола рабочего движения и отвлечения японских рабочих от активной борьбы за свои интересы и политические права. Не прошло, однако, и года, как под давлением низовых организаций произошла смена прежнего реакционного руководства «Сохё»; с тех пор эта массовая профсоюзная организация возглавляется лидерами левого крыла японской социал-демократии.

Большим достижением японского рабочего движения явились забастовки горняков и электриков осенью 1952 г., в ходе которых выявилась не только исключительная солидарность в действиях японского пролетариата, но и его большая политическая зрелость, ибо борьба за экономические интересы рабочих неразрывно сочеталась с борьбой за мир против перевооружения Японии. «Эти бои японских рабочих, — подчеркивается в книге, — явились крупной помощью международному лагерю сторонников мира, добивающемуся прекращения войны в Корее» (стр. 255).

Подводя итоги борьбы японских рабочих в послевоенный период, авторы приходят к выводу, что рабочее движение в Японии заложило основы для образования в стране единого национального демократического фронта, что все более усиливается руководящая роль рабочего класса Японии во всенародной борьбе за мир, национальную независимость и демократию. «Становится совершенно очевидным, — пишут они, — что вокруг рабочих объединился народ в широком смысле этого слова» (стр. 257).

Правильность этого вывода подтверждается событиями, происшедшими в Япо-

нии уже после выхода в свет рецензируемой книги. В 1953—1955 гг. рабочий класс Японии, насчитывающий в своих рядах около 6 млн. членов профсоюзов, показали себя действительно той силой, которая объединяет широкие массы японской нации. Во всех крупных выступлениях японского народа — японские рабочие идут в авангарде народа, объединяя вокруг себя крестьян, студенчество, интеллигенцию и т. д.

Поскольку рецензируемая книга представляет собой скорее популярные очерки, чем фундаментальное научное исследование по истории японского рабочего движения, читатель не найдет в ней ответов на ряд теоретических вопросов. Изложение материала носит преимущественно описательный характер, и книге свойственна известная фрагментарность. Сравнительно мало места уделено анализу экономических основ рабочего движения. Но ценность книги заключается в обилии свежего и интересного материала, в живом воспроизведении самых важных событий, связанных с развитием рабочего движения Японии. Вот почему эта книга представляет интерес не только для широких кругов японской демократической общественности, но и для зарубежных читателей. Этим определяется и целесообразность перевода данной книги на русский язык.

Н. А. Латышев

ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ ТУРЦИИ В ТРУДАХ БОЛГАРСКИХ УЧЕНЫХ

В течение 500 лет болгарский народ изнывал под игом турецких завоевателей. История Болгарии этого периода — история упорной героической борьбы народных масс против иноземных угнетателей. Эта история не находила правдивого и объективного отражения в работах многих буржуазных историков. Свидетельства современников, беспристрастно излагавших факты страшного разорения и страданий болгарского народа, во многих случаях игнорировались, а турецкие архивные документы, хранящиеся в Болгарии, изучались крайне недостаточно.

За последние десятилетия, и, особенно, после установления народно-демократического строя в Болгарии, публикация болгарскими учеными новых исторических источников и в том числе турецких архивных документов приняла систематический характер. Эти публикации и основанные на новых документах исследования болгарских историков представляют большой интерес для советских специалистов, занимающихся изучением средневековой и новой истории Турции.

В 1953 г. Институтом истории Болгарской Академии наук был опубликован объемистый сборник документов и материалов, характеризующих положение болгарского народа под турецким владычеством¹. В сборник включено много документов Болгарского исторического архива, восточного отдела Государственной библиотеки «Васил Коларов», Научного института «Христо Ботев» при Болгарской Академии наук и Института истории Болгарии.

Помимо значительного количества архивных документов, публикуемых впервые, в сборнике помещены также многочисленные извлечения из издававшихся в разное время и в различных странах записок путешественников, донесений послов и т. п.

Собранные воедино материалы рецензируемого сборника позволяют воссоздать цельную картину мрачного периода в жизни болгарского народа со времени турецкого нашествия (XIV в.) и до освобождения из-под турецкого ига в 1878 г.

¹ «Положения на българския народ под турско робство. Документи и материали». Съставил и редактировал Николай Тодоров. София, Българска Академия на науките. Институт за Българска история, 1955, XX, 464, стр.

Сборник является ярким обличительным документом, раскрывающим формы и методы ограбления и физического и духовного угнетения турецкими феодалами болгарского народа, что было, несомненно, характерным для форм турецкого господства и над другими народами. Факты, приводимые в материалах сборника, опровергают концепцию турецкой буржуазно-националистической историографии о якобы освободительной миссии турецких завоевателей по отношению к покоренным народам Балканского полуострова, о мнимом процветании народов, подавленных под турецкое иго, и о так называемой идеальной системе государственного устройства в Османской империи.

Вместе с тем, материалы сборника показывают, что английское, французское и австрийское правительства в интересах сохранения своих позиций в «целостной» Османской империи не предпринимали никаких шагов для облегчения участи угнетенных турецкими поработителями народов.

В сборнике четыре раздела, ограниченные хронологическими рамками: «Турецкое нашествие на Балканский полуостров (XIV в.)»; «Болгарский народ под властью турецких поработителей (XV—XVIII вв.)»; «Болгарский народ в период разложения турецкого феодализма (конец XVIII — середина XIX в.)»; «Под гнетом феодальной Турции — полуколонии западных капиталистических держав (от Крымской войны до освобождения)». Такое расположение материалов представляется удачным, ибо оно облегчает ориентацию в сборнике и нахождение нужного материала. Этому же способствует и тематическое расположение материала в последних трех разделах. Сборник снабжен списком использованных источников, словарем турецких терминов, встречающихся в документах, предметным указателем, а также указателями собственных и географических имен. Предисловие составителя и редактора сборника Николая Тодорова резюмировано в конце книги на русском и французском языках.

Первый раздел (стр. 1—26) содержит извлечения из византийских хроник, из записок болгарских и других европейских авторов XVI в., из турецкой летописи Садеддина (XV в.). Все извлечения (в том числе и извлечения из турецкой летописи) подтверждают невыносимые методы турецких завоеваний на Балканском полуострове — об опустошении завоевателями городов и сел, об истреблении местных жителей, об уводе в плен мужчин, женщин и детей, об угоне скота и разграблении имущества.

«Часть христиан погибла от мечей, другая — уведена в плен, а остальных покосила безвременная смерть», — повествует автор XIV в. монах Исаия о нашествии турецких орд на Македонию и Фракию. «...Земля осталась лишенной всего — и людей, и скота, и ...плодов» (стр. 15).

Количество свидетельств подобного рода можно было бы увеличить и показаниями турецких хроник XV в., которые в сборнике не использованы. Известно, что турецкие авторы — Орудж Адиль, Ашикпашазаде и другие, прославляя военные походы турок, подчеркивали, что все города и селения, жители которых не сдавались туркам добровольно, подвергались разграблению, что возвращавшиеся из походов завоеватели привозили огромную военную добычу², множество пленных³, отрубленные головы⁴ в качестве трофеев.

Но и того материала, который приведен в сборнике, вполне достаточно, чтобы иметь представление о трагической участи народов Болгарии и всего Балканского полуострова, постигшей их после появления турецких орд на европейском материке.

Ферманы турецких султанов провинциальным саяновикам и донесения из провинции в Стамбул, жалобы болгарского населения султану на притеснения со сторо-

² «Die altosmanische Chronik des Āşikpaşazāde auf Grund mehrerer neuentdeckter Handschriften von neuem Herausgegeben von Friedrich Giese». Leipzig, 1929, S. 55; *Oruc ben Adil*, Tevarih-i Ali Osman, Hrsg. F. Babinger, Hannover, 1925, S. 13, 24, 26.

³ *Oruc ben Adil*. Указ. соч., стр. 21, 23.

⁴ Там же, стр. 23; *Āşikpaşazāde*. Указ. соч., стр. 110, 113 и др. *Şükrullah. Dokuz Boy Türkler ve osmanlı Sultanları Tarihi (Behcetüttevarih)*. Istanbul, 1939, s. 30.

ны феодалов и султанских чиновников, письма, доклады, заявления болгарских священнослужителей, публицистов и т. п., многочисленные свидетельства европейских авторов, посещавших балканские земли в период турецкого владычества, опубликованные в следующих трех больших разделах сборника, широко отображают страдания болгарского народа под игом турецких завоевателей.

В султанских указах можно было встретить призывы к феодалам и чиновникам «оберегать бедную райю» от насилий и притеснений. Но это показное милосердие султанов не должно ввести исследователя в заблуждение. Проявляя «заботу» о благополучии райи, султаны имели в виду выгоды казны, так как понимали, что полное разорение крестьянского хозяйства угнетенных народов могло ослабить экономическое положение турецкого государства. Султаны, разумеется, одними призывами и ограничивались, так как бесчинства, насилия и произвол феодалов и чиновников оставались безнаказанными.

Материалы сборника в целом создают общую характеристику системы турецкого феодализма в покоренной Болгарии. Вот почему выделение первой части второго раздела под заголовком «Сведения иноземных путешественников о турецком феодализме» не вполне оправдано, так как данные этой части сами по себе недостаточны для более полного выяснения сущности турецкого феодализма.

Значительная часть земель Болгарии была превращена в собственные владения султана, казны и крупнейших султанских сановников. Все хозяйство Болгарии, ее производственные ресурсы были превращены в один из важнейших экономических резервов султанской казны, в источник продовольственных и военно-стратегических материалов для турецкой армии на Балканах.

В сборнике имеется много оригинальных, впервые публикуемых документов. В них описывается система налогов, взимаемых казною, феодальных повинностей, формы и методы их реализации, формы крепостной зависимости крестьянства от феодалов.

Сборник разоблачает антинаучные утверждения буржуазной историографии, что будто бы в Болгарии существовали многочисленные «привилегии» для ряда категорий населения. На деле же, как это ясно из документов, «привилегии» войнуков, дербенджиев и других являлись формой принудительной службы населения турецкому султану, формой феодального закрепощения. Нарушение обязанностей, навязанных турецкими завоевателями, обрушивало на головы «привилегированных» рабов кары и бедствия, ссылку на галеры и другие каторжные работы (стр. 67).

Материалы сборника дают также представление о принудительных поставках в казну стад овец, больших партий муки, ячменя, соломы, дров, угля и т. п. Жители селений были обязаны выполнять принудительные работы на султанскую армию, флот, при постройке сооружений, дорог, мостов, укреплении горных проходов, работать в рудниках и на полях султанских владений.

При невыносимом налоговом режиме и огромном количестве феодальных повинностей на крестьянство падали также бесконечные чрезвычайные принудительные поставки в пользу казны или в пользу султанских чиновников.

Сбор налогов обычно сопровождался бесчинством султанских чиновников, творивших произвол и насилия. Установленные налоги нередко превышались в два-три и более раза. Часто за неповиновение или за попытки уклониться от выполнения повинностей применялась жестокая расправа — сажание на кол, подвешивание за челюсти, за ребра, сдирание с живых кожи и т. п. «Грабежи и убийства стали обыкновенным явлением», — говорится в одном из документов (стр. 276). Устрашение покоренных было свидетельством, что угнетатели никогда не чувствовали себя прочно в завоеванных странах — без террора и насилий они не в состоянии были удерживать свое владычество.

Торговля рабами в Турции шла веками, она происходила и в XIX в. Русский вице-консул в Пловдиве сообщал послу России в Стамбуле Игнатьеву (1871 г.), что турецкие паши ведут открытую работорговлю. Для губернатора Кямпил паши за 12 000 пиастров были куплены две молодые рабыни во время публичной распродажи

имущества султанского чиновника в Пловдиве. Вице-консул сообщал, что подобные факты не единичны (стр. 271).

В сборнике много материала, характеризующего методы насильственной ассимиляции турецкими угнетателями болгарского населения — переселение тысяч людей в другие области Османской империи, принудительное отуречивание и омусульманивание части населения, насильственное проведение в жизнь «данн кровью» (отбор мальчиков-христиан в янычарскую армию) и т. д.

В период турецкого господства болгарский народ подвергался физическому истреблению. Истребление и массовое уничтожение болгар принимало особенно огромные масштабы во время восстаний болгар против турецкого ига. Чаще всего сопротивление болгарского народа турецким угнетателям принимало форму массового ухода жителей из населенных мест в горы и глухие области. Деревни пустели, поля оставались необработанными.

Но постепенно народное сопротивление турецкому владычеству становилось все более активным. Уже с XVII в. болгарский народ повел против турок вооруженную борьбу и не прекращал ее до своего освобождения. Документы рассказывают о кровавом подавлении Чипровского восстания 1689 г., Никского восстания 1841 г. и многих восстаний периода освободительного движения во второй половине XIX в.

Как известно, те же самые методы уничтожения турецкие ассимиляторы применяли против армянского, курдского и других народов. В материалах сборника можно найти ответы на вопросы, общие для народов, испытавших турецкое иго, что придает сборнику значение, выходящее за рамки болгарской истории.

В тяжелых условиях иноземного гнета болгарский народ проявлял огромную стойкость и жизнеспособность, сохранив собственный язык, национальную культуру и национальный характер. Это и позволило ему найти в себе силы для борьбы против своих угнетателей.

Так зрели в недрах покоренных народов силы, которые привели Османскую империю к разложению и распаду, к освобождению угнетенных от многовекового турецкого ига.

В сборнике немало подробных описаний турецких зверств в Болгарии в 70-х годах. Эти описания были сделаны европейскими корреспондентами и были в свое время опубликованы в европейской прессе.

Но сочувствие «Европы» было не эффективным. Болгарский народ начинал все более понимать, что в своей борьбе против турецкого ига он мог получить надежную и бескорыстную помощь только от братского русского народа.

В документе, подписанном 43 болгарскими и посланном в Россию (1853 г.), говорилось: «При столь тяжких притеснениях, которые окончательно расстроили и ослабили наши силы, болгарский народ имеет единственное утешение, единственную отраду, что сильнейшая в мире могущественная держава является с нами единой и единоплеменной... К ней устремляем мы все наши помыслы, желания и надежды...» (стр. 227).

Рецензируемый сборник заканчивается воззванием Болгарского Центрального Комитета 1877 г., возглавлявшего национально-освободительное движение в стране. Воззвание призывало болгарский народ сделать последнее усилие для свержения ненавистного варварского турецкого ига, опираясь на помощь братского русского народа.

Большое количество удачно подобранных из европейских и болгарских изданий иллюстраций, помещенных в сборнике, является убедительным дополнением к публикуемым материалам. Иллюстрации запечатлели мрачные картины грабежей, убийств, насилий, совершавшихся турецкими захватчиками в Болгарии.

В целом сборник заслуживает внимательнейшего изучения специалистами, работающими над проблемами средневековой и новой истории Османской империи.

Вторая работа, которую мы рассматриваем в настоящем обзоре, является исследованием молодого болгарского историка Бистры А. Цветковой. Исследование ее

посвящено вопросу о характере турецкого феодализма в болгарских землях в XV—XVI вв. В 1954 г. была опубликована первая часть этого исследования: «Вид хозяйства и сущность феодального землевладения».⁵

На основе прекрасного знания турецких, болгарских и европейских источников и литературы автор написала интересную работу. Привлекая архивные документы, Бистра А. Цветкова поставила своей целью дать научный анализ хозяйства Болгарии и форм феодальной собственности на землю в период турецкого господства.

Османская феодальная система в Болгарии, как, впрочем, и на всем Балканском полуострове, пишет автор, имела известные отличительные особенности по сравнению с провинциями империи в Аравии, Ираке, Сирии и т. д. Если большая часть земель в этих провинциях была оставлена турками в руках прежних владельцев, то в Болгарии после ее завоевания почти все земли были ими объявлены государственной собственностью. Землевладение в XV—XVI вв. в Болгарии носило ограниченный, условный характер и было связано с прямыми служебными обязанностями феодалов-ленников перед султаном. Вследствие этого, утверждает автор, в Румелии, вообще, и в болгарских землях, в частности, возможности для сепаратизма и феодальных междоусобиц и в тот период были сведены до минимума.

Автор, говоря о периодизации феодальных отношений в Болгарии, исходит из периодизации развития феодальных отношений у турок. Это в принципе верно, но с той обязательной оговоркой, что к моменту турецкого завоевания уровень развития феодальных отношений у болгар был значительно выше, чем у турок. Поэтому турецкое завоевание для развития Болгарии было значительным шагом назад. Процесс развития неограниченной феодальной собственности в Болгарии, несомненно, был турками приостановлен, и результатом турецкого завоевания явился возврат к условному феодальному землевладению, т. е. к форме, которая для страны была уже пройденным этапом. Таким образом, период развитого феодализма в Болгарии был искусственно продлен более чем на два столетия. Автор, к сожалению, остановился на этом вопросе недостаточно. Между тем, для исследования важно было выяснить, каков был уровень феодального развития в Болгарии до завоевания и после завоевания, в какой форме турки приспособили существующие социально-экономические отношения к своим потребностям.

Опираясь на первоисточники, Б. Цветкова пишет, что турецкое завоевание повлекло за собой разорение болгарского народа.

Однако завоеватели были экономически заинтересованы в Болгарии — в ее хлебе, продуктах животноводства, в поставках для армии. Накопленный болгарским народом большой хозяйственный опыт был турецкими феодалами широко использован.

Б. Цветкова права, когда на основании сведений путешественников пишет о том, что турецкое господство ограничивало развитие основных отраслей хозяйства Болгарии, особенно земледелия. Обрабатываемая площадь была незначительна. Путешественники по Болгарии отмечают в XV—XVI вв. наличие большого количества необработанной земли и плохое качество обработки. Крестьяне не стремились засеять больше того, что было бы необходимо для жизни. Поскольку же турецкие феодалы обычно присваивали большую часть собранного крестьянами урожая, то в производстве излишков крестьяне заинтересованы не были.

Ремесло развивалось, но весьма медленно. Изделия ремесленников имели большой спрос со стороны турецких феодалов и государственной казны. Однако тяжелые принудительные поставки и жесткие цеховые ограничения препятствовали развитию ремесла.

⁵ Бистра А. Цветкова. Принос към изучаването на турския феодализъм в българските земи през XV—XVI в. ч. I. Облик на стопанство и същност на феодалното земевладение. «Известия на Института за Българска История Българска Академия на Науките», кн. 5, София, 1954, стр. 71—153.

В Болгарии существовал и торговый обмен между городом и деревней⁶. Однако политический произвол, грабежи и издевательства, а также система монополий, пошлины и поборы мешали развитию внутренней торговли.

Завоевание нанесло ущерб торговым связям Болгарии с соседями. Однако торговля с Дубровником, Венецией и другими районами не прерывалась и после турецкого завоевания. В этой торговле были заинтересованы и турецкие феодалы. События, что ленные владельцы были главными поставщиками сельскохозяйственной продукции для вывоза, Б. Цветкова, к сожалению, не подтверждает этот важный и интересный вывод фактами. Если турецкие феодалы действительно так были втянуты во внешнюю торговлю, то важно было бы показать, в какой форме и когда они перешли к ведению большого продуктивного хозяйства или какими иными средствами им удавалось сосредоточивать большие массы сельскохозяйственной продукции для вывоза за пределы империи.

Подкрепления фактами требует также и сообщение автора, что накопленные в результате торговли деньги феодалы стали вкладывать в покупку ленов.

Характеризуя три основные формы землевладения, сложившиеся в Болгарии после турецкого завоевания, — мюльк, вакф и мири (т. е. полную, неограниченную феодальную собственность, земли религиозных учреждений и земли казны), Б. Цветкова приводит много ценных и новых материалов о порядке регулирования названных категорий землевладения: о процедуре выдачи тимаров, об условиях военной службы владельцев тимаров, о тимарах, предоставлявшихся за административную службу, о правах наследования тимаров и т. д.

Большой материал приводится и при характеристике вакуфных и мюльковых земель. Автор при этом вводит новый термин — «гази мюльк» для обозначения земельных владений, пожалованных в полную собственность. Было бы, однако, желательно остановиться на происхождении этого термина и его отличии от установившегося в литературе на основании турецких источников термина «мюльк».

Замечания, которые возникают при чтении работы Б. Цветковой, относятся в большей мере не только к данному исследованию. Многие из поставленных автором проблем ждут еще разрешения в работах историков Болгарии и прогрессивных историков Турции.

В этом плане рецензируемый труд Бистры А. Цветковой является ценным вкладом в историческую науку и хорошим началом для плодотворных исследований в этой области⁷.

* * *

Работы болгарских историков по изучению архивных богатств своей страны и в области исследования социально-экономических проблем дали уже реальные результаты. Большим коллективом ученых написана капитальная двухтомная «История Болгарии»⁸, представляющая собой важный марксистский труд. В этом труде

⁶ Б. Цветкова, повидимому, имеет здесь в виду города и деревни, расположенные на центральных стратегических и торговых магистралях.

⁷ В настоящее время нами получена новая интересная работа Б. Цветковой — продолжение рецензируемого нами труда. На большом и убедительном материале автор освещает в новой работе процесс разложения военно-ленной системы землевладения, расширения частной собственности на землю, развития товарно-денежных и капиталистических отношений в сельском хозяйстве, усиления эксплуатации народных масс страны, их объединения и их борьбы против турецкого ига в XVII—XVIII вв. См. Бистра А. Цветкова. Туркский феодализм и положение на болгарский народ до начала XIX в. «Исторически преглед», XI, 1955, кн. 2.

⁸ «История на България в два тома», т. I. София, Държавно издателство «Наука и Изкуство», 1954, стр. 560.

многие проблемы истории страны решаются на основе изучения новых документальных данных. Наряду с другими разделами работы, разделы тома, посвященные истории Болгарии в период турецкого господства, представляют собой серьезное достижение болгарской исторической науки.

Турецкое завоевание Болгарии дано на фоне широкого освещения уровня социально-экономического, политического и культурного развития Болгарии до завоевания. Хорошо показано героическое сопротивление болгарского народа турецким завоевателям и неспособность феодальных правителей Болгарии возглавить народное сопротивление. Ярко показаны грабительские методы турецких завоеваний, принесших тяжелые разрушения экономике Болгарии.

Убедительным является вывод в книге, что турецкое иго было исторической катастрофой для Болгарии, приостановившей на ряд столетий ее развитие, а также вывод о том, что последовавшее за завоеванием утверждение турецкой феодальной системы явилось для страны значительным движением назад. Турецкая феодальная система в Болгарии, формы и методы феодальной эксплуатации земледельческого и городского населения турецкими завоевателями освещаются авторами на большом и интересном материале, правильно подчеркнуты трудности экономического, политического и культурного развития Болгарии под игом турецких феодалов и ярко показано, как, преодолевая огромные трудности, стойкий, трудолюбивый и героический болгарский народ столетиями сохранял свою жизнеспособность и при помощи русского народа вышел победителем в ходе длительной и тяжелой борьбы. Все же в рассматриваемом разделе первого тома «История Болгарии» имеются отдельные неточности, которые при последующих изданиях книги желательно устранить.

В частности, имеет место некоторая переоценка уровня социального развития турецких завоевателей в XIV в., когда турецкое государство в Малой Азии того периода характеризуется в книге как «мощное государство» (стр. 233). Как известно, успех турецких завоеваний был выражением не столько политической и военной мощи турецкого государства, находившегося в процессе образования, сколько чрезвычайной военной слабости Византии и Балканских государств, раздираемых феодальными и религиозными распрями. Преждевременно поэтому характеризовать целиком турецкими и эмираты того периода, поскольку процесс формирования централизованного турецкого государства к тому времени только начинался.

Раздел «Турецкий феодализм в XV—XVI вв.» (стр. 245) начинается подзаголовком «Утверждение турецкой феодальной системы». В разделе говорится, что разложившаяся болгарская феодальная система была заменена турецкой, переживавшей расцвет. Выходит, что турки принесли в Болгарию готовую развитую систему феодализма. Однако это противоречит тому, что сказано в предыдущем разделе. Факты показывают, что турки, находясь в XIV в. на более низкой ступени социально-экономического развития, чем болгары, приспособили для своих нужд существовавшие в Болгарии формы феодальных отношений, причем эти формы юридически были унифицированы законодательством шариата. Суть этих форм оставалась, однако, без значительных изменений (даже сохранены были, например, такие болгарские институты, как воеводы, баштина, сельская община и т. д.). В подразделе: «Поземельная собственность в Турции» на деле речь идет лишь о формах: земельной собственности в Болгарии, а не во всех турецких владениях. Но сами эти формы преимущественно рассматриваются юридически, без анализа фактических данных: о развитии феодального землевладения и землепользования в течение XVI—XVII вв.

После раздела о турецком феодализме в Болгарии — «Земельная собственность, ленная система, классовая структура, государственное, административное и военное устройство» — в книге дан раздел о турецких завоеваниях XV—XVI вв. и затем без перехода помещена глава — «Упадок турецкого могущества».

Подобная структура не может быть признана вполне удачной, поскольку она нарушает хронологию. Многие формы феодальной и государственной системы на-

лагаются до турецких завоеваний XV в., в то время как эти формы сложились лишь после этих завоеваний. Вот почему и переход к рассмотрению упадка империи сразу после раздела о завоеваниях XV—XVI вв. мотивирован недостаточно.

В известных поправках пущается и раздел книги: «Упадок турецкого могущества». Этот раздел начинается с описания финансового кризиса в Турецкой империи. Можно подумать, что финансовый кризис был основной причиной этого упадка (это повторяется и на стр. 257). На деле же кризис был не причиной ее упадка, а следствием социально-экономического развития империи — результатом однобокого, уродливого развития феодальной экономики во всех областях османских владений.

Экономика у турок была подчинена военным — завоевательным целям феодалов. Развитие производительных сил шло крайне медленно. Оно компенсировалось в тот период военной добычей. С конца XVI в. все недостатки экономического развития империи стали отчетливо обнаруживаться.

На стр. 254 книги авариз назван косвенным налогом. Но этот чрезвычайный военный налог всегда был прямым налогом, а не косвенным.

На стр. 256 сказано, что битва при Лепанто в 1571 г. явилась первым поражением турок. Между тем, первую военную неудачу турецкие войска потерпели в Астраханском походе 1569 г.

Следует отметить также, что в удачном изложении экономического развития Болгарии в XVIII—XIX вв. важно было бы подчеркнуть, что Болгария в этот период экономически все более тяготела к России и к Западной Европе. Страна развивалась не как органическая часть Османской империи, а вопреки турецкому господству, что обусловило развитие экономической основы национально-освободительного движения и победу в дальнейшем болгарского народа в этой борьбе.

Проблемы средневековой и новой истории Турции, освещенные в рецензируемом сборнике документов, в статье Б. Цветковой и в первом томе «Истории Болгарии», заслуживают большого внимания советских историков-туркологов, так как во всех рассмотренных работах для наших историков имеется большой ценный фактический материал и сделаны важные выводы, обогащающие историческую науку в целом.

А. С. Тверитинова

В. А. КОЧЕРГИНА. *Краткий очерк истории письма*. Материалы к курсам языкознания. Изд-во МГУ, 1955, 40 стр.

Нельзя не одобрить инициативы кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета, приступившей к изданию под общей редакцией В. А. Звегинцева серии брошюр по важнейшим вопросам языкознания. Это мероприятие имеет целью дать соответствующим высшим учебным заведениям нашей страны до выхода учебника временные пособия по общелингвистическим курсам. Такие брошюры, предназначенные, в основном, для студентов, могут быть использованы и преподавателями для подготовки к лекциям. Несомненно, немалую пользу принесут эти пособия и работникам средней школы.

Одна из последних брошюр этой серии посвящена истории письма. Если принять во внимание, что курс общего языкознания читается в сотнях вузов, а вновь вышедшая у нас за последние 15 лет литература по истории письменности ограничивается изданной весьма умеренным тиражом книгой чешского ученого Ч. Лоукотки¹, несколькими страницами в учебнике проф. А. С. Чикобава и менее чем 25 страницами в книге Е. И. Кацпржак², то едва ли следует распространяться о том, в какой степени остра нужда в пособиях на данную тему.

¹ Ч. Лоукотка. Развитие письма. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950.

² См. А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. I. М., 1952, стр. 174—178. Е. И. Кацпржак. История письменности и книги. М., «Искусство», 1955.

Перед автором стояла достаточно трудная задача: на немногих страницах, в сжатой, но в то же время доступной форме, с привлечением достаточного количества убедительных фактов осветить не только проблемы происхождения письма, но и проследить его развитие во всем многообразии на протяжении нескольких тысячелетий.

После краткого введения, в котором характеризуется значение исследования истории письма и определяются возникающие при этом вопросы, В. А. Кочергина останавливается на описании различных видов ранних стадий письменности: письме пиктографическом, символическом и иероглифическом (древнеегипетском и китайском). Далее освещается проблема происхождения алфавита и история формирования письма народов Африки и Азии. Более десяти страниц уделено истории греческого и латинского алфавитов, после чего автор рассматривает их эволюцию на протяжении средневековья и в последующие эпохи. Затем следует описание письменности славянских народов, в частности русского. Заключительные две страницы посвящены той колоссальной работе, которая была проделана по совершенствованию и развитию письменности народов СССР и по созданию письменности для языков, не имевших ее до Октябрьской революции. Таким образом, письму древних и современных народов Востока вполне закономерно уделено значительное место.

Нам представляется, что поскольку эта работа снабжена подзаголовком «Материалы к курсам языкознания», ее можно было бы немного расширить. Следовало бы, например, хотя бы кратко описать своеобразное узловое письмо кипу, рассмотреть вопрос о происхождении армянского и грузинского алфавитов или же древнейшего алфавита Африки — мероитского. Более подробно можно было бы остановиться на проблеме происхождения письма, в частности пиктографического, не ограничиваясь приведением только одного рисунка почти без разъяснения. Наконец, почти совершенно опущен вопрос о факторах, определивших возникновение и развитие письма.

Несомненно удалась В. А. Кочергиной форма изложения — достаточно четкая, последовательная и доступная. Вполне оправдан и умело сделан отбор фактов. Но достоинства эти, к сожалению, меркнут перед совершенно недопустимыми, особенно в учебном пособии, элементарными фактическими ошибками, неверными и неточными определениями. Думается, что они являются следствием не только небрежности автора, но и его поверхностного знакомства с историей и системами письма народов древности, в особенности народов древнего Востока.

Обратимся к фактам. В. А. Кочергина убеждена, что коптское письмо является письмом «современного Египта» (стр. 11), хотя общеизвестно, что в современном Египте говорят и пишут по-арабски. Коптский язык (и соответствующее письмо) сохранился только у сравнительно немногочисленной группы населения (менее 8%), да и то как язык культовый.

Нагромождение недопустимых хронологических ошибок содержится в следующей фразе: «...этруски в период расцвета своего государства (VII—VI века до н. э.) владели Северной Италией, Лациумом, Кампанией, островами Корсикой и Сардинией. Ко II в. до н. э. относится освобождение этих областей от ига этрусков, объединение Лациума и дальнейшее расширение его владений» (стр. 27). Во-первых, трудно назвать освобождением захват этих областей римлянами; во-вторых, этруски были вытеснены отсюда задолго до II в. до н. э., из Лациума в VI в. до н. э., из Кампании в IV в. до н. э., а с Корсики и Сардинии в III в. до н. э.

Автор безоговорочно отождествляет Далмацию с Иллирией, хотя она составляла только незначительную часть последней (стр. 31). На той же странице В. А. Кочергина утверждает, что в 568 г. лангобарды отвоевали Италию у остготов, хотя в действительности они овладели далеко не всей страной и вытеснили оттуда не остготов, а византийцев.

В таблице древнеегипетских иероглифов допущено пять грубых ошибок (стр. 10). Первый иероглиф, изображающий орла, передает звук ʾ (алеф), а не g . Иероглиф, пред-

ставляющий вытянутую руку, нельзя отождествлять со звуком o , это ʿ (айн). Изображению последа (placenta) ошибочно приписано значение b , в действительности это h , соответствующее арабскому hā . Иероглиф, представляющий, видимо, склон холма, значение которого k (араб. kāf , евр. qoph), поставлен вверх ногами, а в транскрипции он отождествлен с последующим — k (корзинка с ручкой) (араб. kāf , евр. karph). Рисунок подставки для сосудов передавал твердое g , а отнюдь не q , как полагает В. А. Кочергина³.

Что касается самих изображений иероглифов, то они сделаны весьма грубо и примитивно и далеко не всегда напоминают подлинники. Например, о том, что на стр. 14 (рис. 6) изображен иероглиф ʾrg , трудно догадаться даже специалисту. Попутно отметим, что не следует безоговорочно считать, что этот иероглиф имеет значение — палатка. В лучшей грамматике древнеегипетского языка он отнесен к группе неотожествленных изображений⁴. Египетский иероглиф, изображающий рот, представлен в виде ромба, чего сами египтяне никогда не делали. В сочетании иероглифов, обозначающем группу рабочих (ist), отсутствует обычный для этого коллективного понятия показатель множественного числа (стр. 11)⁵.

Ошибочно утверждение, что с появлением папируса, дерева и кожи как материалов для письма, они сменяют камень, на котором писали прежде (там же). Начав пользоваться папирусом, египтяне продолжали высекать иероглифы на стенах гробниц и храмов не в меньшем, если не в большем количестве. Недаром последние по времени дошедшая до нас иероглифическая надпись, датированная серединой III в. н. э., находится на стенах храма в Эсне⁶. Кстати, если В. А. Кочергина повсеместно говорит об «иероглифическом письме», то следует придерживаться единообразия и не писать «иератика» (стр. 11).

Шумерийцы не только пользовались клинописью, но и изобрели ее (стр. 11). Что же касается «становления» этого способа письма, то оно относится ко времени, значительно более раннему, чем 3000—2700 гг. до н. э. (там же), а именно, еще к IV тысячелетию до н. э. Тут В. А. Кочергина противоречит даже своим последующим высказываниям, тоже, впрочем, ошибочным. Она утверждает, что шумерийское письмо было заимствовано вавилонянами в 3000—600 гг. до н. э. (стр. 14). Однако, как известно, о вавилонянах и вавилонской клинописи можно говорить не ранее начала II тысячелетия до н. э. При этом, если бы даже вавилоняне и существовали в III тысячелетии до н. э.⁷, то каким образом они могли заимствовать шумерийскую клинопись, которая только «становилась». Здесь не только сдвинута хронология, но и отождествлен Вавилон с Аккадом. Наконец, хотя Вавилон и был захвачен персами в 538 г. до н. э., клинописью продолжали пользоваться еще в продолжение многих десятилетий.

В Двуречье древнейшим материалом для письма служила глина, на которой палочкой удобнее всего проводить прямые линии. Вот почему здесь вырабатывается именно линейная система письма, вопреки мнению В. А. Кочергиной, которая полагает, что линейная система письма зародилась потому, что древнейшие обитатели Двуречья первоначально использовали в качестве материала для письма дерево и кость.

Памятники мидийского, т. е. критского, письма относятся не к XII—XI вв. до н. э. (стр. 13), а к значительно более раннему времени. Как известно, уже в Средне-мидийский I период (2100—1900 гг. до н. э.) достаточно широко распространяет-

³ См. А. Н. Gardiner. Egyptian grammar. Oxford, 1927, p. 27.

⁴ См. там же, стр. 526, Aa 20.

⁵ См. «Wörterbuch der ägyptischen Sprache». Hrsg. von A. Erman und H. Graff, Bd. I. Berlin, 1926, S. 127.

⁶ См. А. Н. Gardiner. Указ. соч., стр. 1.

⁷ Первое упоминание о Вавилоне относится к самым последним десятилетиям III тысячелетия.

ся иероглифическая письменность⁸, которая в самом начале Среднеминойского III периода (около 1800—1750 гг. до н. э.) вытесняется более совершенным письмом типа А⁹. Впрочем, сама В. А. Кочергина буквально через шесть строк опровергает это ошибочное утверждение, заявляя, что «в III — начале II тысячелетия до н. э. минойский язык претерпевает ряд существенных изменений».

В написании вавилонской клинописью слова *matu* группа из трех наклонных клиньев, которую В. А. Кочергина считает идеограммой, в действительности является детерминативом (стр. 15).

Поднимая вопрос о хеттской клинописи, правильнее говорить не об едином индоевропейском хеттском языке (стр. 16), а о целой группе языков, принадлежащих к различным языковым семьям.

Формирование и расцвет финикийского письма относится отнюдь не к V—IV вв. до н. э. (стр. 19). Найденные в Лимассоле (Кипр) обломки бронзовой чаши с финикийской надписью, начертанной вполне установившимися знаками, позволяющими заключить о значительной давности их происхождения, датируются X в. до н. э. В XI в. до н. э. египетский посланец Унуамон привозит в Сирию в числе других товаров для обмена на лес 500 свитков папируса. Едва ли они потребовались, если бы в Финикии не существовала развитая письменность.

Вопрос о происхождении письма брахми еще далеко не решен, и поэтому не следует столь категорически утверждать, что в основе его лежит финикийский алфавит (стр. 21). Большинство индийских ученых склонно считать его местным.

Греческий алфавит скорее всего происходит не непосредственно из минойского слогового письма, как утверждает автор (стр. 24), а из микенского линейного письма типа Б, представляющего собою модификацию линейного письма типа А. Видно от первого, а не от минойского, в противовес мнению В. А. Кочергиной, произошел этрусский алфавит (стр. 27).

Автор утверждает, что английские ученые М. Вентрис и Д. Чедвик дешифровали минойское письмо (стр. 17 и 23). В действительности им удалось разобрать микенское, догреческое письмо, ибо, как доказали находки археологов в Пилосе и в Микенах и работы вышеназванных ученых, минойское письмо типа Б следует признать не критским, а именно материковым — микенским. Оно только возникло под несомненным влиянием минойского линейного письма типа А¹⁰.

Ошибочно утверждение автора и о том, что письмо майя и ацтеков находилось на стадии переходной от пиктографической к идеографической (стр. 6). Между тем, работами молодого советского ученого Ю. В. Кнорозова, из которых первая появилась еще в 1952 г.¹¹, было доказано, что письменность майя должна быть отнесена к иероглифической. Если В. А. Кочергина не согласна с выводами Ю. В. Кнорозова, то она должна была хотя бы упомянуть о них.

Таким образом, нельзя не признать явным промахом выпуск в свет этой брошюры. Читатель — в первую очередь студент — получил совершенно недоброкачественный материал. Значительная доля вины при этом ложится на редактора В. А. Звегинцева, на кафедру общего и сравнительно-исторического языкознания, а также на Редакционно-издательский совет МГУ.

Замена книжки В. А. Кочергиной другой работой на эту же тему, написанной более подготовленным автором, представляется нам лучшим средством исправить допущенную ошибку.

И. С. Кацнельсон

⁸ См. Д. Пендаберри. Археология Египта. М., 1950, стр. 137.

⁹ См. там же, стр. 189.

¹⁰ См. Stirling Dow. Minoan writing. «American journal of archaeology», 1954, № 2, стр. 114; M. Ventris and J. Chadwick. Evidence for Greek dialect in the Minoan archives. «Journal of Hellenic studies», 1953, т. LXXIII, стр. 84—103.

¹¹ См. Ю. В. Кнорозов. Древнее письмо Центральной Америки. «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 100—118.

«Arabica». Revue d'études arabes, 1954, t. I, fasc. 1, 2, 3.

С января 1954 г. стал выходить новый востоковедный журнал «Arabica», посвященный вопросам арабистики. Журнал основан проф. Леви-Провансалем, крупным французским арабистом, известным своими ценными трудами по истории мусульманской Испании и средневековой Северной Африки. Журнал издается при содействии Национального центра научных исследований Франции и печатается в Лейдене (Голландия) в типографии издательской фирмы Брилл.

В кратком предисловии от редакции, помещенном в начале первого выпуска (стр. 1—2), сообщается, что в журнале будут печататься исследования и материалы «по языку и литературе, по политической истории и цивилизации арабского мира», а вопросы исламоведения будут затрагиваться лишь в виде исключения. На страницах «Arabica» предполагается уделить внимание «живому арабскому языку и его эволюции». Но предпочтительное внимание этот филологический и исторический журнал будет уделять «литературному и социальному прошлому арабского мира», а также взаимовлиянию арабской и западноевропейской культур в средние века. Вот программа и тематика этого нового арабистического журнала.

В 1954 г. вышло три выпуска журнала (в январе, мае и сентябре), составивших том I (389 стр.). В смысле внешнего оформления журнал производит отрадное впечатление благодаря четкости применяемых в нем шрифтов.

Содержание каждого выпуска журнала составляют: исследовательские статьи, занимающие большую часть выпуска; документы и сообщения; критический бюллетень (рецензии); библиографическое обозрение и хроника.

В первом томе журнала помещено 16 статей, в которых рассматриваются вопросы, относящиеся к истории средневековой арабской литературы и истории арабских стран в эпоху феодализма.

Арабистическое литературоведение и арабская филология представлены следующими статьями: 1) Л. Массиньон «Размышления о первоначальной структуре грамматического анализа в арабском языке» (стр. 3—16); 2) Р. Блашер «К изучению арабской литературы пословиц в архаическую эпоху» (стр. 53—83); 3) Ш. Пелла «Китаб ат-табассур би-т-тиджара, приписываемый Джахизу» (стр. 153—165); 4) С. Аштар «Детство и юность поэта Бухтури» (стр. 168—186); 5) Д. Сурден. «Биография Ибн-аль-Мукаффа по ранним источникам» (стр. 307—323).

Все эти статьи, авторы которых обнаружили довольно широкую эрудицию и весьма хорошее знание арабского языка, вводят в научный оборот новые данные, частично заимствованные из неопубликованных рукописей.

Из статей, посвященных истории арабских стран, особого внимания заслуживает статья Клода Казна «Фискальная система, земельная собственность и социальные антагонизмы в Верхней Месопотамии во время первых Аббасидов» (стр. 136—152). На основании сирийской хроники, составленной в начале IX в. н. э. монофизитским патриархом Денисом из Телль-Махре, в статье воспроизводится довольно яркая картина податной эксплуатации трудящегося населения государственным сборщиками податей. Податная эксплуатация усугублялась хищничеством местных кушцов и ростовщиков, которые, используя крайнюю нужду крестьян в деньгах при появлении в деревнях жадных и жестоких сборщиков, грабили сельских тружеников, скупая продукты их труда по низким ценам. Автору статьи удалось нарисовать жуткую картину бесправия и произвола, жертвами которых было трудящееся крестьянство, вступавшее порой на путь активного протеста.

Статья Лекомта и Канара «О школьной жизни в Византии и в странах ислама» (стр. 324—336) посвящена выяснению сходных явлений в области методов преподавания (включая орудия физического воздействия на учащихся) и в школьном быте византийцев и арабов. В статье сообщается ряд интересных деталей из области средневековой культуры.

Пять небольших статей Леви-Провансала, объединенных под заглавием «Arabica occidentalia» (стр. 17—43, 201—211, 289—293), трактуют о различных явлениях из

области арабо-испанской литературы и арабо-европейских культурных взаимоотношений; приводится также одно новое сообщение о завоевании Северной Африки арабами, показывающее, что существующие представления о ходе арабских завоеваний в Северной Африке должны быть пересмотрены. Все эти статьи представляют немалый интерес благодаря содержащимся в них новым материалам.

Статья Сурдель-Томпи «Заселение района „мертвых городов“ северной Сирии в эйюбидскую эпоху» включает интересные материалы, полученные в результате археологического обследования горных районов под Халебом (Аленио), где сохранились обильные следы древней городской культуры.

Перечисленные статьи, содержащие интересные материалы, поступающие в научный оборот, показывают, что существует еще очень большое количество исторических, археологических и литературных источников, которые могут поступить в распоряжение исследователей.

Отдел «Документы и сообщения» (стр. 89—95, 212—215, 343—345) содержит ряд заметок по истории материальной культуры (например, о расширении кордовской соборной мечети в IX в., два фрагмента призматических стел с арабскими надписями) и извлечения из неопубликованных арабских рукописей (например, о хозяйственной жизни средневековой Басры).

«Критический бюллетень» (стр. 96—108, 216—234, 346—364) содержит 26 рецензий на монографии по арабистике, вышедшие за последние годы. В большинстве рецензий, наряду с подробным изложением содержания произведения, рецензент выступает в качестве самостоятельного исследователя по частным и общим вопросам. «Критический бюллетень» является, пожалуй, наиболее содержательным и интересным отделом журнала. Рецензентами чаще всего являются те же ученые, которые уже известны читателю журнала как авторы статей в нем. Круг их весьма ограничен: 10 рецензий написаны основателем и редактором журнала Леви-Провансалем, 5 рецензий — другим редактором Блашпером.

«Библиографическое обозрение» (стр. 109—124, 235—254, 365—379) содержит кратко аннотированный и систематизированный по разделам перечень новых книг и журнальных статей по арабистике на западноевропейских и арабском языках. В этом обозрении отводится много места арабистической литературе, выходящей в арабских странах. Журнал имеет библиографов-корреспондентов в Каире, Бейруте, Дамаске и Багдаде из среды местных ученых-арабистов. Корреспонденты сообщают о новинках на тамошних книжных рынках. Бросается в глаза полное отсутствие в «Агабиса» сведений об арабистической литературе, выходящей в СССР и в странах народной демократии.

В отделе «Хроники» (стр. 125—128, 255—256, 380—382) печатаются сообщения о юбилеях и кончинах известных арабистов, а также сообщения о деятельности некоторых учреждений и заведений, занимающихся проблемами арабистики.

Новый востоковедный журнал «Агабиса» — орган французских арабистов — содержит интересный и разнообразный материал, в частности, материал, взятый из рукописей и других источников и впервые становящийся известным как ученым, так и общественности в целом. В этом заключается основное значение нового периодического научного органа, посвященного вопросам арабистики.

Е. А. Беляев

БИБЛИОГРАФИЯ

Начиная с настоящего номера редакция журнала «Советское востоковедение» будет помещать список основных работ советских востоковедов, вышедших с 1938 по 1953 г. включительно, а также работы русских ученых и путешественников, написанные ранее и переизданные уже в этот период. До 1938 г. в Советском Союзе издавались специальные библиографические сборники (Библиография Востока. Вып. 1—10. Л., Изд-во АН СССР, 1932—1937; Скачков. Библиография Китая. М.—Л., Соцэкгиз, 1932. 843 с. Библиографический указатель по Персии. КУТВ. М., 1928. 105 с.). В этом списке помещены работы, посвященные как Советскому, так и зарубежному Востоку.

Материалы за 1954 г. опубликованы в журнале «Советское востоковедение», № 1, за 1955 г.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Аварин, В. Я. *Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия*. М.; Госполитиздат, 1947. 467 с., с карт.
- Венюков, М. *Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии*. Хабаровск, Дальгиз, 1952. 301 с.
- Гарин, Н. Г. *Из дневника кругосветного путешествия по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову*. Сокращ. изд. М., Географгиз, 1949. 402 с.
- Добров, А. *Дальневосточная политика США в период русско-японской войны*. М., Госполитиздат, 1952. 396 с.
- Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии* (Сб. статей). Отв. ред. Е. М. Жуков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940. 292 с.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)*. Под общ. ред. Е. М. Жукова. М., Госполитиздат, 1951. 790 с.
- Мотылев, В. Е. *Зарождение и развитие тихоокеанского узла противоречий*. М., Соцэкгиз, 1939. 144 с.
- Мотылев, В. Е. *Тихоокеанский узел второй империалистической войны*. М., Соцэкгиз, 1940. 200 с., карт.
- Попов, К. *Тихоокеанский театр военных действий*. Ташкент, Госиздат УзССР, 1942. 152 с.
- Потанин, Г. Н. *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия*. М., Географгиз, 1950. 651 с. с портр. и карт.
- Пржевальский, Н. М. *От Казты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима*. М., Географгиз, 1948. 366 с. с плл. и карт.
- Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. Отв. ред. Л. В. Симановская, М. Ф. Юрьев. М., Изд-во Моск. ун-та, 1952. 235 с. с карт.

- Старокадомский, Л. М. *Пять плаваний в Северном Ледовитом океане. 1910—1915*. М., Географгиз, 1953. 338 с. с илл.
- Страны Тихого океана. М., «Советская энциклопедия», 1942, 563 с. с илл. и карт.
- Эйдус, Х. *Япония и США в войне на Тихом океане*. Ташкент, Госиздат УзССР, 1943. 76 с. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).

КИТАЙ

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

- Акопьян, Т. *Древняя Индия и Китай*. Ереван, Ереванский пед. ин-т, 1940. 112 с.
- Бичурин, Н. Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1—3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950—1953. Т. 1. 380 с.; Т. 2. 333 с.; Т. 3. Приложения. 323 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая).
- Болдырев, Б. Г. *Финансы Китайской Народной Республики*. Под ред. В. А. Масленникова. М., Госфиниздат, 1953. 199 с.
- Бушманов, Н. С. *Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае в 1931—1933 гг.* М., Воениздат, 1940. 142 с.
- Владимирова, И. и Жамин, В. *Успехи экономического строительства в Китайской Народной Республике*. М., Госполитиздат, 1953. 100 с.
- Войтинский, Г. Н. *Лекции по новейшей истории Китая (1924—1948 гг.)*. М., Изд-во МИВ, 1947. 71 с.
- Глушаков, П. И. *Китай. Эконом.-геогр. очерк*. М., Госполитиздат, 1940. 112 с. с илл. и карт.
- Глушаков П. И. *Маньчжурия. Эконом.-геогр. описание*. М., Географгиз, 1948, 264 с. с илл. и карт.
- Ефимов, Г. *Очерки по новой и новейшей истории Китая*. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1951. 575 с. с илл. и карт. (Изд. 1-е, 1949. 436 с.).
- Думан, Л. И. *Очерки по древней истории Китая*. XII в. до н. э.—I в. н. э. Л., 1938. 289 с. (Ленингр. Восточн. ин-т).
- Кара-Мурза, Г. С. *Лекции по истории Китая в средние века*. Стеклограф. изд. М., Изд-во Моск. ун-та, 1940. 112 с.
- Кара-Мурза, Г. С. *Очерки по новой истории Китая*. Стеклограф. изд. М., Изд-во МИВ, 1941. 2, 100 с.
- Кара-Мурза, Г. С. *Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае 1850—1864*. Изд. 2-е. М., Учпедгиз, 1950. 140 с. с илл. и карт. (Изд. 1, 1941, 124 с.).
- Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость*. Сб. статей. Под ред. акад. В. М. Алексеева и др. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, 536 с. с илл., карт. Библиогр.: с. 474—505 (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Китайский сборник* (Под ред. Е. М. Жукова и др.). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, 180 с. (АН СССР. Ученые записки Тихоокеанского ин-та, т. 3).
- Ковалев, Е. Ф. *Аренда и арендные отношения в Китае*. М., Госполитиздат, 1947. 107 с. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- Коган, А. *Национально-освободительная война героического китайского народа*. М., Воениздат, 1939. 144 с.
- Кузнецов, А. *Новый Китай*. М., Госполитиздат, 1952. 150 с.
- Кунгуров, Г. *Путешествие в Китай*. Новосибирск, Облгосиздат, 1948. 331 с.
- Купер, Н. В. *Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры в связи с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке*. Владивосток, 1949.

- Масленников, В. А. *Китай. Полит.-эконом. очерк*. М., Госполитиздат, 1946. 264 с. карт. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- Мякин, А. *Китайская Народная Республика*. М., Воениздат, 1952. 139 с. с илл. и карт.
- Никитин, Н. *Тайвань — неотъемлемая часть Китайской Народной Республики*. М., Госполитиздат, 1953. 78 с. с карт.
- Никифоров, В. *Гоминьдановские реакционеры — предатели Китая (1937—1945 гг.)*. М., Изд-во Моск. ун-та, 1953. 246 с. с илл. и карт.
- Никифоров, В., Эренбург, Г. и Юрьев, М. *Народная революция в Китае. Очерк истории борьбы и победы китайского народа*. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1953. 142 с. (Изд. 1-е, 1950. 143 с.).
- Новиков, Н. Н. *Японо-китайская война 1894—1895 гг.*, Воениздат, 1939. 104 с.
- Михайлов, Г. и др. *Японо-китайская война (Боевые действия 1937—1940 гг.)*. М., Воениздат, 1941. 170 с. с илл. и схем.
- Обручев, В. А. *От Кяхты до Кульджи: Путешествие в Центральную Азию и Китай. 1892—1894 гг.* М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940. 236 с.
- Пашкова, М. В. *Борьба за раскрепощение китайского народа. Очерки рабочего движения в Китае. 1925—1939 гг.* М., Соцэкгиз, 1939. 144 с. с илл., карт. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- Певцов, М. В. *Путешествие по Китаю и Монголии*. М., Географгиз, 1951. 283 с., карта.
- Певцов, М. В. *Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь*. М., Географгиз, 1949. 325 с. с илл. и карт.
- Роборовский, В. И. *Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии в 1893—1895 гг.* М., Географгиз, 1949. 491 с. с илл. и карт.
- Сладковский, М. *Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая*. М., Внешторгиздат, 1953. 302 с. с карт.
- Слепак, С. И. *Китай (Полит.-эконом. очерк)*. М., «Молодая гвардия», 1938. 72 с. с карт.
- Эренбург, Г. *Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время*. М., Учпедгиз, 1951. 240 с. илл. и карт.
- Юрьев, М. Ф. *Роль революционной армии китайской революции на первом этапе*. М., Изд-во Моск. ун-та, 1952. 192 с.
- Юсов, Б. В. *Тибет. Краткий эконом.-геогр. очерк*, М., Географгиз, 1952. 80 с. с карт. Библиогр.: с. 77—78.

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Драгунов, А. А. *Исследования по грамматике современного китайского языка, ч. I. Части речи*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952. 231 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Китайско-русский словарь*. Под ред. И. М. Ошанина. М., Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1952. XIII, 889 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения). Ключевой указатель... 1953, 62 с.
- Копрад, Н. И. *Сунь Цзы. Трактат о военном искусстве*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. 401 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Краткий русско-китайский и китайско-русский внешнеторговый словарь*. Сост. П. В. Шелекасов. Под ред. проф. В. С. Колоколова. М., Внешторгиздат, 1952. 304 с.
- Русско-китайский словарь*. 26 тыс. слов. Сост.: Чэнь Чан-хао, А. Г. Дубровский и А. В. Котов. 3-е изд. исправ. и доп. М., ГИС, 1953. XVI, 975 с. 2-е изд. 1952. XVI, 976 с.
- Федоренко, Н. Т. *Очерки современной китайской литературы*. М., Гослитиздат, 1953. 254 с.

КОРЕЯ

- Зайчиков, В. Т. *Корея* (Изд. 2-е перераб. и доп.). М., Географгиз, 1951. 480 с. с илл. и карт. Библиогр.: с. 465—466.
- Корейская Народно-Демократическая Республика* (Сборник). М., Изд-во АН СССР. 1953. 445 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Крайнов, П. А. *Борьба корейского народа за независимость*. М., Госполитиздат, 1948. 104 с. с карт.
- Пигулевская, Е. А. *Корейский народ в борьбе за независимость и демократию*. М., Изд-во АН СССР, 1952. 360 с. (АН СССР. Ин-т экономки).
- Русско-корейский словарь*. Сост. Д. М. Усатов и др. Под ред. Пак Чон Сика и Н. С. Кима. М., Изд. иностр. и нац. словарей, 1951. XV, 1056 с.
- Толченов, М. П. *Вооруженная борьба корейского народа за свою свободу и независимость* (Обзор военных действий июня 1950 г.—июнь 1952 г.). М., Воениздат, 1952. 112 с. с карт.
- Тягай, Г. Д. *Крестьянское восстание в Корее в 1893—1895 гг.* М., Изд-во АН СССР, 1953. 204 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Холодович, А. А. *Корейско-русский словарь*. М., Изд. иностр. и нац. словарей, 1951. XIX, 664 с.
- Яровой, В. *Корея — военный плацдарм японского империализма*. М., Воениздат, 1939. 88 с. с илл. и карт. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).

МОНГОЛИЯ

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

- Варгин, Н. Т. *Монгольская Народная Республика*. М., Воениздат, 1949. 112 с. с илл. и карт.
- Дылыков, С. Д. *Демократическое движение монгольского народа в Китае*. М., Изд-во АН СССР, 1953. 135 с. с портр. Библиогр.: с. 127—131 (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Козли, С. А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань, чао би ши*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, т. 1. 620 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Труды... XXXIV).
- Козлов, П. К. *Монголия и Кам. 3-х летнее путешествие по Монголии и Тибету (1899—1901 гг.)*. М., Географгиз, 1947. 488 с., с илл. и карт.
- Козлов, П. К. *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция в Негорной Азии 1907—1909*. М., Географгиз, 1947. 328 с. с илл. и карт.
- Козлов, П. К. *Путешествие в Монголию 1923—1926*. Дневники, подготов. к печати Е. В. Козловой. М., Географгиз, 1949. 233 с., портр., с илл. и карт.
- Кунгуров, Г. и Сороковников, И. *Аратская революция. Исторический очерк. К 25-летию Монгольской народной революции*. Иркутск, Иркутское обл. изд-во, 1946. 143 с. с портр.
- Масленников, В. А. *Монгольская Народная Республика на пути к социализму*. М., Госполитиздат, 1951. 175 с.
- Монгольская Народная Республика*. Сборник статей (отв. ред. И. Я. Златкин). М., Изд-во АН СССР, 1952. 398 с. с илл. портр. и карт. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Мурзаев, Э. М. *Географические исследования Монгольской Народной Республики*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948. 211 с. с илл. и карт.
- Мурзаев, Э. М. *Монгольская Народная Республика*. Изд. 2-е. М., Географгиз, 1952. 469 с. с илл. и карт. (Изд. 1-е. 1948, 313 с.).
- Мурзаев, Э. М. *Монгольская Народная Республика*. Страна, люди, хозяйство. Л., Геогр. общ. СССР, 1947. 101 с.

- Обручев, В. А. *Восточная Монголия*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947. 351 с. с илл. и карт.
- Перлин, Б. *Монгольская Народная Республика*. Полит.-эконом. очерк. М., Гослитиздат, 1941. 76 с. с илл. и карт.
- Потанин, Г. Н. *Путешествие по Монголии*. М., Географгиз, 1948. 481 с. с илл. и карт.
- Пржевальский, Н. М. *Монголия и страна тангутов*. М., 1946. 333 с. с портр.
- Сапожников, В. В. *По русскому и монгольскому Алтаю*. Сокращен. изд. под научн. ред. и с коммент. В. В. Обручева. М., Географгиз, 1949. 579 с. с карт.
- Цапкин, Н. В. *Монгольская Народная Республика* (Полит.-эконом. очерк). М., 1948. 112 с. с карт. и портр.
- Шубин, В. Ф. *Земледелие Монгольской Народной Республики*. М., Изд-во АН СССР, 1953. 346 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Рипчин, А. Р. *Учебник монгольского языка*. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1952. 320 с.
- Санжеев, Г. Д. *Грамматика бурят-монгольского языка*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941. 188 с.
- Санжеев, Г. Д. *Сравнительная грамматика монгольских языков*. М., Изд-во АН СССР, 1953. 239 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Тодаева, Б. Х. *Грамматика современного монгольского языка*. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1951. 196 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

- Васильева, В. Я. *Индокитай*. (Полит.-эконом. очерк). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947. 275 с. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- Губер, А. А. *Индонезия и Индокитай*. (Полит.-эконом. очерк). М., Госполитиздат, 1942. 89 с. с карт.
- Губер, А. А. *Филиппинская республика 1898 года и американский империализм*. М., Госполитиздат, 1948. 507 с. (АН СССР. Тихоокеанский ин-т).
- Левинсон, Г. И. *Филиппины*. М., Географгиз, 1953. 64 с. с карт. и илл.
- Николаев, Т. *Великие перемены во Вьетнаме*. М., «Молодая гвардия», 1953. 144 с. с илл., портр. и карт.
- Шнейдер, С. С. *Бирма*. Эконом.-геогр. очерк. М., Географгиз, 1951. 328 с. с илл. и карт.

ЯПОНИЯ

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

- Болдырев, Г. И. *Японские милитаристы провоцируют войну*. М., Госполитиздат, 1938. 64 с.
- Болдырев, Г. И. *Финансы Японии* (Опыт исторического анализа). М., Госфиниздат, 1946. 289 с. с диагр.
- Быков, П. *Русско-японская война 1904—1905 гг.* Действия на море. М., Военмориздат, 1942. 102 с. с илл. и карт.
- Гальперин, А. *Англо-японский союз (1902—1921 гг.)*. М., Госполитиздат, 1947. 448 с. (АН СССР. Тихоокеанский ин-т).
- Глушаков, П. И. *Япония*. Краткое эконом.-геогр. описание. М., Воениздат, 1945. 152 с. с карт.
- Жуков, Е. *История Японии*. Краткий очерк. М., Соцэкгиз, 1939. 320 с. карт.
- Жуков, Е. *Русские и Япония*. Забытые страницы из истории русских путешествий. М., Главсевморпуть, 1945. 157,3 с. с илл.

- И с а к о в, И. С. *Операция японцев против Циндао в 1914 г.* М.—Л., Военмориздат, 1941. 272 с. с илл. и схем.
- К р а й н о в, П. А. *Рабочее и профессиональное движение в Японии после второй мировой войны.* М., Профиздат, 1949. 128 с.
- Л и в ш и ц, Ю. *Японский пролетариат и война в Китае.* М., Профиздат, 1940. 140 с. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- Л и ф, Ш. *Война и экономика Японии.* Под общ. ред. Варга Е. С., М., Политиздат, 1940. 248 с. (АН СССР, Ин-т мир. хоз-ва и мировой политики).
- Л у к љ а н о в а, М. И. *Японские монополии во время второй мировой войны.* М., Изд-во АН СССР, 1953. 394 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- М а г и д о в и ч, И. П. *Японские острова.* Геогр. очерк. М., Географгиз, 1947. 248 с. с илл. и карт.
- П е в з н е р, Я. А. *Монополистический капитал Японии («Дзайбацу» в годы второй мировой войны и после войны).* М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. 532 с.
- П о п о в, И. *Япония* (Полит.-эконом. очерк), М., Воениздат, 1940. 144 с. с илл. черт. и карт.
- Р а д у л ь-З а т у л о в с к и й, Я. Б. *Конфуцианство и его распространение в Японии.* М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947. 451 с. с илл. (АН СССР. Ин-т востоковедения), Труды... т. 47.
- Р е й х б е р г, Г. *Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.).* Под ред. Б. Рубцова, М., Соцэкгиз, 1940. 209 с. с илл.; 2 л. карт.
- Р о м а н о в, Б. А. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907 гг.* М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947. 493 с.
- Х а я м а, У. *Япония.* 2-е испр. и доп. изд. М., Соцэкгиз, 1938. 205 с.; карт. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- Ч е п р а к о в, Г. П. *Основы тактики японской армии.* М., Воениздат, 1940. 192 с. со схем.
- Ш в е д е, Е. Е. *Военно-морской флот Японии.* М.—Л., 1939. 60 с. с илл. и карт.
- Э й д у с, Х. Т. *Япония от первой до второй мировой войны.* М., Госполитиздат, 1946. 247 с. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Военный японо-русский словарь.* Сост. Д. П. Жуков и Б. И. Манзгур. Под ред. Н. И. Конрада. М., «Советская энциклопедия», 1939. 1242 с.
- З а р у б и н, С., Н а в р о н, Е., О р л о в а, А., Ц ы н, М. *Учебник японского языка (для вузов).* Под ред. Е. Л. Наврон. М., Изд. лит. на иностр. яз., 1953, ч. I. 292 с.
- Краткий русско-японский словарь.* Около 25 тыс. слов. Сост. А. Е. Глушкина и С. Ф. Зарубин. Под ред. проф. Н. И. Конрада. С прил. краткого грамматического очерка современного японского языка. Сост. Н. И. Фельдман (с. 925—1000). М., Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1950. 1000 с. Библиогр.: с. 8.
- П а ш к о в с к и й, А. *Грамматика японского литературного языка.* Морфология. М., Высшая школа Красной армии, 1941. 218 с.
- Русско-японский словарь* под ред. И. И. Коваленко. Около 13 000 слов. М., Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1947. 855 с. (Перепечатка на тит. л. Хабаровск, 1945).

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. Я. Аварин. Великая Октябрьская социалистическая революция и Восток	3
К. Ф. Ковалев. Аграрные преобразования в странах народной демократии Азии	13
Г. В. Астафьев. План социалистической индустриализации Китайской Народной Республики	26
Ф. И. Шабина. Корейский народ в борьбе за мир, независимость и национальное единство	44
Л. Н. Ватолина. Рост национального самосознания народов арабских стран (1945—1955 гг.)	58
А. С. Кауфман. Национально-освободительное движение в Бирме в 30-х годах	69
Б. Н. Данциг. Экономическое положение Турции	80
И. П. Петрушевский. О формах феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV вв.	96
Н. Т. Федоренко. О творчестве Лао Шэ	111
М. Г. Асламов. Народное движение рощани и его отражение в афганской литературе XVI—XVII вв.	121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. А. Калимов. Научная сессия о социалистическом реализме в литературе народов зарубежного Востока	133
М. Н. Иванова и Г. Д. Санжеев. XIV съезд польских востоковедов	136
Г. И. Михайлов. Лингвистическая конференция в Улан-Баторе	140

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. В. Георгиев. Брошюры о великих переменах в новом Китае	143
В. Я. Голант, А. М. Голдобин. Книга о национально-освободительном движении народов Африки	150
Н. И. Лагарев. Thakin Nu. Burma under the Japanese	154
Р. А. Мировицкая. Рабочее движение в Китае в период первой гражданской революционной войны	156
А. И. Стадниченко. Directory of Taiwan 1955	160
В. В. Журкин. М. М. Mehta. Combination movement in Indian industry	162
И. А. Латышев. Рабочее движение в Японии	166
А. С. Тегертинова. Проблемы средневековой и новой истории Турции в трудах болгарских ученых	172
И. С. Качельсон. В. А. Кочергина. Краткий очерк истории письма	179
Е. А. Беллев. Обзор французского журнала «Arabica»	183
Библиография	185

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),
Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУБЕР, А. М. ДЬЯКОВ,
Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН, М. И. ЛУКЬЯНОВА,
А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,
Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),
В. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2 Тел. Б 1-61-23

Т-09117 Подписано к печати 1/XI 1955 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6
Печ. л. 16,4 Уч.-изд. листов 17,2 Заказ 1706 Тираж 3500 экз.
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10